

Восточный архив

№ 1 (29), 2014

Восточный архив

Издается с 1998 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
Свидетельство ПИ № ФС77-32098 от 30 мая 2008 г.

Индекс 65049 в подписном каталоге «Пресса России».

Редакционный совет

В.В. Наумкин – председатель
В.В. Беляков – зам. председателя
Д.Д. Васильев
В.С. Мясников
Р.Г. Пихоя
М.Р. Рыженков
Т.А. Филиппова
А.Н. Хохлов

Редколлегия

В.В. Беляков – главный редактор
Н.К. Чарыева – ответственный секретарь
Д.Д. Васильев
Л.В. Зеленина
А.Ш. Кадырбаев
М.Т. Кожекина

Художественное оформление

С.И. Потабенко

Верстка

Г.М. Абишева

Журнал издается Институтом востоковедения РАН
Адрес редакции: 103031, Москва, Рождественка, д. 12, комн. 213
E-mail: orientalarchive@yandex.ru

Воспроизведение или распространение полностью или частично текста «Восточного архива» в любой форме и любыми способами не допускается без письменного согласия редколлегии.

Всю ответственность за точность и достоверность фактов, цитат и цифр, а также за то, что статьи не содержат данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы.

Позиция редакции не обязательно совпадает с мнениями авторов.

При цитировании ссылка на журнал «Восточный архив» обязательна.

Подписано в печать _____

Объем 12,0 п. л.
Отпечатано на оборудовании ИВ РАН
103031, Москва, Рождественка, 12

Цена в розницу договорная

© Авторы

© Институт востоковедения РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора	3
Кадырбаев А.Ш. Открытие и освоение Сахалина: кому принадлежит пальма первенства?	4
Васильев А.Д. Участие морского ведомства в Ахал-текинской экспедиции	15
Каздагли Н. Консульское присутствие России в Тунисе в период французского протектората (конец XIX – начало XX в.)	19
Хохлов А.Н. Китаист Д.А. Пешуров – дипломат и педагог	25
Козлов Д.Ю. Османская империя периода Первой мировой войны в новых публикациях германских архивных документов	35
Филиппова Т.А. Кавказский фронт в русской журнальной сатире эпохи Первой мировой войны. По материалам журнала «Новый Сатирик»	40
Тихонов Ю.Н. Подготовка советской миссии в Афганистан в 1920 г. Неизвестное письмо М.М. Грузенберга (Бородин) В.И. Ленину	47
Смирнов А.С. Русский в гробнице Тутанхамона	51
Беляков В.В. О родине и о судьбе. Литературное творчество русских эмигрантов в Египте	61
Бухерт В.Г. В защиту советской арабистики. Письма В.Б. Луцкого Н.С. Хрущеву и А.М. Панкратовой. 1953 г.	68
Султонов У.А. Русский востоковед А.Л. Кун и его коллекция исторических документов мазара Ахмада Йасаи	76
Длужневская Г.В. Фонды фотоархива Института истории материальной культуры РАН (Окончание)	84
Наши авторы	96

Oriental Archive

No. 1 (29), 2014

CONTENTS

Editor's notes	3
Kadyrbaev, Alexander. Discovery and reclamation of Sakhalin: who was the first?	4
Vassilyev, Alexander. Russian Navy in Ahal-Tekin expedition	15
Kazdagly, Negmeddin. Russian consulate presence in Tunis during French protectorate (late XIX – early XX century)	19
Khokhlov, Alexander. On Dmitriy Peshchurov as a diplomat and a teacher of the Chinese language	25
Kozlov, Denis. Ottoman Empire during the First World War in new publications of German archives	35
Filippova, Tatiana. Caucasus front of the First World War in Russian satirical magazine “New Satiricon”	40
Tikhonov, Yuriy. Preparation of the Soviet diplomatic mission to Afghanistan in 1920. Unknown letter to Vladimir Lenin	47
Smirnov, Alexander. Russian professor in Tutankhamun's tomb	51
Beliakov, Vladimir. On homeland and destiny. Literary creative works of Russian emigrants in Egypt	61
Buhert, Vladimir. Defending Arab studies in the USSR. Letters from Vladimir Lutskiy to Nikita Khrushchev and Anna Pankratova	68
Sultonov, Uktambek. Russian orientalist Alexander Kun and his collection of historical documents related to <i>mazar</i> of Ahmad Yasawy	76
Dluzhnevskaya, Galina. Funds of the photographic archive of the Institute of the History of the Material Culture (Final part)	84
Contributors	96

СЛОВО РЕДАКТОРА

Дорогие коллеги!

В этом году исполняется 100 лет со дня начала Первой мировой войны, и историки-архивисты не могли пройти мимо столь знаменательной даты. Ей посвящены две статьи, публикуемые в данном номере «Восточного архива». Д.Ю. Козлов знакомит коллег с новыми публикациями германских архивных документов, посвященных Османской империи периода Первой мировой войны, а Т.А. Филиппова – с отражением в русской журнальной сатире положения на Кавказском фронте.

Кстати сказать, Первой мировой войне планируется посвятить специальное заседание III Международной научной конференции «Архивное востоковедение», которая состоится 12–14 ноября 2014 года в Институте востоковедения РАН. Подготовка к конференции идет по плану. В Оргкомитет поступило несколько десятков заявок на участие, преимущественно от авторов «Восточного архива». Формируется сборник тезисов докладов, который будет издан до начала конференции.

Пожалуй, второй примечательной чертой нынешнего номера журнала является тот факт, что двое авторов – наши коллеги из ближнего и дальнего зарубежья. У.А. Султонов (Узбекистан) прислал статью, посвященную коллекции исторических документов мазара Ахмада Йасави в личном архиве востоковеда А.Л. Куна, а Н. Каздагли (Тунис) – консульскому присутствию царской России в его стране.

Хотел бы обратить ваше внимание на две статьи. А.Ш. Кадырбаев убедительно доказывает, что пальма первенства в открытии и освоении Сахалина принадлежит нашим соотечественникам. Полагаю, что этот вывод имеет немалое не только научное, но и политическое значение. Вторая статья, подготовленная А.С. Смирновым, знакомит нас с впечатлениями профессора Г.И. Лукьянова от посещения в начале 1923 г. только что обнаруженной гробницы фараона Тутанхамона. Лукьянов стал не только первым русским, но и вообще одним из первых египтологов, кому довелось познакомиться с этой величайшей археологической находкой XX века.

В заключение выполняю приятную миссию: от имени редколлегии «Восточного архива» поздравить члена редакционного совета журнала и его самого активного автора Александра Николаевича Хохлова с 85-летием. О его заслугах в области архивного востоковедения наш журнал писал в связи с предыдущим юбилеем*. С тех пор эти заслуги значительно умножились. Доброго Вам здоровья и новых интересных находок, дорогой Александр Николаевич!

В.В. Беляков

* См.: *Шеремет В.И.* Дуайен корпуса архивных востоковедов. А.Н. Хохлову – 80 лет // Восточный архив, № 1(19), 2009, с. 93–94.

А.Ш. Кадырбаев

ОТКРЫТИЕ И ОСВОЕНИЕ САХАЛИНА: КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ ПАЛЬМА ПЕРВЕНСТВА?

Сахалин был известен русским еще до того, как по реке Амур прошла первая экспедиция во главе с В.Д. Поярковым – письменным головой Якутского острога. 15 июля 1643 г. отряд из 132 человек отправился «встречь солнца» из Якутска по реке Лене до устья Алдана. Затем по рекам Учур, Гоннам, Бранты, Зее он дошел до устья Амура, где перезимовал, а летом 1645 г. впервые в истории вышел в Сахалинский залив. Пояркову принадлежат первые относительно конкретные сведения об острове, лежащем против устья Амура, – Сахалине¹. На картах русских промышленников и мореходов XVIII в. (а затем и на картах первых русских атласов) Сахалин изображался островом, против которого обозначалось устье полноводного Амура. Но затем, вследствие заблуждений ряда мореплавателей, как иностранных, так и отечественных (об этом речь пойдет ниже), Амур оказался «закрыт» для входа морских судов, а Сахалин «превращен» в полуостров.

Когда в XIX в. русские начали освоение Сахалина, то они обнаружили на острове коренное население – айнов и орохонов (тунгусов). Вскоре выяснилось, что орохоны являлись потомками тех подданных России, которые перебрались туда на исходе XVI столетия из Удского края (Восточной Сибири. – *Авт.*). Так что российские подданные жили на Сахалине почти за 100 лет до экспедиции Пояркова². «Это обстоятельство представляло один из факторов, составлявших неоспоримые права России на обладание островом»³.

В 1738–1739 годах офицеры военноморского флота Российской империи – лейтенанты Шпанберг, Вальтон и мичман Шельтинг, участвовавшие в экспедиции В. Беринга 1733 года, которая имела целью открыть путь в Японию, плавали с Камчатки вдоль Курильских островов и доходили до

Японии. Во время этого путешествия они получили сведения от обитателей Курил, что к северу от Японских островов «лежит большая земля Карафута (Сахалин), что на южной ее оконечности живут айны – народ, одноплеменный курильцам, и, наконец, что эта земля находится близ устья большой реки Шунгала (Сунгари-Ула), то есть Амура. Но, так как Шпанбергу не поверили, что он был в Японии... то в 1742 году лейтенанту Шпанбергу было предписано совершить вторичное путешествие из Камчатки в Японию. Он, по случаю открывшейся в его судне сильной течи, не дошел и принужден был вернуться обратно. Вместе со Шпанбергом отправился с той же целью и мичман Шельтинг, он был удачливее своего начальника, достиг Сахалина... осмотрел почти весь восточный берег (спустившись почти до пролива Лаперуза), но за поздним временем, не достигнув Японии, возвратился на Камчатку. Вслед за этими мореплавателями и наши промышленники стали посещать Курильские острова, они встречались с японцами и всегда были принимаемы ими дружелюбно... Эти экспедиции и сведения, полученные от промышленников и от находившихся у нас японцев, дали нам понятие об Японии и о том, что Сахалин (Карафута) – большая земля, лежащая близ устья большой реки Амура; что эта земля заселена различными инородцами, ни от кого не зависимыми...»⁴ Российская экспедиция на Сахалин во главе с Шельтингом состоялась в 1746 г. «По сведениям о посещении Сахалина Шельтингом оказывается, что русские были первыми из европейцев, подходившими к Сахалину; они описали почти все берега его и, наконец, были первыми, поселившимися на Сахалине»⁵.

Позднее французский мореплаватель Лаперуз (Жан-Франсуа де ла Перуз), имя которого и поныне носит пролив между Саха-

лином и японским островом Хоккайдо, и его офицеры, совершавшие в 1785–1788 годах кругосветное путешествие на кораблях «Буссоль» и «Астролябия», описали юг Сахалина и безуспешно искали пролив между Сахалином и материком⁶. «Через 10 лет после этого, именно в 1793 году, в Татарский пролив пришел английский мореплаватель капитан Браутон. Он пришел туда на бриге... обстоятельства заставили Браутона... сделать, как и Лаперуз, то же самое заключение, то есть что Сахалин – полуостров и что вход в реку (Амур. – *Авт.*) недоступен для мореходных судов, ибо устье его заперто мелями»⁷. Как и его французский предшественник, Браутон безуспешно пытался найти пролив между Сахалином и материком.

В 1803 г. российское правительство поручило И.Ф. Крузенштерну, начальнику первой русской кругосветной экспедиции, описать северо-восточную часть Сахалина. Он сделал это в 1805 г. на пространстве 10 миль (18,5 км) около 52-й параллели северной широты. «13 августа того же года он увидел между Сахалином и материковым берегом пролив около 6 миль ширины; приняв его за канал, идущий из реки Амура... Из своей описи Амурского лимана... Крузенштерн решительно заключил: что нет никакого сомнения в том, что Сахалин – полуостров...»⁸ Крузенштерн и участник его экспедиции Ф.Ф. Беллинсгаузен составили карту Сахалина, на которой появились названия (мысы Елизаветы, Марии, Мордвинова, Де ла Кройера, Соймонова). После плавания Крузенштерна ошибочное представление о том, что Сахалин – полуостров, окрепло в среде европейских и российских ученых.

Исследования северной части Татарского пролива и лимана Амура, произведенные в 1808 г. японским землемером Маии Ринзо, который составил карту лимана и убедился в островном положении Сахалина, не смогли существенно повлиять на мнение многочисленных сторонников знаменитых мореплавателей. Этому способствовало и то, что карта Ринзо была опубликована Ф.Ф. Зибольдом только в 1832 г. и не произ-

вела сенсации, так как японец плавал на лодке. Путаница была так велика, что еще одна карта, как впоследствии оказалось, достоверная, ничего на тот момент не изменила, хотя и посеяла сомнения⁹.

«За Крузенштерном в 1806 году по поряжению полномочного посла (в Японии. – *Авт.*) Резанова были посланы... к южной оконечности Сахалина лейтенанты Хвостов и Давыдов. Офицеры эти, придя в залив Анива, вследствие секретных приказаний Резанова оставили там для заявления о занятии русскими Сахалина 5 матросов. Эти матросы впоследствии перешли на реку Тымь, где жили оседло, и последний из них, Василий, умер в 1847 году. На пути из Анивы Хвостов и Давыдов шли вдоль восточного берега Сахалина и осмотрели его. Во время пребывания их на Сахалине там не было ни одного японца, и туземцы говорили им, что японцы к ним не ходят, что они никому ясака не платят»¹⁰, т.е. в подданстве никакой державы не состоят. Н.А. Хвостов и Г.И. Давыдов были первыми военно-морскими офицерами, поступившими в самом начале XIX в. на службу Российско-Американской компании, созданной российскими властями в 1799 г. для освоения русских владений в Америке от Аляски до Алеутских островов и берегов Калифорнии. Их пребывание на Сахалине на бригах «Юнона» и «Авось» длилось до 1807 г. Хвостов объявил местным жителям Сахалина из народности айнов о принадлежности острова России, уничтожил возведенные там японцами летние жилища, а взятых им в плен четырех японцев доставил в Японию на остров Хоккайдо.

Чтобы выявить истину и развеять сомнения в отношении географического положения Сахалина и недоступности входа в Амур с моря, в 1844 г. бриг «Константин», направленный Российско-Американской компанией, исследовал устье Амура. Он подтвердил неверные представления о том, что Сахалин полуостров, а устье Амура непригодно для захода морских судов, якобы из-за маловодья. Вместе с тем его капитан А.М. Гаврилов «не заметил никаких призна-

ков китайского правительственного влияния на эти места и на обитателей гиляков (нивхов. – *Авт.*), которые... никому ясака не платят»¹¹. Из этого следовало, что нивхи, коренные жители Приамурья и Сахалина, были неподвластны до прихода русских ни Китаю, ни какой-либо другой державе.

К освоению Приамурского и Уссурийского краев, Сахалина российское правительство побуждало также возраставшее к середине XIX в. «внимание» к этим, тогда казавшимися «ничейными», землям со стороны североамериканцев и западноевропейцев. «В начале 1840-х годов в Охотском, Беринговом и Камчатском морях появляются целые флоты отважных и дерзких китобоев и вывозят каждый год из наших морей на десятки миллионов пиастров произведений китового промысла... Последние грабили не только наши прибрежья, но заходили и в самый Петропавловск (–Камчатский. – *Авт.*), разбивали там караул и разбивали на дрова батареи; по прибрежьям жгли леса, грабили жителей и били в бухтах детенышей китов, истребляя таким образом этих животных в наших морях...»¹²

Осознание того, что присоединение к России и освоение ею крайнего северо-востока Азиатского континента является важной сферой ее жизненных интересов, стало находить отражение в настроениях российского общества: «В периодических изданиях того времени и газетах появились указания на важное значение для России Приамурского края. Это обстоятельство, сведения, что гиляки (жители низовья Амура и Сахалина. – *Авт.*) независимы от Китая (и Японии. – *Авт.*), и наконец, представления по этому вопросу генерал-губернатора Восточной Сибири Руперта достигли наконец и престола... Император Николай I, несмотря на представленные ему опасения о возможностях разрыва отношений с Китаем, о неудовольствии Европы, в особенности англичан – если мы решимся действовать с целью обладания Приамурским краем, и наконец, несмотря на убеждения, что действия наши не принесут пользы из-за мнения знаменитых мореплавателей, что устье Амура недоступно с моря и

Сахалин – полуостров, – пожелал все же осуществить мысль своего прапрадеда (Петра Великого. – *Авт.*) и бабки (Екатерины Великой. – *Авт.*). Все доводы графа Нессельроде (канцлер и министр иностранных дел Российской империи. – *Авт.*) не могли поколебать воли императора...»¹³

После неудачного рейда брига «Константин» под началом Гаврилова «император высочайше повелеть соизволил... дело о реке Амур навсегда считать законченным». Тем не менее российские военные моряки «решили действовать в сложившихся обстоятельствах вне повелений [свыше]... одушевленные и гражданским мужеством, и отвагой, готовые на все жертвы для блага своего Отечества! Озарить этот край светом истины и этим отклонить высшее правительство от потери его навсегда для России возможно было лишь случайно и при содействии лиц, твердо убежденных в ошибочности взгляда на этот край, – взгляда, унаследованного от авторитетных, знаменитых мореплавателей и последующих за ними экспедиций... В такое именно положение поставлены были здесь наши морские офицеры с 1849 по 1855 год. Они-то, возбудив погребенный, казалось, навеки Амурский вопрос, разрешили его» и стали «виновниками присоединения этого края и острова Сахалин к России»¹⁴. Таковы были «все предшествовавшие 1849 году события на отдаленном нашем Востоке», позволившие «справедливо оценить всю важность деятельности в этом крае наших морских офицеров с 1849 по 1855 год, – деятельности, далеко выходящей из ряда обыкновенных»¹⁵, олицетворением каковой стали Амурская экспедиция и предшествовавшая ей экспедиция на Сахалин.

Экспедиция в 1849 г. на Сахалин транспорта «Байкал» под командованием капитан-лейтенанта Г.И. Невельского, действовавшего по приказу начальника Главного Морского штаба России адмирала, генерал-адъютанта князя А.С. Меншикова и при содействии генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева, доказала островное положение Сахалина и доступность Амура

для входа в него морских судов. В самом начале экспедиции Невельской действовал на свой страх и риск, с крайне ограниченными материальными ресурсами, т.к. разрешение на нее он получил позже, что грозило ему суровыми последствиями. В частности, канцлер Нессельроде, несмотря на успех экспедиции, настаивал на разжаловании Невельского в матросы.

30 мая 1849 г. из Петропавловской гавани Невельской на транспорте «Байкал» вышел к восточному берегу Сахалина. Своих офицеров он предупредил, что всю ответственность за этот поход он берет на себя, а их долг – выполнять распоряжения командира. Маршрут транспорта пролегал в непосредственной близости от острова, что хорошо видно из отчетной карты Невельского¹⁶ и из журнала плавания «Байкала», регулярные записи в который заносил старший офицер П.П. Казакевич. Офицеры «Байкала» – лейтенант А.К. Гревенс, мичманы А.Ф. Гейсмар, Э.В. Гроте, поручик корпуса флотских штурманов А.А. Халезов, подпоручик этого же корпуса Л.А. Попов, юнкер К.А. Ухтомский и врач В.Г. Берг приступили к подробной съемке берега Сахалина. 17 июня моряки обогнули самую северную оконечность Сахалина – мыс Елизаветы, затем встали на якорь между этим мысом и мысом Марии, откуда начали исследования в Сахалинском заливе. 19 июня был открыт залив, получивший название залива Байкал. 27 июня «Байкал» встал на якорь в южной части Сахалинского залива и дальнейшие исследования продолжались уже на шлюпках. Вначале шлюпки под командованием Казакевича и мичмана Гроте отправились соответственно вдоль материкового и сахалинского берегов Татарского пролива. Гроте, следуя вдоль сахалинского берега, обнаружил глубокий канал, но вскоре его преградила отмель, идущая в западном направлении. Мичман был вынужден прекратить дальнейшие поиски и вернулся на «Байкал». Тогда Невельской лично возглавил новую экспедицию, в составе которой были три офицера – Гейсмар, Гроте, Попов, доктор Берг и 14 старшин и матросов. 15 июля моряки отправились на

шестерке (шлюпке с шестью веслами. – *Авт.*), вельботе и четверке (шлюпке с четырьмя веслами. – *Авт.*) по лиману на юг¹⁷. Они беспрепятственно вошли в устье Амура, откуда «22 июня достигли того берега, где этот матерой (материковый. – *Авт.*) берег сближается с противоположным ему сахалинским, – писал Г.И. Невельской. – Здесь-то между скалистыми мысами на материке, названными мной Лазарева и Муравьева, и низменным мысом Погоби на Сахалине, вместо найденного Крузенштерном, Лаперузом, Браутоном и в 1846 г. Гавриловым низменного перешейка, мы открыли пролив шириною в 4 мили и с наибольшею глубиною в 5 саж. Продолжая путь свой далее к югу и достигнув 24 июля широты той, до которой доходили Лаперуз и Браутон, мы возвратились обратно и, проследовав открытым нами южным проливом (теперь проход Невельского. – *Авт.*), не теряя нити глубин, выведших нас из Татарского залива (пролива) в лиман, направились вдоль западного берега Сахалина»¹⁸.

На «Байкал» отряд вернулся 30 июля. Так было доказано островное положение Сахалина и доступность устья Амура для входа в него морских судов с севера и юга. Затем «Байкал» возвратился в порт Аян, где его с нетерпением ожидал генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев, который привез утвержденную инструкцию «свыше», разрешающую исследование и освоение Приамурского края и Сахалина. Высочайшее разрешение не было лишним, оно задним числом легитимизировало действия Невельского, так что его инициатива привела к успеху.

Воистину, безумству храбрых поем мы песню! 1 сентября на рейде порта показался «Байкал», навстречу которому устремился катер генерал-губернатора. Еще с палубы корабля Невельской доложил Муравьеву о сделанных открытиях. А затем долго и возбужденно рассказывал о плавании, показывал карты и судовые журналы, наглядно доказывавшие, что устоявшимся заблуждениям положен конец. Из Аяна об открытиях Невельского было послано обстоятельное

донесение в Главный Морской штаб А.С. Меншикову. Сам Невельской поспешил в Охотск, где сдал «Байкал» портовому начальству и отправился с офицерами транспорта в Санкт-Петербург, куда они прибыли в декабре 1849 г. Там Невельской узнал о своем производстве за совершенные открытия в капитаны 2 ранга (6 декабря 1849 г.). Он представил А.С. Меншикову все материалы исследований и просил его об организации Амурской экспедиции¹⁹.

Успешные открытия на крайнем Востоке России послужили обоснованием для организации Амурской экспедиции 1850–1855 годов, опять под началом Невельского, к тому времени уже капитана 1 ранга. Результатом экспедиции стало учреждение российских постов на Сахалине и в Приамурье. Вопреки данным ему инструкциям, Невельской основал Николаевск-на-Амуре (ныне Комсомольск-на-Амуре. – *Авт.*) и поднял там Андреевский флаг, заявив этим о принадлежности Приамурья России. За это он оказался под угрозой разжалования в матросы. Однако его спасло заступничество А.С. Меншикова и Н.Н. Муравьева.

Особенно отличился во время экспедиции лейтенант Бошняк, совершивший трудное и очень важное в научном отношении путешествие на Сахалин. По приказу Невельского Бошняк «11 февраля (1852 г. – *Авт.*) отправился на остров Сахалин до селения Дуэ на собаках с гиляком Позвейном, говорившим по-тунгусски и знавшим наречие жителей этой части Сахалина (айнов), а также с казаком Парфентьевым, тоже говорившим по-тунгусски. Офицеру этому приказано было: установить местонахождение каменноугольных месторождений; возможно ли более или менее удобно производить погрузку судов каменным углем; собрать сведения о состоянии страны и отношениях местного населения к Китаю и Японии; о главном и наиболее населенном пункте острова; о подходящих к берегам Сахалина иностранных судах и, наконец, о том, действительно ли жили на реке Тыми русские. Если это справедливо, то осмотреть то место и самую реку Тымь... 22 марта лейте-

нант Бошняк совершенно больной возвратился с острова Сахалин и донес (Невельскому. – *Авт.*), что, переправившись... через пролив на Сахалин... направился вдоль берега на юг...» По пути он разведal, «что самое большое количество каменного угля находится в заливе Дуэ и что его также много имеется на большой реке Тыми... Отсюда Н.К. Бошняк тем же путем, имея раны на ногах, совершенно изнуренный от усталости и голода, после трехнедельного странствования возвратился в селение Мгачи. Во время этого пути Бошняк 10 дней питался только юколой (вяленой рыбой), брусникой и полугнилым тюленьим мясом, ибо своя провизия и чай у него вышли. Из Мгачи Бошняк, взяв свою нарту (ездовых собак. – *Авт.*) и Позвейна... поехал обратно, но смог добраться только до селения Тыке, т.к. почти все собаки у него околели. Провизии никакой уже не было, и они, питаясь юколой и нерпичьим жиром, отсюда на наемных нартах едва живые дотащились наконец до Николаевска (-на-Амуре. – *Авт.*)»²⁰. Как очевидно из вышеизложенного, лейтенант Бошняк достойно выполнил данное ему поручение, воистину «не щадя живота своего».

Бошняк также установил, что еще до прихода на остров экспедиции Невельского «русские жили около селения Чхар-во и что двое из них имели детей от своих кекгальских жен (из местных народностей. – *Авт.*)... жившие здесь русские имели книгу», в которой «едва разборчивым почерком было записано: «Мы, Иван, Данила, Петр, Сергей и Василий, высажены в айномском селении Томари-Анива Хвостовым 17 августа 1805 года; перешли на реку Тымь в 1810 году, в то время когда пришли в Томари японцы... жили русские... в трех избах и у них были огороды...»»²¹

Характерно, что отношение к русским у местных народов Сахалина было доброжелательным: «Жители говорили, что русские были хорошие люди и вместе с ними ходили на рыбный и звериный промыслы, одевались русские так же, как и кекгальцы... Таким образом... наши соотечественники явились на Сахалин гораздо раньше японцев»²².

При этом, говоря о взаимоотношениях русских с коренными народностями Сахалина, следует отметить, что местные жители видели в русских защиту от внешних пришельцев. «Все прибрежные жители на Сахалине говорили Бошняку, что с ранней весной туда приходят иностранные суда, команды которых выходят часто на берег, берут насильно у них рыбу и делают разные бесчинства, потому и просили Бошняка, чтобы мы их защищали от этих насилий»²³.

Что касается представителей Страны Восходящего Солнца, то «японцы начали приходить на Сахалин сначала для ловли рыбы и торговли, ныне же у них в главном селении острова Томари-Анива и по другим селениям находятся склады риса и араки, которыми они платят за работу айнам, и... для сохранения этих складов несколько японцев остаются на зимовку в этих селениях»²⁴.

Амурская экспедиция установила, что «все народы, обитающие на Сахалине, никакой власти — ни китайской, ни японской — над собой не признают и ясака никому не платят»²⁵. «Эти факты знаменательны для России в том отношении, что они представляют бесспорное право России на обладание Сахалином»²⁶, — свидетельствует Г.И. Невельской.

Важное значение Амурской экспедиции состояло и в том, что именно ее участникам — российским военным морякам — принадлежат открытия в области географических исследований Сахалина и научного знакомства с народами, обитавшими на острове. Тот же Бошняк провел разведку недр, обнаружив месторождения каменного угля, сделал географические описания местностей и селений по пути своего следования по Сахалину, а также дал этнографическую характеристику некоторым местным народам. «Река Тынь самая большая из рек, орошающих остров Сахалин. Жители этой реки, потомки удских тунгусов, орохоны и кекгальцы, находятся в самом диком состоянии. Религия их, как можно было заметить, — шаманство в самом грубом виде. Они вообще добродушны и в этом смысле гораздо лучше гиляков.

Жилища их грязны и почти такие же, как и у гиляков; питаются они рыбой, кореньями, ягодами и дичью. Общий промысел их — охота и рыболовство; но самый прибыльный — ловля орлов, хвосты которых они сбывают японцам за рис и водку. Здесь довольно много соболей, выдр и лисиц, но мех этих зверей дурного качества. В Ныйском заливе Бошняк видел у жителей довольно много янтаря, который, по словам их, находится в изобилии на восточном берегу Сахалина. Из каменного угля они делают различных идолов, вроде тех птиц или зверей, которые у них почитаются злыми; они часто их наказывают или топят и даже разбивают. Точно так же из каменного угля они делают пуговицы, но не употребляют его как топливо, хотя и знают, что он горит...»²⁷

Русских пытались опередить американцы и англичане, которые стремились проникнуть на Сахалин и завладеть угольными месторождениями на острове. Чтобы понять их важность, достаточно вспомнить, что во второй половине XIX в. уголь играл роль нефти в современном мире и являлся основным энергоносителем. Поэтому в своем донесении генерал-губернатору Невельской писал: «Кроме того, следует занять еще одну бухту на западном берегу острова Сахалин и выслать в крейсерство (патрулирование. — *Авт.*) в Татарском проливе военное судно. Все это крайне необходимо, во-первых, ввиду ожидаемого прибытия в этот залив американской экспедиции, а во-вторых, для подкрепления постов... только этими действиями мы фактически можем заявить американцам и всем иностранцам о принадлежности этого края России и тем предупредить всякие на него с их стороны покушения»²⁸. Согласно приказу Невельского, «в случае прихода... американских военных судов принять их сколь возможно дружелюбно, вежливо и радушно; при сношении же с начальниками и офицерами объяснить, что... вся эта страна (Приамурский край. — *Авт.*) пустынна, гориста, без всяких путей сообщения; что по Нерчинскому трактату, заключенному с Китаем в 1689 году, и по праву занятия острова Сахалин нашими тун-

гусами (подданными России. – *Авт.*) в XVII столетии, первоначального его описания в 1742 году и занятия южной части его в 1806 году русскими вся страна эта до корейской границы (Приамурский и Уссурийский края. – *Авт.*), равно как и остров Сахалин, всегда составляли и составляют российские владения... всеми мерами содействовать американцам для достижения ими ученой цели... стараясь при этом показать им, что всякое распоряжение с их стороны (носясь слухи, что будто бы цель прибытия этих судов в Татарский пролив заключается в занятии на берегах этого пролива пункта) не может быть допускаемо без разрешения высшего правительства (России. – *Авт.*)... В случае прихода китобойных или иных иностранных частных судов заявляйте им, что, так как все эти берега составляют российские владения, то никакие с их стороны произвольные распоряжения, а равно насилия и обиды гилякам и другим населяющим берега народам, как состоящим под нашей защитой и покровительством, не могут быть допускаемы. Затем, по возможности тщательно наблюдайте за их действиями»²⁹.

Таким образом, русские оправдали надежды местных народов Сахалина. Переход в подданство России обеспечивал последним защиту от произвола иностранцев, чьи суда до распространения на остров российской юрисдикции вторгались в прибрежные воды Сахалина, вели здесь незаконный промысел, грабили и даже убивали местных жителей. Появление русских на Сахалине не встретило противодействия со стороны его коренных народов, они отнеслись к пришельцам скорее доброжелательно. Причина тому – характер российской политики по отношению к коренному населению острова: «Строгое соблюдение нами как бы священных для гиляков обычаев и, наконец, строгое взыскание при них же и с наших людей за всякую причиненную им обиду – постепенно располагали гиляков в нашу пользу... поселяли к нам уважение и убеждение, что мы пришли к ним не с тем, чтобы их поработить... но напротив, защищать их от всяких насилий и не касаться их обычаев»³⁰.

Вероятно, предпочтительное отношение коренного населения Сахалина к русским, нежели к японцам и другим «залетным» иностранцам с китобойных и военных кораблей, в том числе американцам и англичанам, сыграло свою роль в мирном переходе острова под юрисдикцию России. Это делает честь российской политике и людям, ее олицетворявшим, каковыми и были российские военные моряки.

Приказ Невельского относительно американской экспедиции был обусловлен предписанием военно-морского министра Российской империи, великого князя Константина Николаевича от 12 февраля 1853 г., которое гласило: «По распоряжению президента Северо-Американских Штатов снаряжены две экспедиции: одна с целью установления политических и торговых связей с Японией, а другая – ученая – для обозрения берегов Тихого океана до Берингова пролива; почему правительство Штатов просило дружелюбного внимания и содействия этим экспедициям в случае, ежели бы суда зашли в пределы наших владений на азиатском и американском берегу. Государь император высочайше повелеть соизволил предписать начальствующим лицам в тамошних наших владениях оказывать экспедициям дружественное внимание и приветливость в должных границах благоразумия и осторожности... по официальным сведениям обе эти экспедиции в ноябре 1852 года вышли в море... Ученая экспедиция, имеющая целью исследовать Китайское (и Японское) море, северную часть Тихого океана и Берингов пролив, по всей вероятности около половины лета 1853 года будет находиться в наших пределах. Она находится под начальством капитана Рингольда и состоит из следующих судов: военного шлюпа “Vincennes”, парохода “John Hamock”, брига “Porpoise” и маленького лоцманского парохода... Поставляю вас, таким образом, в известность как о воле государя, так и о целях и составе экспедиций и о времени предполагаемого их плавания вблизи и около наших владений, насколько эти подробности теперь известны, но окончательно верными их

считать нельзя; могут последовать и изменения... Вы должны исполнять все, что обыкновенно соблюдается союзными державами, но при этом... иметь постоянно в виду честь русского флага, достоинство нашей империи, мирно водворяемую нами в краях, где вы находитесь, власть и ввиду этого необходимую проницательность»³¹.

Текст предписания красноречив, он ориентирует российских моряков на защиту национальных интересов России. Хотя в это время Россия и Северо-Американские Соединенные Штаты были союзниками, что выразилось в солидарности американцев с Россией во время Крымской войны, военно-морской министр придерживался позиции, очевидной из приведенного документа: в политике нет друзей, а есть государственные интересы, на страже которых он и стоял.

О том, что подозрения министра и Г.И. Невельского по поводу стремления американцев закрепиться в Приамурье и на Сахалине имели основания, свидетельствует донесение Бошняка Невельскому от 6 мая 1853 г.: «В заливе Хой (в Приамурье. – *Авт.*) я нашел стоявшее китобойное судно, шкипер которого (родом из Бремена) сообщил мне, что на Сандвичевых островах он слышал, что американцы нынешним летом будут в Татарском проливе и хотят занять бухту для пристанища своих китоловных судов; насколько это справедливо – не знаю, но, во всяком случае, буду руководствоваться данным мне заявлением о принадлежности этих мест до корейской границы, а равно и острова Сахалина, России, что и объявил и этому шкиперу»³².

После Амурской экспедиции высшее руководство России официально признало Сахалин принадлежащим империи и главное внимание обратило на него, оставив без должного внимания материковый берег Татарского пролива. Между тем, по мнению Невельского, это было не совсем правильно, т.к. остров не имел «ни одной гавани». Но Невельской получил приказ «торопиться занять Сахалин... и составил следующий план действий: немедленно отправиться на «Байкале» к Сахалину и в Татарский пролив с це-

лью осмотреть южную часть острова... основать военный пост на западном берегу острова Сахалина, а с прибытием десанта из Камчатки – занять главный пункт острова в заливе Анива... По возможности принять решительные меры к фактическому заявлению ожидавшимся американским судам о принадлежности этого края России»³³.

14 июля 1853 г. «Байкал» с Невельским и 16 членами экипажа направился на Сахалин и 30 июля подошел к мысу Анива, провел рекогносцировку и вошел в Татарский пролив. Затем «Байкал» вернулся на западный берег Сахалина и высадил там офицера Д.И. Орлова с 5 матросами. Ему приказано было «занять там пост, назвав его Ильинским, собрать его жителей и объявить им, что остров Сахалин принадлежит России и что мы всех его обитателей принимаем под свою защиту и покровительство. В случае встречи с иностранными судами как командиру транспорта подпоручику Семенову, так равно и Д.И. Орлову приказано было заявлять от имени российского правительства, что весь Приамурский и Уссурийский края с островом Сахалин составляют русские владения... Командиру транспорта «Байкал»... приказано было высадить на Сахалин Орлова, содействовать ему при основании Ильинского поста и затем крейсировать в Татарском проливе до конца августа с целью наблюдения за ожидавшейся американской эскадрой... После этого уже всякое покушение иностранцев на побережье Татарского пролива было устранено... оставалось в навигацию этого (1853. – *Авт.*) года окончательно утвердиться на Сахалине, то есть занять главный пункт острова Томари-Анива...»³⁴

Российские власти стали учреждать на острове свою администрацию, передав полномочия для этих действий Российско-Американской компании. В свою очередь Главное правление компании «на основании указа императора от 11 апреля 1853 года и соглашения с генерал-губернатором Восточной Сибири» временно передало управление под контроль Сахалинской экспедиции во главе с Невельским до прибытия на Сахалин в 1854 г. «назначенного

правителем острова капитан-лейтенанта Фуругельма» и с ним «доктора, фельдшера и лиц для всестороннего исследования острова. Оно выразило в депеше желание, чтобы на Сахалине, кроме главного пункта, в котором должно сосредоточиваться управление островом, было еще не более двух или трех пунктов и чтобы все эти пункты были обнесены редутами...»³⁵ Таким образом, власти России начали обустройство острова, создавая укрепления и начальную инфраструктуру управления.

Н.В. Буссе, начальник Муравьевского поста, доложил Невельскому, «что привез десант вполне обеспеченный для зимовки на Сахалине; но что взял только одного офицера, лейтенанта Рудановского, на том основании, что, согласно данной ему инструкции, офицеры для сахалинского десанта должны быть откомандированы из состава Амурской экспедиции... Буссе ожидал моего (Невельского. – *Авт.*) немедленного распоряжения о свозе на берег десанта (из 90 человек) со всеми тяжестями... все это должно быть отправлено на Сахалин на бриге “Константин”... с помощью доставленного Компанией пароходика и средств, имеющихся в Амурской экспедиции... Кроме того, он передал, что вследствие различных политических соображений в Петербурге ему сказали, что при высадке на Сахалин десанта отнюдь не должно касаться залива Анива, а что десант должен быть высажен на восточном или западном берегу острова»³⁶. Вероятно, российские власти стремились избежать обострения отношений с Японией, чьи подданные вели активную торговлю и жили на юге Сахалина. Это происходило в преддверии российского посольства в Японию во главе с Е.В. Путятиным, состоявшегося в 1853 г. и имевшего также поручение МИДа России «будь обстоятельства позволят, с осторожностью осмотреть остров Сахалин»³⁷. Симодский российско-японский договор от 7 февраля 1855 г., установивший межгосударственные отношения между двумя странами, благодаря стараниям Путятина затронул и вопрос о Сахалине: «Что касается острова Крафто (Сахалина), то он остается не-

разделенным между Россией и Японией, как было до сего времени»³⁸.

Интересны наблюдения о Сахалине русского путешественника Самарина, приказчика Российско-Американской компании, которого 10 января 1854 г. Буссе на двух нартах отправил с 5 матросами из Муравьевского поста. По пути он посетил ряд селений, где жили местные народы. В селении Ван-Готан, состоявшем из 10 юрт, Самарин обратил внимание на их «чистоту, опрятность и даже комфорт. Как мужчины, так и женщины этого селения резко отличались от прочих туземцев... волосы у них темно-русые и русые, тогда как у других большей частью черные и лица смуглые. Ясно было видно, что это какой-то другой народ. Самарин обратил на это внимание и начал их подробно расспрашивать. Старики этого селения сообщили ему, что они происходят от русских и тунгусов-орочон, вышедших из Удского края еще при их прапрадедах, когда о японцах здесь и слуху не было; именно около XVII века, т.е. тогда, когда весь Якутский и Удский края до Охотского моря были покорены Россией. Они поэтому и называют себя “лоча-орок-айну”, т.е. происходящие от русских и удских тунгусов, женившихся на айнских женщинах. Это обстоятельство было весьма важно, потому что подтверждало имевшиеся у нас сведения о том же предмете, собранные среди населения Бошняком и Орловым, и окончательно подтверждало неоспоримое право России на обладание территорией острова Сахалин... Проводники Самарина и туземцы селения Тарайку рассказывали ему, что в залив Тернай часто заходят (иностранцы. – *Авт.*) суда, бьют китов и выменивают от туземцев соболей и лисиц на ром (арака) и табак... Тарайку состояло из 30 юрт; жителей в нем, называвшихся “лоча-орочонами” (т.е. смесью русских с тунгусами), до 300 душ... Самарин передал... 100 штук соболей и 10 лисиц, из которых 5 черно-бурых; он выменял все это у жителей Сахалина на своем пути. Самарин сказал, что Н.В. Буссе велел ему передать мне (Невельскому. – *Авт.*), что японцы распускают среди местных жителей

слух о том, будто бы ранней весной с Мац-мая (японского острова. – *Авт.*) придут джонки и войско с целью уничтожить наш пост в Томари; почему Буссе строит башню и ограждает ее редутами; команду же будет держать соединено, и на западный берег (Сахалина. – *Авт.*) никого не пошлет, чтобы поставить Ильинский пост в бухте, исследованной Рудановским»³⁹. Таким образом, к числу государств, имевших виды на Сахалин, кроме Великобритании и США, можно отнести и Японию. Приемы воздействия ее представителей на местные народы Сахалина, как очевидно из вышеизложенного, следует назвать «психологической войной».

Как свидетельствуют материалы РГА ВМФ, «для предупреждения как со стороны англичан, так и американцев притязаний на уступку японцами угольных копей на Сахалине, я (вице-адмирал Е.В. Путятин. – *Авт.*) счел нужным предложить господину контр-адмиралу Казакевичу отправить со мною на пароходе господина лейтенанта Рудановского с 15 человеками нижних чинов для занятия поста в южной части сего острова. Известно, что японские заселения не доходят 48 градусов северной широты, и на этой параллели по узкости перешейка, не занимающего более 20 верст от одного берега до другого, будет весьма удобно обозначить границу. Такое разграничение, оставляющее за нами все открытые месторождения каменного угля, будет выгодным для нас и вместе с тем справедливым в отношении к японцам. Устройство этого поста утвердит за нами право первого заселения в этом диком краю и покажет японцам и другим нациям намерение российского правительства удержать за собою все пространство, лежащее на севере от означенной параллели. В предстоящем нам пути я намерен зайти и осмотреть все подробности, как открытый нами порт Посьета, так и другие близлежащие порта, описанные английскою эскадрою в 1855 году, и мнение об оных сообщу господину контр-адмиралу Казакевичу... Генерал-адъютант, граф Путятин. 7 июля 1/13 1857 г., пароход “Америка”»⁴⁰.

Как видно из данного документа, Е.В. Путятин опасался, что американцы с англичанами могут проникнуть на Сахалин с целью перехватить инициативу у русских и завладеть угольными месторождениями на острове. В конечном итоге, благодаря оперативным действиям Путятина, они перешли под российский контроль. Причем ему пришлось иметь дело и с японцами, в течение первой половины XIX в. заметно обозначившими свое присутствие на острове и претендовавшими, по меньшей мере, на южный Сахалин. Их тоже удалось опередить. Таким образом, благодаря, прежде всего, Амурской экспедиции капитана 1 ранга Г.И. Невельского и действиям командира эскадры российских боевых кораблей на Тихом океане адмирала Е.В. Путятина, находившегося в 1857 г. в Приамурье на пути во главе российского посольства в Китай, Сахалин и поныне является неотъемлемой частью России.

Именно русским, особенно офицерам Российского Военно-Морского флота – И.Ф. Крузенштерну, Ф.Ф. Беллинсгаузену, Н.А. Хвостову, Г.И. Давыдову, К.Н. Романову, Г.Н. Невельскому, Н.В. Казакевичу, Н.К. Бошняку, Е.В. Путятину, Н.В. Рудановскому и другим, сумевшим в сложной международной обстановке того времени на Дальнем Востоке переиграть англичан, американцев и японцев, принадлежит роль первооткрывателей Сахалина. По достоинству должен быть оценен и подвиг низших чинов, матросов флотских экипажей и остальных участников экспедиций Г.И. Невельского на остров Сахалин, не все имена которых сохранились для истории. Без их самопожертвования были бы невозможны успехи Государства Российского по присоединению и освоению новых обширных земель Дальнего Востока.

Примечания

¹ Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849–1855. Хабаровск, 1969. С. 28–29.

² Рябов Н.И., Штейн М.Г. Очерки истории русского Дальнего Востока (XVII – начало XX века). Хабаровск, 1958. С. 10.

³ Невельской Г.И. Указ. соч. С. 287.

⁴ Там же. С. 44.

⁵ Там же. С. 45.

⁶ *Taillemite, Etienne*. «Laperouse: un explorateur dans le Pacifique in L'Histoire hors-serie «Les Collections de l'Histoire» n.8, Juin, 2000. P. 66–72; Лаперуз Ж.Ф. Путешествие Лаперуза в Южном и Северном Тихом океане // Краеведческий бюллетень, № 1. Магадан, 1995.

⁷ Невельской Г.И. Указ. соч. С. 50–51.

⁸ Там же. С. 52.

⁹ Алексеев А.И. Геннадий Иванович Невельской (23 ноября (5 декабря) 1813 года – 17 (29) апреля 1876 года) // Невельской Г.И. Указ. соч. С. 7.

¹⁰ Невельской Г.И. Указ. соч. С. 52–53, 390; Климова О.В. Подготовка экспедиции Хвостова на Сахалин в 1806 г. Анализ инструкций Резанова – Хвостову и Хвостова – Давыдову // Елагинские чтения. Вып. V. СПб.: Изд. РГА ВМФ, 2011. С. 35–50.

¹¹ Невельской Г.И. Указ. соч. С. 382–383.

¹² Там же. С. 61–62.

¹³ Там же. С. 63.

¹⁴ Там же. С. 76.

¹⁵ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 19. Оп. 4. Д. 16. Л. 13.

¹⁶ Там же. Ф. 1191. Оп. 1. Д. 30. Л. 13.

¹⁷ Невельской Г.И. Указ. соч. С. 109–119.

¹⁸ Там же. С. 151–164.

¹⁹ Там же. С. 151–164.

²⁰ Там же. С. 164.

²¹ Там же. С. 162–163.

²² Там же. С. 163.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 247.

²⁵ Там же. С. 53.

²⁶ Там же. С. 162–164.

²⁷ Алексеев А.И. Указ. соч. С. 18.

²⁸ Невельской Г.И. Указ. соч. С. 232.

²⁹ Там же. С. 212.

³⁰ Там же. С. 213.

³¹ Там же. С. 232.

³² Там же. С. 237.

³³ Там же. С. 239–240.

³⁴ Там же. С. 242.

³⁵ Там же. С. 237, 401.

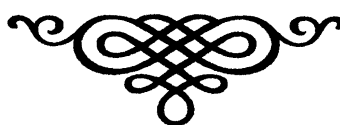
³⁶ Там же. С. 288–294.

³⁷ Цит. по: Лещенко Н.Ф. Посольства Н.П. Резанова (1803–1805) и Е.В. Путятина (1852–1855) в Японию // Восточный архив. 2009, № 1 (19). С. 42.

³⁸ Там же. С. 44.

³⁹ Невельской Г.И. Указ. соч. С. 288–294.

⁴⁰ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1016. Л. 461–464.

А.Д. Васильев

УЧАСТИЕ МОРСКОГО ВЕДОМСТВА В АХАЛ-ТЕКИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Проведение Ахал-текинской экспедиции и завоевание Туркмении невозможно было совершить без привлечения военно-морских сил Российской империи. Большая часть грузов доставлялась морем, моряки обеспечивали снабжение действующих войск необходимыми припасами, оборудованием для опреснения воды, проводили рекогносцировочные экспедиции. Они также принимали участие непосредственно в боевых действиях. Этот аспект Ахал-текинской экспедиции уже освещался на страницах журнала «Восточный архив»¹. Внимание автора, однако, было сконцентрировано более на описании этнографических деталей, военных действий сухопутных сил, ограничившись лишь отрывочными и не всегда точными упоминаниями о действиях моряков и о пребывании адмирала С.О. Макарова на Каспии².

Вместе с тем недавно обнаруженные и мало известные исследователям документы Российского государственного архива военно-морского флота (РГА ВМФ) позволяют восполнить данный пробел. В нашем распоряжении оказался один из таких документов под названием «Участие морского ведомства в Ахал-текинской экспедиции». Он представляет собой краткое описание подготовки и хода военных действий с участием моряков. Ниже приводится текст документа.

* * *

В марте 1880 г. начались приготовления для экспедиции против Текинского племени и были приняты меры для своза необходимых запасов в порты восточного берега Каспийского моря. Так как при этом имелась в виду буксировка различных грузов по реке Атрек для доставления их к передовым пунктам нашей позиции, то Его Императорское Высочество Генерал-Адмирал³ приказал отправить из Кронштадта в распоряже-

ние генерал-адъютанта Скобелева четыре паровых катера с командой. Начальником морской части при войсках в Закаспийском крае был назначен флигель-адъютант, капитан 2 ранга [С.О.] Макаров. Согласно приказанию генерал-адмирала, в Кронштадте был сформирован под начальством лейтенанта Н.Н. Шемана отряд, состоявший из двух офицеров – мичмана Голикова и корпуса инженер-механиков поручика фон Эльснера – и 28 [человек] нижних чинов, а именно: боцманмат, артиллерийского унтер-офицера, минного унтер-офицера, двух квартирмейстров, шести комендоров, стрелка, трех матросов 1 статьи, двух машинных унтер-офицеров, шести машинистов, четырех коچهгаров и сигнальщика.

Предназначенные к отправлению в Закаспийский край паровые катера были вооружены двумя скорострельными пушками Энгстрема и шестью картечными Фаррингтона⁴. В предположении, что в большинстве случаев придется плавать по р. Атрек всем катерам соединенно и в кильватере, все восемь орудий были распределены следующим образом: на передовом катере на носу пушка Энгстрема, на корме – картечная; на двух следующих – картечные на носу и на корме и на последнем катере – картечная на носу и пушка Энгстрема на корме. На каждую пушку было взято по 304 снаряда и на каждую картечную – по 10000 патронов. Как пушки Энгстрема, так и картечные имели десантные лафеты и, кроме того, при картечных были передки с ящиками для патронов.

Сформированный таким образом отряд выступил из Кронштадта 13 апреля и 15 апреля отправился из Петербурга по Николаевской железной дороге. Катера были поставлены на платформы, а котлы, механизмы, орудия и все артиллерийские принадлежности были погружены в два багажные

вагона. По железной дороге отряд был доставлен до Царицына, откуда на пароходах был перевезен до Ашур-Адэ и затем в Чикишляр, куда и прибыл 10 мая.

Предположенное действие паровых катеров по р. Атрек не было, однако, приведено в исполнение. Во время же экспедиции катера, с одной стороны, а картечники и скорострельные пушки, с другой, действовали совершенно отдельно, причем на долю последних выпала самостоятельная боевая роль, тогда как катера собственно в военных действиях экспедиции не принимали прямого участия. Вопрос этот был решен в первый день прихода отряда в Чикишляр. Делая смотр вновь прибывшему отряду, генерал-адъютант Скобелев обратил внимание на картечники и тогда же решил взять их с собою в поход, зная из опыта последней турецкой войны, насколько полезны могут быть такие орудия для отражения атак кавалерии. Согласно приказу Командующего войсками в Закаспийском крае, немедленно была сформирована батарея из двух пушек Энгстрема и четырех картечников Фаррингтона; батарея эта получила официальное название «морской батареи». Командиром ее был назначен лейтенант Шеман, а помощником его – гардемарин А.А. Майер⁵, прикомандированный к отряду из Каспийской флотилии. Из 28 нижних чинов, пришедших в отряд из Кронштадта, в состав батареи вошли 16 человек, к ним было прибавлено еще 14 человек нижних чинов из Каспийской флотилии и 12 человек пехотной полевой артиллерии, таким образом строевой состав батареи состоял из двух офицеров и 42 нижних чинов. Для возки скорострельных пушек и картечников, установленных на десантных лафетах, были переданы 16 упряжных лошадей с ездовыми из 6-й батареи 21-й артиллерийской бригады. 21 мая «морская батарея» вступила в степь в составе передового отряда, назначенного для занятия укрепления Бами, которое генерал-адъютантом Скобелевым избрано пунктом для сосредоточения сил и запасов. В начале июля генерал-адъютант Скобелев составил отряд численностью 880 человек при 6 артиллерий-

ских орудиях и 4 картечниках морской батареи для рекогносцировки к Геок-Тепе. 6 июля под Геок-Тепе наш отряд был встречен большим числом текинцев, тем не менее ему удалось подойти на близкое расстояние и сделать съемку укреплений. При отступлении текинцы массами теснили арьергард отряда, где находилась морская батарея, которая огнем своих картечников неоднократно отражала атаки неприятеля. Об этом действии морской батареи генерал-адъютант Скобелев писал впоследствии: «Блистательно действовала морская батарея в этом пробном для нее горячем деле. Картечники на моих глазах отразили лихой натиск текинской кавалерии».

По возвращении из рекогносцировки морская батарея вместе с другими войсками была расположена в Бами до начала наступательных действий в последних числах декабря. В продолжение этого времени она принимала участие в рекогносцировках к Геок-Тепе, произведенных 4, 11 и 12 декабря для пополнения сведений, добытых рекогносцировкой 6 июля. 20 декабря было приступлено к осадным работам под Геок-Тепе. Во время осады картечники морской батареи находились на передовых батареях и траншеях и при штурме укреплений Геок-Тепе 12 января вместе с штурмующими колоннами были ввезены по обвалу бреши на стену, откуда непрерывным огнем поражали неприятеля, столпившегося внутри крепости. Во время штурма из состава батареи были ранены: гардемарин Майер и три матроса. Но этим не ограничивается потеря моряков, участвовавших в Ахал-текинской экспедиции.

Во время осады Геок-Тепе были ранены: капитан-лейтенант Зубов, присоединившийся к отряду в середине декабря, и командовавший одной из осадных батарей подполковник морской строительной части Яблочкин, принимавший деятельное участие в осадных работах. Оба умерли от ран в лагере под Геок-Тепе. Командир морской батареи, лейтенант Шеман, всегда находившийся на передовых батареях, за три дня до штурма был ранен в левую руку пулей на-

вылет в то время, когда он готовился заложить мину под стеной укрепления.

Таким образом, из пяти морских офицеров, бывших при осаде Геок-Тепе, уцелел только мичман Голиков. Из команды морской батареи было ранено в разное время до 30%, но все раны имели счастливый исход, и прислуга батареи в Красноводск возвратилась в полном комплекте, где и была в марте 1881 г. расформирована.

В день своего отъезда из Красноводска генерал-адъютант Скобелев отдал по войскам, действовавшим в Закаспийском крае, следующий приказ: «Расформирование морской батареи и возвращение гг. офицеров к своим частям, по случаю окончания военных действий, дает мне случай вновь высказать по долгу службы гг. офицерам и молодцам матросам то искреннее уважение, которое они внушили боевым товарищам с первых дней трудной Ахал-текинской экспедиции.

В обстановке, для них совершенно чуждой, моряки еще раз показали, как в незабвенные дни Севастополя и турецкой войны, что им по плечу все славное, доблестное, молодецкое. Участвуя во всех крупных делах экспедиции, морская батарея показала себя на высоте доблестных преданий нашего флота и кровью закрепила за собой свою заслуженную славу».

Четыре паровых катера, присланные в Закаспийский край из Кронштадта, оказали также значительные услуги экспедиции. Два из них работали в Чикишляре на совершенно открытом рейде, буксируя туркменские лодки, на которых производилась разгрузка судов, доставлявших туда различные грузы. Третий катер был отправлен на р. Атрек и служил флигель-адъютанту Макарову для исследования этой реки и затем в течение года безостановочно опреснял воду для Яглы-Олумского гарнизона; четвертый катер работал в Красноводске.

По окончании военных действий отряд, сформированный в Кронштадте, был возвращен обратно, а паровые катера, пушки Энгстрема и картечницы были сданы Бакинскому порту.

Кроме того, в Ахал-текинской экспедиции принимали участие суда Каспийской флотилии. С начала экспедиции шхуна «Персиянин», пароход «Баку» и транспорт «Аист» содействовали исполнению всяких внезапных потребностей, которые неизбежно возникают при подобных военных экспедициях. Пароход «Наср-Эддин Шах» был приспособлен для перевозки больных и раненых и с большим успехом возил их в Петровск и Баку, так что никогда не было переполнения госпиталей в Чикишляре и Красноводске. Речные пароходы «Чикишляр» и «Аракс» работали, перевозя грузы между Красноводском и Михайловским заливом, вместе с баржами «Нырок» и «Гагара» и баркасом «Проворный». В августе флигель-адъютантом Макаровым были приведены из Астрахани старые морские транспорты «Астрабад» и «Колпик», баржи № 30 и 31 и две приобретенные на средства экспедиции баржи, служившие также для перевозки грузов; кроме того, после штурма Геок-Тепе транспорты «Астрабад» и «Колпик» были приспособлены для перевозки раненых.

РГА ВМФ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 39. Л. 139–144.

Примечания

¹ *Кадырбаев А.Ш.* Андреевский флаг в центре Азии // Восточный архив, № 1 (23), 2011. С. 17–26.

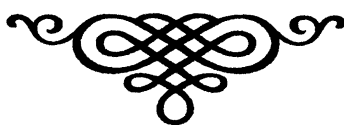
² В частности, в тексте автор приводит отдельные цитаты из недостаточно полной статьи из «Морского вестника» об участии моряков в Ахал-текинской экспедиции, повествование которой начинается отбытием моряков из Бами в июне 1880 г., а заканчивается после взятия крепости Янги-кала, еще до штурма Геок-тепе в декабре того же года. Требуют уточнения и упоминания о «батареях морских орудий» и «мощных орудиях моряков» (*Кадырбаев А.Ш.* Указ. соч. С. 21, 22, 24). Согласно данным РГА ВМФ, батарея была сформирована всего одна, и состояла она из двух легких пушек и шести картечниц – прообразов пулеметов, которые благодаря своей скорострельности помогли отразить стремительный натиск текинской кавалерии.

³ Имеется в виду великий князь Константин Николаевич (1827–1892), являвшийся генерал-адмиралом и шефом Гвардейского флотского экипажа. Он внес значительный вклад в развитие и становление русского флота. <http://flot.com/publications/books/shelf/russianfleet/28.htm>

⁴ Речь идет о 4-ствольных картечницах Ловелла-Фаррингтона, которые были закуплены в США для нужд флота в 1878 г.

⁵ А.А. Майер впоследствии оставил свои воспоминания об участии в экспедиции. См.: *Майер А.А., Тагеев Б.Л.* Полуденные экспедиции. Очерки // *Майер А.А.* Наброски и очерки Ахалтекинской экспедиции. Из воспоминаний раненого. М.: Воениздат, 1998.

Нежмеддин Каздагли

**КОНСУЛЬСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ РОССИИ В ТУНИСЕ
В ПЕРИОД ФРАНЦУЗСКОГО ПРОТЕКТОРАТА
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)**

Истории отношений Российской империи с Северной Африкой, в частности с Тунисом, посвящен ряд исследований как советского периода, так и последних лет¹. Эта тема затрагивалась на научных конференциях в Тунисе и России. Российские исследователи приложили немало усилий в изучении данной проблематики. В этой связи можно указать на одну из наиболее значительных научных работ, которая была подготовлена на основе документов из Архива внешней политики Российской империи². Каждое новое исследование, относящееся к теме дипломатических связей Туниса с Российской империей, позволяет еще больше расширить наши знания об отношениях между двумя странами.

В предлагаемой статье представлены результаты изучения различных аспектов консульского присутствия России в Тунисе с момента установления французского протектората в Тунисе в 1881 г. и до свершения Октябрьской революции в России в 1917 г.

Дипломатические связи между Тунисом и Россией в этом временном отрезке изучены еще недостаточно как учеными России, так и Туниса. Важно отметить, что период конца XIX и начала XX в. являлся эпохой радикальных поворотов в истории и Туниса, и России. В России произошли бурные события, которые оказали огромное влияние на исторические процессы, происходившие в мире, и в том числе в Тунисе. Именно в это время были установлены важные контакты во многих областях между Тунисом и Россией.

За основу анализа архивных документов был принят метод сопоставления содержания документов из Архива внешней политики Российской империи, Национального архива Туниса и Архива министерства ино-

странных дел Франции. Характер документов того времени отражает темп и место контактов между Тунисом и Россией. Известно, что российские интересы в Тунисе были весьма ограничены, они были связаны с отдельными событиями (заход российских кораблей, заключение торговых сделок, прибытие в регентство российских путешественников и ученых и т.п.). Эти события были эпизодичны и не имели регулярного характера.

Архивные документы, посвященные отношениям между Тунисом и Россией, многочисленны и рассредоточены по разным архивам и фондам. Документы были написаны на французском, русском и арабском языках. Они затрагивают разные сюжеты – от личных проблем одного человека до уровня политического вопроса международного характера.

Мы уверены, что изучение дипломатических материалов имеет особую научную ценность для реконструкции не только главных моментов истории отношений между Тунисом и Россией, но также между Россией и Францией, поскольку тунисско-российские контакты того времени осуществлялись главным образом в дипломатических рамках российско-французских отношений.

Истоки отношений между Тунисом и Российской империей восходят к концу XVIII в. Новый этап начался в первые годы XIX в., когда Антуану Ниссену, голландскому консулу в Тунисе с 1803 г., было поручено представлять интересы России в этой стране. В течение XIX – начала XX в. разные поколения семьи Ниссенов выполняли роль консулов России в Тунисе³, одновременно представляя консульские интересы Голландии. Следует отметить, что консульство России в Тунисе было учреждено с со-

гласия Османской империи. Деятельность консула России в Тунисе до 1888 г. находилась под контролем посольства России в Константинополе и Азиатского департамента Министерства иностранных дел России.

После установления французского протектората над Тунисом в 1881 г. произошли качественные изменения в отношениях между Тунисом и Россией. В новом историческом контексте тунисско-российские связи стали осуществляться в рамках русско-французских отношений. Консульство России в Тунисе с 1888 г. стало подчиняться российскому посольству во Франции⁴. В это время заметно активизировал свою деятельность консул России в Тунисе Генри Ниссен, который в мае – июне 1888 г. впервые в истории связей между двумя странами прибыл в Россию, где принял российское подданство. Г. Ниссен был признан в качестве российского консула в Тунисе и получил экзекватуру 29 августа 1888 г.⁵

Консул Г. Ниссен был на приеме у бея Туниса Али-Паши (1882–1902), о чём было дано сообщение в «Официальной тунисской газете» от 11 октября 1888 г. Он произнес краткую речь: «Доказывая стремление укрепить узы дружбы, которые связывают Россию и Тунис, правительство Его Императорского Величества, моего августейшего господина, соблаговолило назначить меня своим консулом при дворе Вашего Высочества. Повинуясь воле Императорского правительства, я направляю все свои усилия на упрочение добрых отношений, существующих между нашими двумя странами»⁶.

Во время встречи с беем Туниса Г. Ниссен не упустил возможности сообщить о поддержке Россией реформ, которые осуществлялись в это время в Тунисе под руководством французского генерального резидента. Консул заявил: «Мое правительство уверено, что задуманное Вашим Высочеством проведение реформ в Тунисе под патронажем французского правительства будет также способствовать укреплению отношений, всегда существовавших между правительством Его Величества Императора [России] и правительством Вашего Высочества»⁷. В от-

вет на заявление консула России бей Туниса Али-Паша «поблагодарил господина Ниссена за выражение добрых чувств в свой адрес, в адрес Регентства и Правительства, которые его опекают. Он попросил его передать Его Величеству Императору России приветствие и добрые пожелания, заверить его в своем благоволении и желании поддерживать наилучшие отношения с его Правительством»⁸.

Важно отметить, что тунисско-российские отношения находились в прямой зависимости от политических процессов, происходивших в Европе в конце 1880 годов – начале 1890-х. С конца 1887 г. появилось напряжение между Россией и Германией из-за повышения пошлин на товары с обеих сторон. В 1890 г. истекло трёхлетнее соглашение между Петербургом и Берлином «о перестраховке» и не был продлён договор между ними. В 1891 г. был возобновлён сроком на 9 лет Тройственный союз Германии, Австро-Венгрии и Италии. Такое решение имело явно антирусский и антифранцузский характер. Поэтому у России и Франции не осталось другого выбора, кроме как сближение и ускорение процесса заключения русско-французского союза. Этот договор был заключен в конце декабря 1893 г., затем ратифицирован правительствами Франции и России⁹.

Таким образом, в 1880–1890-х годах были созданы две военно-политические коалиции: с одной стороны – Австрия, Италия и Германия, а с другой – Франция и Россия. Это способствовало укреплению намерений великих держав бороться за расширение колониальных владений и передел мира. Вне всякого сомнения, политическая обстановка в Европе в это время оказала большое влияние на развитие русско-французских отношений.

Русско-французский торговый договор от 14 октября 1896 г. стал юридическим основанием для развития русско-французских торговых отношений, с одной стороны, а с другой – был положительным шагом для поддержки торговых отношений между Тунисом и Россией. Несмотря на то,

что договор носил экономический характер, он также имел определенное политическое значение. И Тунис занимал особое место в договоре 1896 г., заключённом между Россией и Францией. Важно отметить, что консул России в Тунисе Г. Ниссен приложил немало усилий для подготовки данного договора¹⁰.

Несмотря на эти успехи, российскому консулу в Тунисе не удалось избежать некоторой критики. В июне 1900 г. Г. Ниссена попытались сместить с поста российского консула в Тунисе. Русский адмирал А.А. Бирелев (1844–1916) отправил в МИД ходатайство о назначении консулом России в Тунисе француза Бонгар-Леббе. В своем донесении от 3 июня 1900 г. адмирал Бирелев написал следующее: «По приходе моем с эскадрой в Бизерту ко мне из Туниса прибыл <...> голландский вице-консул господин Бонгар-Леббе, и как во время пребывания в Бизерте, так и затем в Тунисе своим вниманием и горячим отношением к интересам России очень помог мне справиться с делами в совершенно незнакомом мне месте»¹¹.

Далее адмирал обратил внимание на стратегические преимущества, которые имел берег Африки, и в частности г. Бизерта, для российского морского флота в случае войны в Средиземном море. Он также упомянул некоторые личные качества, которыми обладал Бонгар-Леббе: «Принимая во внимание, что во время войны северный берег Африки с Бизертой во главе будет главным объектом действий Средиземноморской эскадры и что в этих местах потребуется человек, всё знающий, умелый и на преданность которого можно положиться, я беру на себя смелость просить Ваше Сиятельство о назначении французского подданного господина Бонгар-Леббе нашим консулом в Тунисе и на тунисском побережье. Господин Бонгар-Леббе, проживший долго в России, а именно в Кронштадте, владеет русским языком»¹². Но предложение адмирала А.А. Бирелева не нашло положительного отклика в МИДе, и Г. Ниссен продолжал занимать пост российского консула в Тунисе.

Начало XX в. характеризовалось укреплением отношений России с Францией, а следовательно, и с Тунисом. На них оказывала влияние общая политическая ситуация в Европе.

В 1904 г. Англия и Франция подписали соглашение, создавшее условия для координации сил в политической и военной областях. В 1907 г. Россия и Англия заключили договор о разделе сфер влияния в Иране, Афганистане и Тибете. Русско-английский трактат привёл фактически к образованию русско-французско-английского союза – Антанты. Таким образом, Европа окончательно раскололась на два враждебных блока – Тройственный союз и Тройственное соглашение¹³.

Спустя почти 10 лет после заключения русско-французского торгового договора, в 1905 г., Россия и Франция решили подписать новое соглашение для стимулирования торговых отношений. И некоторые статьи договора касались русско-тунисских торговых отношений. Соответствующие пункты были включены в договор 1905 г. при прямом содействии российского консульства в Тунисе. В письме председателя Совета Министров Франции и министра иностранных дел от 1 марта 1906 г., адресованном генеральному резиденту Франции в регентстве Тунис, говорилось следующее: «По декларации от 20/7 февраля 1906 г., подписанной в Петербурге нашим послом и графом Ламздорфом, министром иностранных дел России, условия франко-русского торгового договора от 29/16 сентября 1905 г., относящиеся к таможенному тарифу, распространились и на Тунис»¹⁴.

Имеются два важных документа, посвященных франко-русским торговым отношениям. Первый – это коммюнике, подписанное министром иностранных дел России В.Н. Ламздорфом и послом Франции М. Бомпаром 20/7 февраля 1906 г. В нём говорится, что стороны обменялись декларациями, относящимися к правам Туниса по русско-французскому торговому договору¹⁵. Другой документ – это сама Декларация от 20/7 февраля 1906 г. В ней указано, что та-

моженные тарифы, согласованные в этом договоре, распространяются на Тунис¹⁶.

Бей Туниса Мухаммед Хеди-Паша (1902–1906) 23 апреля 1906 г. принял декрет о вступлении в силу русско-французского торгового договора с 2 мая 1906 г. Договор был опубликован в «Официальной Тунисской газете»¹⁷. Без сомнения, русско-французский торговый договор создал юридические предпосылки для развития торговых связей между Россией и Тунисом. Российское консульство в Тунисе активно содействовало этому процессу. С учётом заслуг консула в этой сфере и по ходатайству контр-адмирала И.Ф. Бострема, который имел продолжительную стоянку в городе Бизерте во время плавания российских кораблей по Средиземноморью¹⁸, консул Генри Ниссен в 1907 г. был награждён орденом Святого Станислава 2-й степени со звездой¹⁹.

Посольство России во Франции предлагало в своем донесении в 1908 г. российскому МИДу выделить консулу Г. Ниссену ежегодную денежную выплату для покрытия расходов консульства. «Задача господина Ниссена, в особенности за последние годы, чрезвычайно осложнилась, так как ближайший порт Туниса – Бизерта – стал местом частых заходов наших военных судов. На время стоянки наших судов в Бизерте господину Ниссену приходится переезжать в этот город и, следовательно, нести двойные расходы»²⁰.

Дальше в донесении посольства России в Париже приводится интересная информация, касающаяся вопросов статуса российского консульства в Тунисе и путей их решения: «В 1907 году был поднят вопрос об учреждении штатного консульства в Тунисе, но дело было отложено до более благоприятного времени ввиду необходимости соблюдения экономии на 1908 год. Господин Ниссен просит об ассигновании ему с 1909 года 750 рублей на содержание его канцелярии по примеру того, как это делается для нештатного консула в Гаване»²¹. Очевидно, что донесение российского посольства во Франции не было удовлетворено, по-

этому вопрос был поднят вновь в 1910 г. консулом России в Алжире Мусиным-Пушкиным. Он предложил учредить нештатные консульские представительства в Боне, Бизерте и Сусе²².

Ответ на данное предложение поступил от второго департамента МИДа России, который не видел необходимости в создании нештатных консульств в Боне и Сусе. По поводу Бизерты решение вопроса было передано в руки Морского министерства России²³, однако никаких действий не последовало.

Последний представитель династии Ниссенов, Генри, находился в качестве нештатного консула России в Тунисе вплоть до 1912 г. Затем он был переведён в город Порт-Саид в Египте, тоже нештатным консулом²⁴. Шведский консул в Тунисе Отто Минкс был назначен управляющим делами российского консульства в регентстве Тунис и оставался на этой должности вплоть до 1917 г.²⁵

18 ноября 1916 г. премьер-министр Туниса Мохамед Таиб Жалули направил в МИД России ноту, в которой говорилось: «Господин консул государства Российского в регентстве признал, что на основе заключённого между Россией и Францией соглашения от 14 октября 1897 г.²⁶, обосновавшего политическое присутствие России в Тунисском регентстве, и учитывая параграф 141 и 142 закона о консульских правах, в Тунисском регентстве не осталось никого из подданных России. Мы поставили вас об этом в известность, чтобы в будущем относиться к любому из людей, которые были под защитой названного государства (т.е. России. – *Н.К.*), как к одному из подданных регентства Тунис. На них будут распространяться распоряжения и законы, которые касаются всех тунисских подданных»²⁷.

Такое заявление правительства Туниса показало, что все подданные, которые были под покровительством России, покинули регентство. Исторический контекст, сложившийся в результате начала Первой мировой войны и участия в ней России, отрицательно повлиял на развитие тунисско-российских

связей и привёл к паузе в отношениях между двумя государствами, которые ещё более ослабли с приходом к власти большевистского режима в России в октябре 1917 г.

Большинство исследователей утверждало, что Тунис и Северная Африка были за чертой стратегических интересов Российского государства. Тщательный анализ источников позволил нам опровергнуть подобные высказывания. Несмотря на то, что Россия занимала в отношении этого региона политическую позицию, казавшуюся равнодушной, на самом деле это была своего рода умелая маскировка действительной картины.

Внешняя политика России в Тунисе и в Северной Африке в конце XIX – начале XX в. не может быть оценена однозначно. Есть достаточно оснований полагать, что роль и участие России в развитии событий на далеком континенте были всё же более значительными, чем это предполагалось до сих пор, и Россия оказала определённое воздействие на стабилизацию ситуации в Тунисе и в регионе в последующие годы.

Установление протектората Франции над Тунисом в 1881 г. не стало препятствием для сохранения традиционного консульского присутствия России в Тунисе. Важно отметить, что тунисско-российские связи на первом этапе развивались в рамках двусторонних соглашений между Россией и Францией (военно-политический договор 1893 г. и торговая конвенция 1896 г.). Эти документы создали благоприятные условия для развития политических и торговых отношений между Россией и Тунисом в конце XIX в.

Что касается тунисско-российских связей на втором этапе, то есть в начале XX в., то они осуществлялись, прежде всего, на базе российско-французского торгового соглашения 1905 г. По соглашению таможенные тарифы были распространены и на Тунис. Следует сказать, что некоторое оживление в области торговли между Россией и Тунисом в начале XX в. не сопровождалось расширением консульских и дипломатических связей между двумя государствами.

Инициативы, предпринятые российским консулом Г. Ниссеном при содействии посольства России во Франции с целью создания штатного российского консульства в Тунисе, а также учреждения некоторых нештатных представительств в разных городах Туниса (Бизерта, Сус), которые могли бы выполнять важную роль в развитии российских торговых отношений с Тунисом, не были одобрены российским правительством. Между тем их осуществление могло бы оказать значительную помощь для выполнения некоторых задач российского морского флота в Средиземноморье.

Кроме того, в 1912 г. было принято решение о переводе консула Г. Ниссена из Туниса в Египет, и задача защиты интересов России в регентстве была передана шведскому консулу. Что касается назначения Г. Ниссена в Порт-Саид, то это, вероятно, отражало признание со стороны МИДа России его высоких профессиональных качеств. Ведь известно, что Египет в глазах российской дипломатии являлся ключевой страной как для всего Ближнего Востока, так и для восточной части Средиземноморья, а Порт-Саид – ключ к Суэцкому каналу. Также необходимо учитывать факт англо-российского политического сближения в 1907 г.²⁸

Без сомнения, решение о назначении Г. Ниссена консулом в страну на Ниле было вызвано укреплением позиции России в Египте. Оно также показало, что в начале XX в. Тунис для России играл второстепенную роль. В то же время важно отметить, что и для Туниса отношения с Россией имели второстепенное значение. Несмотря на это, российское консульское присутствие в Тунисе сохранялось.

Изучение дипломатических документов из архивов Туниса, Франции и России показывает, что тунисско-российские отношения в этот период развивались в таких направлениях, как культурные связи, изучение истории, обычаев и нравов, в сфере православной религии. В рамках этих контактов между государствами и народами особая роль принадлежала консулам, дипломатическому персоналу, а также переводчикам²⁹.

Примечания

¹ *Нерсесов Г.А.* К истории французского вторжения в Тунис 1881 г. (обзор русских архивных материалов и периодической печати) // Африканский сборник. № 1. История. М., 1963; *Мусатова Т.Л.* Россия и Марокко: далекое и близкое прошлое. М., 1990; Россия и Африка: документы и материалы (XVIII в. – 1960 г.). М., 1999. Т. 1, 2.

² *Жерлицына Н.А.* Россия и Тунис. Из истории отношений: 1780–1917 гг. Архивные документы и свидетельства современников. М., 2008.

³ *Kazdaghli N.* La Famille Nyssen de Tunis et son rôle dans les relations extérieures de la Régence (XVIII–XIX-è s.). in *Mélanges Prof: Machiel KIEL. Fondation Temimi pour la Recherche Scientifique et l'Information. Zaghouan – Tunisie*, 1999. P. 335–352.

⁴ *Жерлицына Н.А.* История российско-тунисских отношений: конец XVIII – начало XX в. Москва, 2005. С. 74 (диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук).

⁵ *Institut Supérieur d'Histoire du Mouvement National de Tunisie. Archives du Ministère des Affaires Etrangères de France. Série 3, Tome 1. Tunisie (1885–1916). Archives n° 111, bobine n° 119, dossier n° 1, p. 153.*

⁶ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1888 г. Д. 1464. Л. 36.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 37.

⁹ *Федоров В.А.* История России: 1861–1917 гг. М., 2000. С. 155–158. См. также: Хрестоматия по истории России. Авт.-сост. А.С. Орлов. М., 2010. С. 333–336; История России XVIII–XIX веков. Под ред. Л.В. Миловой. М., 2010. С. 704–706.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 159. Департамент личного состава и хозяйственных дел (ДЛСиХД). Оп. 336/2. 1905 г. Д. 395. Л. 112.

¹¹ Там же. 1900 г. Д. 133. Л. 96.

¹² Там же.

¹³ *Орлов А.С., Георгиев В.А., Полунов А.Ю., Терещенко Ю.Я.* Основы курса истории России. М., 1999. С. 405–406. См. также: *Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А.* История России. М., 2009. С. 312–314; Хрестоматия по истории России. Авт.-сост. А.С. Орлов, В.А. Георгиев, Н.Г. Георгиева. М., 2010. С. 374–378.

¹⁴ *Archives Nationales de Tunisie (ANT). Série F. Carton 16, dossier 25 (1906–1936), p. 3.*

¹⁵ *Ibidem*, p. 4.

¹⁶ *Ibidem*, p. 5.

¹⁷ *Ibidem*, p. 7.

¹⁸ *Жерлицына Н.А.* История российско-тунисских отношений... С. 74–75.

¹⁹ Орден Российской империи с 1831 до 1917 г. Это польский орден, включённый в систему российских наград. Самый массовый орден для награждения прежде всего чиновников. См.: Словари и энциклопедии на Академике // dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/118709

²⁰ АВПРИ. Ф. 159. ДЛСиХД. Оп. 749/4. 1908 г. Д. 253. Л. 4.

²¹ Там же.

²² Там же. 1910 г. Д. 664. Л. 38–40.

²³ Там же. Л. 36.

²⁴ *Жерлицына Н.А.* История российско-тунисских отношений... С. 75.

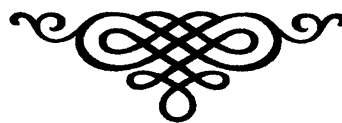
²⁵ Там же.

²⁶ Следует учитывать, что русско-французский торговый договор был заключен 14 октября 1896 г.

²⁷ *ANT. Série F. Carton 16, dossier 25, (1906–1936), p. 74.*

²⁸ *Martel A.* La destruction du Dar Ul-Islam occidental au XIX siècle. In *conquête, colonisation, résistance en Méditerranée : la restructuration des espaces politiques culturels et sociaux. Actes du colloque réunis et introduits par Fayçal El Ghoul. Tunis, 2004. P. 202–205.*

²⁹ *Christian W.* La diplomatie comme expérience de l'autre : consuls français au Maghreb (1700–1840). Genève, 2002. P. 28.

А.Н. Хохлов

КИТАИСТ Д.А. ПЕЩУРОВ – ДИПЛОМАТ И ПЕДАГОГ

Среди преподавателей факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета – авторитетных знатоков китайского языка – особым расположением и симпатиями студентов пользовался Дмитрий Алексеевич Пещуров (1833–1913), педагогическая деятельность которого продолжалась 35 лет – с 1867 по 1903 год¹. Его любили за доброжелательность, утонченную деликатность в общении с окружающими, глубокие познания в области китаеведения.

Согласно архивным данным, Д.А. Пещуров родился 27 мая (ст. ст.) 1833 г. в с. Лосево Мосальского уезда Калужской губернии в семье дворянина – действительно-го статского советника². Ему было полгода, когда умер отец, поэтому все заботы о его воспитании взяла на себя мать (лютеранского исповедания) – Вильгельмина (Минна) Васильевна.

В свидетельстве о рождении, выданном Д. А. Пещурову Калужской духовной консисторией по просьбе его матери для определения в казенное заведение, указано, что он, Дмитрий, по метрическим книгам села Лосево Мосальского уезда Калужской губернии значится так: «У помещика действительного статского советника и кавалера Алексея Петрова Пещурова и законной его жены Вильгельмины Васильевой от первого их брака сын Дмитрий записан рожденным 1833 года мая 27, крещен приходским священником Иоанном Андреевым июня 25-го...» (здесь и далее курсив мой. – Авт.). Восприемниками были «того же помещика... А.П. Пещурова дети: Михаил и Надежда»³.

После окончания 3-й гимназии в Петербурге Дмитрий Пещуров в 1849 г. поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. Об успешном окончании им университета позволяет судить диплом (№ 862) от 30 июня 1853 г., где было сказано, что он «из дворян, 20 лет от роду, православного исповедания, поступив

в число студентов... Университета 17 августа 1849 г., выслушал... полный курс наук по математическому разряду физико-математического факультета и показал на испытаниях следующие познания: в богословии и церковной истории, математике, механике, астрономии, физике и физической географии и педагогике – отличные; в неорганической химии, минералогии, логике, истории русского законодательства и немецком языке – хорошие; в зоологии и ботанике – достаточные, за которые *Советом Университета признан достойным ученой степени кандидата* и утвержден... попечителем С.-Петербургского учебного округа 11 июня 1853 г. По сему предоставляются Пещурову по гражданской службе чин десятого класса и право считаться в первом разряде чиновником (Свод законов, изд. 1842 г. Т. III, Установления о служебных правах, статьи 81 и 171)»⁴.

С таким дипломом Д.А. Пещурова 12 августа 1853 г. назначили старшим учителем 3-й Санкт-Петербургской гимназии.

Ступив на стезю педагогической деятельности, Д.А. Пещуров в марте 1856 г. удачно выступил на заседании физико-математического факультета университета с научным сообщением, в котором ответил на предложенные ему вопросы по теоретической и практической астрономии, а также геодезии. Написанный затем Пещуровым доклад «Исследование движения малой планеты Фортуны», положительно оцененный А. Савичем в его отзыве от 28 февраля 1857 г., после доработки был 31 марта 1857 г. защищен в виде диссертации⁵.

Успешная научная деятельность послужила основанием для руководства МИД России зачислить молодого ученого кандидатом в состав формируемой группы членов Пекинской духовной миссии, направляемой из Петербурга в китайскую столицу на смену старой. В том же году Д.А. Пещуров отправился в Пекин в качестве светского чле-

на Российской духовной (православной) миссии. Занимаясь ежедневными научными наблюдениями в метеорологической и магнитной обсерватории, построенной на территории миссии в 1851 г., он остальное время посвящал активному изучению китайского языка.

Во время пребывания в Пекине российского дипломата Н.П. Игнатьева, приехавшего в китайскую столицу в июле 1859 г. для переговоров с цинским двором, Д.А. Пешуров не раз оказывал ему услуги в качестве переводчика. Особенно активно они сотрудничали после подписания в ноябре 1860 г. русско-китайского договора, предусматривавшего окончательную передачу Уссурийского края России и возобновление российской караванной торговли в Пекине. Свидетельством тесных контактов Д.А. Пешурова с русским дипломатом служат его письма к Н.П. Игнатьеву, в том числе письмо от 23 ноября (ст. ст.) 1860 г. из Тяньцзиня, куда он прибыл вместе с командиром российского военного судна (клипера) «Разбойник» – Розенбергом. Сообщая о своих визитах к уполномоченным представителям союзных держав – Англии и Франции (лорду Эльгину и барону Гро, а также их преемникам), Д.А. Пешуров писал: «Все они задавали мне одни и те же вопросы: что нового в Пекине и как решились вы ехать (в Россию. – *Авт.*) через Монголию? Б[арон] Гро был очень огорчен несчастием, постигшим его первого секретаря. Граф Бастор сошел с ума, и его должны были отправить связанным во Францию. Барон уже передал все дела своему преемнику (Бурбулону. – *Авт.*) и через день собирался ехать (на родину. – *Авт.*), тогда как лорд Эльгин был намерен остаться еще [на] несколько дней. Оба они, однако, уехали 12-го числа и, верно, поспешили [с] отъездом потому, что в ночь река (Байхэ. – *Авт.*) замерзла на большом расстоянии».

«От европейских посланников, – продолжал свой рассказ Пешуров, – я отправился к китайскому посланнику, чтобы узнать поскорее, что сделал [чиновник] Хэн Ци с бумагами, посланными вами на клипер. Хэн Ци принял меня очень хорошо...

Ему я заметил, что он сделал дурно, не доставив бумаг на клипер прямо от себя (а через англичан. – *Авт.*), и просил на будущее время все адресованное русским доставлять ко мне. Для передачи подарков я вторично был у Хэн Ци. Подарки он принял с удовольствием, но только не все, а три лучшие вещи...

В тот же день я обедал у англичан. За столом лорд Эльгин допрашивал меня, останется ли клипер здесь на зиму... Видно было, что присутствие нашего судна здесь им не нравится. Я отвечал ему, что капитан имел приказание выйти в море, но не мог исполнить [его] по мелководью (из-за отлива) реки. Союзники хотели оставить здесь на зиму по одной канонерской лодке, но их желанию помешало раннее покрытие реки льдом, так что в настоящее время здесь остался один «Разбойник».

В городе и предместьях спокойствие не было ничем серьезно нарушаемо; торговля значительна, и китайцы начинают привыкать к европейцам и за всё брать втридорога...»⁶

После учреждения в 1861 г. в Пекине Российской дипломатической миссии Д.А. Пешурова назначили консульским агентом в Тяньцзине. Глава духовной миссии архимандрит Гурий (Г. П. Карпов), сообщая кяхтинскому градоначальнику А.И. Деспоту-Зеновичу о переходе Д.А. Пешурова на дипломатическую службу, 23 марта 1861 г. писал: «Г[и] Пешуров сделан нашим агентом в Тяньцзине. На днях отправляется»⁷.

В качестве светского члена Российской духовной миссии, Д. А. Пешуров на новом месте также добросовестно выполнял свои обязанности. Об этом позволяет судить, например, характеристика, данная ему российским посланником в Пекине А.Е. Влангали. Ходатайствуя перед руководством МИДа России о предоставлении отпуска молодому дипломату для поправки здоровья, расставшегося от длительной службы в условиях тяжелого климата, российский посланник 22 января (ст. ст.) 1865 г. писал П.Н. Стремоухову:

«При отличном образовании и знании китайского и многих европейских языков, при очень почтенном характере, оцененном здесь всеми иностранцами, г. Пешуров может быть одним из полезнейших людей для службы в Китае»⁸.

Д.А. Пешуров смог получить долгожданный отпуск и отправиться на родину через Монголию в Кяхту. Отпуск позволил ему не только поправить расстроившееся в Китае здоровье, но и устроить свою личную жизнь – познакомиться с дочерью русского священника в Лондоне Евгения Попова Анной, которая в замужестве подарила ему 6 дочерей⁹.

В сентябре 1867 г. Д.А. Пешуров стал преподавать китайский язык в Петербургском университете, оставаясь на штатной службе в Азиатском департаменте МИД в звании переводчика, а затем драгомана. Свидетельством начального этапа его педагогической деятельности в стенах университета может служить, например, дошедший до наших дней курс лекций, читанных им в 1868 г., в записи студента Ивана Протасьева (впоследствии русского консула в Китае) под названием «Китайский разговорный язык высшего сословия»¹⁰.

Как видно из рассказа С.М. Георгиевского (впоследствии первого в России профессионального историка-китаиста) о его первых занятиях китайским языком в Петербургском университете в начале 1875/76 учебного года (см. его письмо к А.Д. Свербееву)¹¹, для лекций Д.А. Пешурова, читанных первокурсникам, была характерна особая предупредительность: в них он предостерегал о серьезных трудностях, связанных с изучением восточных языков и, в частности, китайского. Чтобы побудить новичков еще раз задуматься над правильностью сделанного ими выбора будущей профессии, он не раз предупреждал: «Обдумали ли вы, господа, трудность того дела, за которое принимаетесь? Ведь вам придется иметь дело с языком, в котором почти нет грамматики, нет азбуки, а есть только неумолимая логика, да 40 тысяч иероглифов. Пока есть время, уходите в другие места, к другим занятиям».

Как видно из представления декана факультета В.П. Васильева от 11 марта 1869 г., Д.А. Пешуров не раз оказывал ему «свое ученое содействие» в подготовке научных трудов. «Особенно я одолжен ему, – писал В.П. Васильев, – редактированием китайского текста “Лун-юй-я”, изданного мною в прошлом году»¹².

В связи с приездом в начале 1879 г. в Петербург для ведения переговоров известного цинского сановника Чун Хоу Д.А. Пешурову пришлось выполнять при нем обязанности секретаря-переводчика. Когда же высокий гость направился в Крым для продолжения переговоров, начатых в российской столице, туда же с разрешения руководства Петербургского университета отправился и Д.А. Пешуров¹³. Переговоры, проходившие при его активном участии, завершились подписанием в Ливадии в сентябре 1879 г. договора о возвращении Китая Кульджинского (Илийского) района, временно занятого в 1871 г. русскими войсками в целях сохранения политической стабильности на границе с Синьцзяном, охваченном восстаниями некитайских народов против цинского режима. За уступку Кульджи китайская сторона, согласно 12-й статье договора, выражала готовность предоставить российским купцам право беспопышленной торговли в Монголии и Синьцзяне.

Участием в этих переговорах не ограничилась, однако, последующая деятельность Д.А. Пешурова по линии внешнеполитического ведомства. Об умелом совмещении им служебных обязанностей на дипломатическом и научном поприщах наглядно свидетельствуют изданные Д.А. Пешуровым китайские тексты (в том числе, договоры России с цинским Китаем) для учебных и практических целей.

Особенно плодотворно занимался он подготовкой словарей, столь необходимых студентам. Первый его опыт составления русско-китайского словаря был высоко оценен коллегами-востоковедами. «Отличительным достоинством словаря Д.А. Пешурова, – писал известный монголовед и китаист А.М. Позднеев, – является то, что он да-

ет нам ясные коренные значения слов; в этом отношении труд г. Пещурова не находит себе подобного ни у русских, ни даже у европейских ученых»¹⁴.

Важным событием отечественного Китаеведения стало издание Д.А. Пещуровым в 1891 г. второго русско-китайского словаря, построенного по графической системе, предложенной В.П. Васильевым¹⁵. В развернутом предисловии к своему творению автор, критически оценивая изданные российскими и зарубежными синологамии подобные «лексиконы», в частности, отмечал:

«В 1841 г. Каллери издал свой знаменитый труд “Systema Phoneticum Scripturae Chinicae”, вторую часть которого составляет словарь китайско-латино-французский, составленный по фонетической системе. В нем Каллери дает определение 12 753 китайским иероглифам, которые разделены по 1040 фонетическим знакам. Приискание иероглифов по этому словарю вообще не затруднительно, но оно могло бы быть облегчено лучшею формою таблицы принятых им 1040 фонетических знаков.

Словарь Каллери должен быть признан лучшим лексическим пособием к изучению китайского языка. Европейские синологи недостаточно оценили труд Каллери и ничего не сделали к дальнейшему развитию его системы, и только наш известный синолог В.П. Васильев, отдав положительной оценке труда Каллери полную справедливость, издал в 1867 г. китайско-русский словарь, который имеет все преимущества фонетического словаря пред ключевыми и силлабическими, в котором принятая им система распределения иероглифов позволяет все 6 категорий китайского письма внести в лексикон в строго научной последовательности...

Систему свою проф. Васильев назвал графическою и выяснил ее основания в отдельном труде: “Les phonétiques chinois disposés d’après le système graphique” и в статье “Графическая система китайских иероглифов”, помещенной в “Журнале Министерства народного просвещения” (декабрь 1856 г.).

Не имея оснований ожидать, что проф. Васильев в близкое время найдет возможность дать новое издание своего словаря, который сделался библиографической редкостью, и желая, хотя отчасти, пополнить такой пробел в средствах к изучению китайской письменности для студентов факультета восточных языков С.-Петербургского университета, число которых приятно видеть постоянно возрастающим, я решился издать по системе проф. Васильева настоящий китайско-русский словарь в тех размерах относительно китайских знаков, какой возможен по имеющему в настоящее время в Типографии Имп. Академии наук китайскому шрифту. Относительно определения значений вошедших в словарь китайских знаков я пользовался новейшими трудами по лексикографии проф. Васильева, архимандрита Палладия и [П.С.] Попова, Williams’a, Medhurst’a и других известных синологов»¹⁶.

Интересной рецензией на новое издание (1891 г.) китайско-русского словаря, составленного Д.А. Пещуровым, откликнулся известный преподаватель факультета восточных языков С.-Петербургского университета А.О. Ивановский¹⁷, подписавший свою заметку вполне узнаваемым псевдонимом «А.И.И.»¹⁸. В этой рецензии, в частности, говорилось:

«В настоящее время существует уже достаточно большое количество лексиконов на всех языках для изучения китайского языка, причем вышедший в последнее время (1889 г.) словарь архимандрита Палладия и П.С. Попова по своим достоинствам занимает едва ли не первое место¹⁹. Однако появление словаря Д.А. Пещурова, уступающего предыдущим по количеству иероглифов и полноте определений и примеров, должно тем не менее быть приветствуемо всеми, особенно русскими начинающими синологамии. С внешней стороны, причина этого в дешевизне [в размере двух рублей] и опрятности издания, что делает его вполне пригодным и доступным для наших студентов.

С внутренней же стороны, графическая система, по которой он расположен,

делает его положительно-необходимым для начинающих изучать китайский язык.

Словари по ключевой и силлабической системе при небольшом навыке дают возможность быстро находить искомый иероглиф и определять его значение, но несколько не облегчают усвоения памятью начертания самых иероглифов...

Теперь, когда словарь В.П. Васильева, открывшего графическую систему в китайских иероглифах, стал библиографической редкостью, словарь Д.А. Пещурова является насущной потребностью [китаистов].

Жаль только, что составитель выделил в особое приложение иероглифы, входящие в сложные сочетания. Едва ли внесение их в самый словарь особенно увеличило бы его объем и стоимость».

По словам коллег-китаистов, этот второй словарь Д.А. Пещурова был наиболее удачным. В этом убеждает и его оценка Д.М. Позднеевым, которую находим в изданном им в Токио в 1908 г. японо-русском иероглифическом словаре, составленном по ключевой системе. Вот что писал он в своем введении:

«В.П. Васильев еще во время 10-летнего пребывания в Китае в первой половине прошлого столетия, исследуя фонетические группы, напал на счастливую мысль составления этих групп путем постепенного наращивания черт, усложняющих и разнообразяющих фигуру иероглифа. Произведя основанный на этом принципе анализ иероглифов, он создал особую систему их расположения, которую он назвал “графической”. Уже гораздо позднее, в 1867 г., он издал литографическим способом свой бессмертный труд “Графическая система китайских иероглифов. Опыт первого китайско-русского словаря”... Сведение иероглифов к рисунку и расположение всех комбинаций по определенной, совершенно наглядной системе делают графический словарь В.П. Васильева сразу понятным для всякого малого ребенка. Несмотря, однако, на столь огромную заслугу нашего ученого, на ясность, простоту и удобоприменимость его системы к делу, его труд, неудовлетворительно изданный с тех-

нической стороны, не нашел себе большого распространения. Он скоро стал библиографической редкостью, и ему угрожала опасность почти совершенного забвения, от которого графическая система спасена в ожидании более подробного рассмотрения и разработки Д.А. Пещуровым. Труд последнего “Китайско-русский словарь (по графической системе)” (СПб., 1891 г.) имеет все достоинства для практического пользования его небольшого словаря в 5516 иероглифов, построенного по плану В.П. Васильева»²⁰.

Богатством китайской лексики, представленной в трех китайско-русских словарях, составленных Д.А. Пещуровым, отличаются и изданные им литографическим способом учебные пособия под названием «Материалы для китайской хрестоматии» (1897 г.) и «Китайские тексты» (1901 г.), включающие в себя отрывки как из исторических сочинений китайских авторов (например, Вэй Юаня), так и литературные (например, китайского романа XVII в. «Ю-цзяо-ли»), а также официальные сведения из цинской газеты «Цзин-бао» и других китайских источников по истории русско-китайских отношений 1850-х годов (например, о поездке архимандрита Палладия (П.И. Кафарова), главы Пекинской духовной миссии, в Тяньцзинь для встречи с графом Е.В. Путятиным²¹).

Потеря трех лучших китаистов – С.М. Георгиевского (в 1893 г.), В.П. Васильева (в 1900 г.) и, наконец, А.О. Ивановского (в январе 1903 г.) в период наибольшей творческой активности поставила факультет восточных языков Петербургского университета в исключительно трудное положение, особенно кафедру маньчжурско-китайской словесности. Несмотря на отчаянные усилия Д.А. Пещурова (выполнявшего с апреля 1890 г. обязанности экстраординарного профессора²²), в ее работе стали ощущаться явные сбои, что не могло не влиять на учебную подготовку студентов.

В августе 1903 г. коллеги и друзья тепло поздравили Д.А. Пещурова с 50-летием научно-педагогической деятельности²³, а в сентябре того же года, будучи тяжело боль-

ным, он подал прошение о выходе на пенсию. Последние годы своей жизни известный китаевед провел в своем родовом дворянском имении – селе Лосево. Окруженный заботой близких, он внимательно следил за успехами своих учеников, особенно китаистов А.И. Иванова и В.М. Алексеева. 3 (16) января 1906 г. Д.А. Пешуров писал В.М. Алексееву: «На старости лет приходится жить воспоминаниями, и в этих воспоминаниях не последнее место занимают бывшие мои слушатели, в особенности некоторые из них; в числе последних и Вы». «С удовольствием узнаю, – сообщал далее Д.А. Пешуров, – что Вы здоровы, усердно занимаетесь и готовите диссертацию. Выбранная Вами тема мне кажется весьма интересною... Ноябрь и декабрь мы были отрезаны от всего мира забастовкою почты, телеграфа, железных дорог. Тяжело было существовать в полном неведении того, что происходит в России»²⁴.

Весной 1913 г., когда Д.А. Пешурову исполнилось 80 лет, ветеран-китаист получил «множество приветствий от своих слушателей, симпатиями которых пользовался заслуженно»²⁵.

Скончался Д.А. Пешуров 1 ноября 1913 г. в своем имении, где и был похоронен, оставив по себе добрую память как искусный дипломат, прекрасный педагог и просто доброжелательный, порядочный человек. В некрологе, опубликованном в газете «Речь», приват-доцент Петербургского университета В.М. Алексеев (впоследствии, с 1929 г., академик РАН) назвал Д.А. Пешурова одним из немногих оригинальных исследователей Китая, который, будучи подготовлен к занятиям по астрологии, всецело посвятил себя служению синологии. В некрологе высоко оценивался составленный им по графической системе китайско-русский словарь, в котором иероглифы были расположены так, что изучающий китайский язык мог отыскать в нем «какой угодно знак без всяких затруднений и указателей». «При всей своей краткости этот словарь, – подчеркивал В.М. Алексеев, – сослужил свою службу начинающим ки-

таистам и подлежит справедливой похвале»²⁶.

Из шести дочерей Д.А. Пешурова²⁷ эстафету педагога-просветителя приняла от отца его четвертая дочь – Серафима. Это видно из ее письма от 24 ноября 1925 г. к В.М. Алексееву, которому она позднее передала часть научных материалов отца. Серафима, лишившись к тому времени матери и двух младших сестер, жила близ Серпейска с тремя своими детьми и тремя племянниками-сиротами и продолжала заниматься преподавательской работой, которой отдала более 25 лет²⁸. Оставленная ею усадьба в с. Лосево с течением времени пришла в запустение, и лишь один искусственный пруд с некогда оригинальной системой водоснабжения, заросший болотной травой, напоминает ныне о «дворянском гнезде» и его замечательных обитателях²⁹.

Приложение

Письма Д.А. Пешурова и его дочери Серафимы Дмитриевны В.М. Алексееву

1. Д.А. Пешуров – В.М. Алексееву
(С.-Петербург, 5 мая 1903 г.)

Улучите свободный час и зайдите ко мне получить некоторые книги из моей небогатой библиотеки, которую я ликвидирую. Скорее всего, можете застать меня утором до 10–11 или около обеда.

Ваш Д. Пешуров.

СПб. филиал АРАН, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 632, л. 1.

2. Д.А. Пешуров – В.М. Алексееву
([Лосево], 3/16 января 1906 г.)

Спасибо Вам, любезнейший Василий Михайлович, за Ваше письмо и добрые пожелания мне и моей семье. Я также от души желаю Вам всего хорошего, счастья и успехов во всех Ваших делах – научных и иных. На старости лет приходится жить воспоминаниями, и в этих воспоминаниях не последнее место занимают бывшие мои [университетские] слушатели, особенно некоторые из них. В числе последних и Вы.

С удовольствием узнаю, что Вы здоровы, усердно занимаетесь и даже готовите диссертацию [по истории средневековой китайской литературы]. Выбранная Вами тема мне кажется весьма интересною. Не за горами и время Вашего возвращения [из Франции]. Если, как Вы пишете, возвращение последует в июле, то, может быть, Вы надумаете по возвращении немного отдохнуть. Поэтому я с удовольствием предложил бы Вам отдохнуть у нас в деревне, где найдете радушный приют, но, конечно, без каких-либо городских развлечений...

Что же Вам поведать из деревенской глуши? Зиму я провел тихо и очень скучно. Да по нынешним временам в России едва ли сейчас найдется уголок, где бы жилось бес печально. В ноябре и декабре мы были отрезаны от всего мира забастовкою почты, телеграфа и железных дорог. Тяжело было существовать в полном неведении о том, что происходит в России. Наконец, это разрешилось московским погромом, который авось образумит анархистов и всех не умеющих пользоваться свободой без вреда для других. Несчастная [русско-японская] война, а еще более внутренняя смута разорили нашу бедную родину. Свободная пресса также сильно грешна, и я отношусь к ней с отвращением... Пребываю в полном неведении относительно того, что творится в Петербургском университете. Об [А. И.] Иванове³⁰ ничего не знаю. Позорная забастовка учащихся просто возмутительна: каково родителям видеть молодежь, увлекаемую на митинги, на баррикады и всякие бесчинства... Надо надеяться, что созванная Государственная Дума не задумается принять строгие меры против подобных забастовок. Поживем – увидим.

Бедам России, вероятно, сочувствует Франция как из-за своих материальных интересов, так равно из боязни Германии. В Париже теперь, очевидно, большой наплыв русских, покинувших Россию из-за боязни революции, и Вам, пожалуй, приходится быть среди милых соотечественников.

Все мои родные шлют Вам привет и пожелания всего доброго.

До приятного свидания. Ваш Д. Пещуров.

СПб. филиал АРАН. Ф. 820. Оп. 3. Ед. хр. 632. Л. 2–3.

З. Д.А. Пещуров – В.М. Алексееву
([Лосево], 2 января 1907 г.)

Накануне Нового года я получил Ваше письмо от 7 декабря, любезнейший Василий Михайлович, и спешу поблагодарить Вас за память и добрые пожелания мне и моей семье. Мы нередко вспоминаем Вас и, конечно, все желаем Вам всего, всего хорошего и успехов в Ваших ученых трудах. Хотя я и стар (74-й год), но всё же надеюсь, что, Бог даст, доживу до нашей встречи.

Письмецо Ваше доставило мне большое удовольствие, т.к. из него вижу, что настроение Ваше бодрое и Вы полны энергии, что, без сомнения, благоприятно отразится и на Ваших [научных] занятиях. *Берегите здоровье, упорно трудитесь и успех придет. Талантом Бог Вас не обидел.*

Что же поведать Вам из деревенской глуши. Мне на склоне лет жить на родине, конечно, приятно. Семья тоже не особенно скучает, хотя понемногу распадается, что в порядке вещей. В январе предстоит свадьба младшей дочери. Выходит она замуж за моряка и переселяется в Севастополь. Были бы Вы поближе, Вам не миновать бы шаферства. В прошлом году старшая дочь вышла замуж за немца (австрийца)-архитектора, и они временно поселились на моей мызе до приискания мужем места для своих занятий. Других семейных новостей пока нет.

Ни с кем из бывших коллег в Петербурге корреспонденций не веду и потому нахожусь в полном неведении о том, что происходит в Университете. Судя по газетам, в истекшем полугодии занятия в нем шли с грехом пополам: студенты больше заняты политикой и сходками, а наука поэтому стоит на втором плане. Нигилисты загипнотизировали молодежь и, как прежде, в столице продолжают безобразные дела – убийства и грабежи. Тяжело пережить такое время! Пожалуй, сойдешь в могилу, прежде чем на Руси наступит мир и благополучие.

Более чем 200-летней дружбе нашей с Китаем, о чем так часто говорилось в дипломатических документах, по-видимому, настал конец. Надолго ли Д.Д. Покотилов занял тяжелый пост [российского посла] в Пекине³¹. Как он справится с ним и удержит ли он просыпающийся Китай от недружелюбных деяний в отношении России? При случае передайте ему мой поклон, а равно и всем пекинцам, меня не забывшим.

Удовлетворительно ли обставлена Ваша командировка [в Китай] Университетом с материальной стороны? Ведь четыре [китайских] учителя чего-нибудь да стоят! С большим бы удовольствием я взглянул бы теперь на перестроенный Пекин, хотя при этом, вероятно, пожалел и о былом. При случае если это не сопряжено с издержками, приятно было бы получить некоторые фотографии знакомых мест китайской столицы. Обещанных Вами оттисков Ваших статей в «Журнале Министерства народного просвещения» я не получил.

Еще раз пожелав Вам от себя и своей семьи всего хорошего, остаюсь в надежде иметь от Вас весточки.

Ваш Д. Пешуров.

(На конверте письма, отправленного Д.А. Пешуровым в российскую дипломатическую миссию в Пекине, указаны, согласно штемпелям, две даты: Мосальск, 4 января и Пекин, 7 февраля 1907 г.).

СПб. филиал АРАН. Ф. 820. Оп. 3. Ед. хр. 642. Л. 4

4. С.Д. Пешурова – В.М. Алексееву
(Серпейск Калужской обл., Михалажи,
24 ноября 1925 г.)

С тех пор, как мы с Вами виделись, не так уж много лет прошло, но пережито слишком много, и минутами думаешь, как это всё удалось перенести и быть в состоянии жить и работать. <...>

Между прочим, есть у нас литографированные папины записки. Что они означают [для науки] – я не знаю. Может быть, Вы их разберете и посоветуете, как их [с пользой] утилизировать. Если они не годятся для пе-

чати, может быть, пригодятся Вам. Как-нибудь я Вам пришлю их.

СПб. филиал АРАН. Ф. 820. Оп. 3. Ед. хр. 633. л. 1.

5. С.Д. Пешурова – В.М. Алексееву
(Серпейск Калужской обл., Михалажи,
26 декабря 1926 г.)

Сейчас отправляю свою старшую племянницу в Ленинград, т.к. предстоит ей небольшая операция – удаление полипа, а потому пользуюсь случаем отправить Вам папины работы... Бумаги занесут Вам оба мои питомца, т.к. с этого года Митя учится в школе 2-й ступени и как раз в той самой школе, которая когда-то была пансионом Мая и в которой учился мой отец. Не правда ли, какое совпадение? <...>

СПб. филиал АРАН. Ф. 820. Оп. 3. Ед. хр. 633. Л. 5.

Примечания

¹ Подробнее о Д.А. Пешурове см.: История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1997. С. 288–289.

² Как видно из архивных данных, служебная деятельность отца Д.А. Пешурова Алексея Петровича была тесно связана с Министерством юстиции, куда его приняли в феврале 1803 г. (после более чем годового пребывания в чине коллежского регистратора в канцелярии генерального прокурора). 27 мая 1809 г. по представлению министра юстиции князя П.В. Лопухина его определили прокурором Пензенской губернии. В апреле 1810 г. он стал прокурором Симбирской губернии, а в декабре того же года – Киевской, при этом ему по высочайшему повелению от 8 февраля 1811 г. выдали на проезд в Киев 1 тыс. руб. В 1814 г. А.П. Пешурова вызвали в Петербург, где с учетом его ревностной службы назначили (по указу от 11 июня 1816 г.) на ответственный пост в Министерстве юстиции в звании коллежского советника. Последующая его карьера сложилась благоприятно после назначения обер-прокурором во 2-е отделение 5-го департамента Правительствующего Сената, где он находился

на службе до марта 1827 г. Будучи формально причислен к «Герольдии» Сената, он с 11 ноября по 15 декабря 1830 г. выполнял функции попечителя 7-го участка по Мосальскому уезду Калужской губернии и лишь по высочайшему указу, данному Правительствующему Сенату 20 мая 1832 г., был «всемиловитейше уволен по прошению его вовсе от службы с правом по-прежнему именовать себя действительным статским советником и получать пенсию из государственного казначейства в размере 1 тыс. руб. в год». К моменту избрания предводителем дворянства Мосальского уезда в январе 1833 г. ему, согласно формулярному списку, было 48 лет и у него было двое сыновей и четыре дочери. Скончался он 1 декабря 1833 г., оставив жену беременной третьим сыном (названным после рождения 9 мая 1834 г. Алексеем). См.: Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. ДЛС и ХД, формулярные списки. Д. 2636. Л. 1–5.

³ Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 549. Оп. 2. Д. 31. Л. 442; АВПРИ. Ф. Главный архив IV-1. 1856 г. Д. 5. Л. 7. О внесении Д.А. Пешурова в дворянскую книгу (вместе с его младшим братом Алексеем, родившимся 9 мая 1834 г.) Минне Васильевне Пешуровой 15 октября 1836 г. была выдана копия решения губернского депутатского собрания, состоявшегося 6 июля 1836 г. М.В. Пешурова скончалась от чахотки 24 февраля 1850 г., похоронена на Волховском кладбище в Петербурге. См.: ГАКО. Ф. 549. Оп. 2. Д. 31. Л. 9.

⁴ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив IV-1. 1856 г. Д. 5. Л. 5.

⁵ Государственный исторический архив Ленинградской области (ГИАЛО). Ф. 14. Оп. 3. Д. 14686. Л. 48, 51–52.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 730. Оп. 1. Ед. хр. 3661. Л. 1–2.

⁷ Там же. Ф. 916. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 55.

⁸ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив IV-9. 1865 г. Д. 2. Л. 6.

⁹ О рождении шестой дочери Д.А. Пешурова – Елизаветы, появившейся на свет 25 августа 1884 г., сообщал в Пекин драгоману П.С. Попову архимандрит Флавиан (Н.Н. Городецкий), возглавлявший Российскую духовную миссию в Пекине в 1879–1883 гг. В январе 1885 г. он писал из Петербурга: «Д.А. Пешурову Бог дал недавно шестую дочку...» См.: Российская государственная библиотека, Москва (РГБ), Научно-исследовательский отдел рукописей (НИОР). Ф. 218. Картон 763. Ед. хр. 24.

¹⁰ РГБ. НИОР. Ф. 138. Ед. хр. 261. Л. 1–23.

¹¹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 472. Оп. 1. Ед. хр. 171. Л. 1–4.

¹² ГИАЛО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 6528. Л. 20.

¹³ Там же. Л. 36.

¹⁴ Российский государственный исторический архив (СПб.). Ф. 733. Оп. 150. Д. 628. Л. 4.

¹⁵ Подробнее см.: *Хохлов А.Н.* Востоковед В.П. Васильев и его графическая система расположения китайских иероглифов // *Китайское языкознание. Изолирующие языки.* М., 2000. С. 189–201.

¹⁶ Китайско-русский словарь (по графической системе) Д.А. Пешурова, и.д. экстраординарного профессора Имп. С.-Петербургского университета. СПб.: Типография Имп. Академии Наук, 1891. С. V–VII.

¹⁷ Подробнее об Алексее Осиповиче (Иосифовиче) Ивановском (1863–1903) см.: История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 г. С. 278–287.

¹⁸ Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. VII (1892). СПб., 1893. Критика и библиография. С. 338–339.

¹⁹ Подробнее см.: *Хохлов А.Н.* Китайско-русский словарь П.И. Кафарова и П.С. Попова в оценке современников (по архивным материалам) // *Китайское языкознание.* М., 1996. С. 156–160.

²⁰ *Позднеев, Дмитрий.* Японо-русский иероглифический словарь (по ключевой системе). Токио, 1908. С. XXIII–XXIV.

²¹ В добротной библиографической справке Е.П. Лебедевой, опубликованной в материалах ежегодной конференции Отдела Китая ИВ РАН «Общество и государство в Китае», Дмитрию Алексеевичу Пешурову ошибочно приписана статья его младшего брата Алексея Алексеевича под названием «Пути к устью Амура», опубликованная в апреле 1857 г. в «Морском сборнике» (возможно потому, что эта статья указана в именном указателе трудов Д.А. Пешурова в конце книги П.Е. Скачкова «Библиография Китая», изданной в Москве в 1960 г.). См.: *Лебедева Е.П.* Библиографические материалы о китаеведе Д.А. Пешурове // XIX научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. II. М., 1988. С. 21–22.

²² Сенатские ведомости. 7 апреля 1890 г. № 55.

²³ Новый край (Порт-Артур). № 128 (7 ноября 1903 г.).

²⁴ СПб. филиал Архива Академии наук (АРАН). Ф. 820. Оп. 3. Ед. хр. 632. Л. 2.

²⁵ Новое время, 1913, № 13623 (3/16 ноября 1913 г.).

²⁶ Речь, № 304, 6(19) ноября 1913, с. 2; см. также: *Алексеев В.М.* Наука о Востоке. Статьи и документы. М., 1982, с. 293–294.

²⁷ Как видно из формулярного списка, составленного в 1901 г., в семье Д.А. Пешурова, женатого первым браком на дочери священника Анне Евгеньевне см с. 5, было шесть дочерей: Надежда (род. 6 августа 1871 г.), Софья (род. 2 августа 1873 г.), Анна (род. 16 июня 1875 г.), Серафима (род. 30 июля 1877 г.), Вера (род. 26 октября 1879 г.) и Елизавета (род. 25 августа 1884 г.). См.: ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 6528, л. 123 (в данном документе год рождения Д.А. Пешурова указан неправильно: 1837).

²⁸ СПб. филиал АРАН. Ф. 820. Оп. 3. Ед. хр. 633. Л. 1.

²⁹ Автору этих строк при посещении с. Лосево (ныне район Дашино) 26 августа 1983 г. удалось путем опроса старожилов собрать очень краткие, хотя и довольно противоречивые сведения о Д.А. Пешурове и его близких родственниках. По некоторым из этих данных, Д.А. Пешуров незадолго до своей кончины жил в с. Зайцево Межевского уезда, но был похоронен в с. Лосево.

³⁰ Подробнее об Алексее Ивановиче Иванове (1878–1937) см.: История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. С. 295–297.

³¹ Подробнее об упомянутом российском посланнике в Пекине см.: *Хохлов А.Н.* Дмитрий Дмитриевич Покотиллов // Вопросы истории, 2011, № 5, с. 36–54.

Д.Ю. Козлов

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В НОВЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ ГЕРМАНСКИХ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

В последние годы германская археография Первой мировой войны пополнилась целым рядом ценных документальных изданий, проливающих свет на некоторые небезынтересные аспекты участия Турции в событиях 1914–1918 гг.

Речь идет, прежде всего, о четырехтомном сборнике «Die deutsche Seekriegsleitung im Ersten Weltkrieg» («Германское военноморское командование в Первой мировой войне»), выпущенном Бундесархивом в 1999–2004 гг. Издание представляет собой весьма репрезентативную подборку планирующих, директивных, отчетно-информационных документов кайзера Вильгельма II, начальника его морского кабинета адмирала Г. фон Мюллера, статс-секретарей имперского морского управления (морских министров) gross-адмирала А. фон Тирпица и адмирала Э. фон Капелле, начальников адмирал-штаба (морского генерального штаба) адмиралов Г. фон Поля, Г. Бахмана, Х. фон Хольцендорфа и Р. фон Шеера, а также командира Средиземноморской дивизии и по совместительству командующего османским флотом контр-адмирала В. Сушона и германского посла в Константинополе Г. фон Вангенхайма. Эти материалы во многих случаях конкретизируют политические и военные аспекты событий, ранее остававшиеся на периферии исследований истории Первой мировой войны. Вот лишь несколько примеров.

Прежде всего, это новые обстоятельства одного из наиболее сложных и по сей день дискуссионных сюжетов – прорыва германской Средиземноморской дивизии, крейсеров «Гёбен» и «Бреслау», в Дарданеллы в августе 1914 г. Из опубликованных документов явствует, что автором идеи прорыва кораблей контр-адмирала В. Сушона в Константинополь являлся чрезвычайно деятель-

ный и искушенный в искусстве дипломатии германский посол в Турции. Еще 1 августа барон Г. фон Вангенхайм телеграфировал в Берлин, что «Гёбен»... усиленный турецкими морскими силами, был бы в состоянии поставить шах русскому Черноморскому флоту...»¹ Военно-морское же руководство, поддержанное кайзером Вильгельмом II, на пороге мировой войны полагало целесообразным нацелить корабли В. Сушона на нарушение французских воинских перевозок в западной части Средиземного моря, а затем вывести «Гёбен» и «Бреслау» в Атлантический океан для ведения «крейсерской войны». Показательна в этом смысле помета, сделанная начальником адмирал-штаба адмиралом Г. фон Полем на полях процитированной выше телеграммы Г. фон Вангенхайма: «Совершенно исключено. «Гёбен» найдет сейчас лучшее применение в Атлантике или дома».

Впрочем, очень скоро оперативная обстановка на Средиземноморском театре, которая характеризовалась подавляющим превосходством англо-французских морских сил при нейтралитете итальянцев и пассивности австрийцев, втайне надеявшихся избежать войны с Англией², а также политическая необходимость привлечь на свою сторону Османскую империю заставили германское морское командование откорректировать свою позицию. Уже через три дня В. Сушон получил депешу адмирал-штаба с инструкциями «немедленно следовать в Константинополь» в соответствии с «официально объявленным союзным договором», а 10 августа – приказ идти в Дарданеллы «как можно быстрее», дабы «вынудить Турцию занять позицию в нашу пользу» (по некоторым данным, последняя телеграмма была отправлена Г. фон Полем без ведома Вильгельма II, но в тот же день им-

ператор одобрил ее содержание post factum)³.

Что же касается намерений германского военно-политического руководства втянуть Турцию в войну путем вооруженной провокации в Черном море, то никаких сомнений в их существовании не остается после ознакомления с письмом начальника адмиралштаба статс-секретарю по иностранным делам Г. фон Ягову от 12 сентября 1914 г. «Его величество император сказал мне, — пишет адмирал Г. фон Поль, — что необходимо всеми средствами стараться подвигнуть Турцию к войне против России и что для этого Средиземноморская дивизия во взаимодействии с турецким флотом как можно скорее должна провести энергичную акцию против России»⁴.

Ввод в научный оборот этого документа дает основания усомниться в уместности попыток преувеличить степень политической самостоятельности младотурецкой правящей верхушки. Так, известный британский историк Н. Стоун полагает, что «Энвер и его близкий соратник Талаат... завладев двумя германскими кораблями, **заставили** (выделено мной. — *Авт.*) команду надеть фески, притвориться турками и обстрелять русские порты, рассчитывая на то, что Россия объявит войну»⁵. Опубликованные документы свидетельствуют, что принципиальные решения на сей счет принимались на берегах Шпрее, но никак не Босфора.

Чрезвычайно любопытны выводы о боеспособности османского флота, сделанные В. Сушоном после бомбардировки российских портов 29 октября 1914 г., открывшей военные действия между Турцией и Россией. Четырьмя днями позже в секретном докладе кайзеру адмирал признал, что Джемаль-паше — одному из членов иттихадистского триумvirата, недавно получившему портфель морского министра — удалось добиться некоторых успехов в «удалении наиболее трусливых и неспособных элементов». Однако успех своего дерзкого рейда к российским берегам В. Сушон приписал исключительно «профессионализму, железной воле и ожесточению» немногочисленных

немецких офицеров и нижних чинов, которыми были усилены экипажи турецких кораблей. Характеризуя же своих новоявленных союзников, В. Сушон — даже при всей его дипломатичности — вынужден был прибегнуть к совершенно недвусмысленным выражениям: «Страшно подумать, что случилось бы с турецкими кораблями, учитывая жалкое состояние команд и материальной части, в плохую погоду или при сопротивлении противника... Весь без исключения турецкий личный состав проявил себя полностью ни на что не способным»⁶.

Нетрудно заметить, что подобные пассажи явно диссонируют с подчеркнуто корректными формулировками из официальных германских исторических сочинений и в первую очередь главного из них — труда отставного контр-адмирала Г. Лопея «Die Krieg in den Türkischen Gewässern. Die Mittelmeer-division» («Война в турецких водах. Средиземноморская дивизия»), опубликованного в 1928 г. в числе работ известного 22-томного цикла «Das Marine-Archiv-Werk: Der Krieg zur See 1914–1918» и выдержавшего несколько изданий на русском языке под заголовком «Операции германо-турецких морских сил в 1914–1918 гг.»

Не меньшую научную ценность имеет подготовленная профессором М. Эпкенхансом публикация хранящихся в личных архивах дневников, частных писем и некоторых служебных документов Альберта фон Хопмана⁷ — германского вице-адмирала, являвшегося одним из лучших в кайзеровском флоте специалистов по России (любопытно, что, еще будучи слушателем военно-морской академии в Киле, он опубликовал работу «Петр I и русский флот»⁸) и игравшего ключевую роль во многих событиях, связанных с борьбой германцев против Российского флота.

Среди «черноморских» сюжетов опубликованных материалов отметим прежде всего дневниковые записи А. фон Хопмана (в 1914 г. он в чине контр-адмирала занимал пост флотского представителя в главной квартире кайзеровской армии), затрагивающие обстоятельства нападения германо-ту-

рецкого флота на российские порты 29 октября 1914 г.

Так, в дневниковой записи от 28 октября содержится информация «из первых рук» о попытке военно-политического руководства второго рейха уйти от ответственности за провокационный выпад В. Сушона. Германское морское командование, получив 27 октября сообщение посольства в Константинополе о выходе флота в Черное море, воздержалось от выдачи командиру Средиземноморской дивизии приказа о нападении на российские порты. Г. фон Поль едва не отправил В. Сушону соответствующую телеграмму, но его удержал осторожный Г. фон Ягов. Статс-секретарь по иностранным делам опасался, что турецкие влиятельные круги, выступающие против войны, негативно воспримут столь беспардонное втягивание их в вооруженный конфликт с Россией⁹. «Деликатное» молчание Берлина, однако, не имело решающего значения, поскольку ранее германское командование неоднократно выражало принципиальное согласие на операцию германо-турецких морских сил против русских: еще в августе в Берлине настаивали на проведении акции Средиземноморской дивизии в Черном море¹⁰, а последняя директива «атаковать русский флот, если представится возможность», была получена В. Сушоном буквально накануне – 25 октября¹¹.

Через два дня после начала военных действий в Черном море, 31 октября 1914 г., А. фон Хопман фиксирует полученные в германской ставке сведения о настроениях властей предрежающих турок: «В совете министров в Константинополе великий визирь и Джавид-паша выступили против войны. Если они объявят себя несогласными, великим визирем может стать Энвер или Талаат-бей. На Энвер-бея может быть устроено покушение, или он может погибнуть от несчастного случая»¹². Это свидетельство еще раз подтверждает тезис о том, что Османская империя была вовлечена в мировую войну вопреки воле значительной части турецкого политического истеблишмента, и многие ключевые фигуры османской правящей вер-

хушки отнюдь не разделяли воинственных планов Энвер-паши и его коллег.

Проведя большую часть войны на Балтике, в декабре 1917 г. А. фон Хопман в качестве германского представителя вошел в состав сформированной в Одессе специальной подкомиссии по вопросам перемирия на Черноморском театре, которую в начале апреля 1918 г. переименовали в Навигационно-техническую комиссию (Nautisch-technische Kommission – NATEKO). Ее деятельность была направлена на восстановление и охрану свободных от мин коммуникаций в Черном и Азовском морях, нормализацию работы портов и верфей, регулирование судоходства, организацию вывоза из России продовольствия, нефти и других материалов, необходимых Центральным державам для продолжения войны¹³. Не касаясь здесь работы NATEKO, которая достаточно подробно освещена в исторической литературе¹⁴, обратим внимание на некоторые весьма ценные наблюдения немецкого адмирала о политике Турции того времени и его суждения относительно перспектив ее отношений с государствами австро-германского блока и Антантой, а также аргументированные сомнения А. фон Хопмана в целесообразности политики, проводимой Берлином в Передней Азии.

Так, в служебном меморандуме от 27 мая 1918 г. адмирал пишет: «Я вижу теперешнюю нашу роль здесь в том, чтобы... настойчиво предотвращать продвижение Турции на черноморских берегах. Мы ещё будем горько раскаиваться в том, что мы отдали туркам Батум и нефтяные месторождения. Турция есть и остаётся для нас культурно чуждой. Мы отделились от всех государств, до сих пор находящихся под русским влиянием, в которых население даже частично является мусульманским. Они же считают, что поворот в сторону Турции для них обернется регрессом в культурном плане»¹⁵.

В докладе начальнику адмирал-штаба от 13 июля 1918 г. А. фон Хопман предостерегает правящие круги Германии от чрезмерной заботы о морском могуществе Тур-

ции и стремления к полному низложению России как морской державы:

«Экспансия России была направлена по большей части на юг и юго-восток, и именно за это она вела войны, в том числе эту. Если бы мы поддержали её в этом стремлении, которое нацелено против английского империализма в Азии, то приобрели бы союзника, в противном же случае – противника, подверженного всем соблазнам Антанты. Балканский вопрос уже не играет той роли, какую играл раньше... Второстепенным стал и вопрос о Дарданеллах; перспектива обладать военно-морскими силами, которые могли бы играть значимую роль в Средиземном море, для новой России – в неопределённом будущем. Но ни один русский не может допустить мысли, что Россия обречена на полное бессилие в Чёрном море, которое ранее рассматривалось как сфера ее влияния. Крым, Кавказ, Армения, Туркестан и т.д. играют в русской истории слишком большую и значительную роль, чтобы быть забытыми. Для русских нет ничего более болезненного, чем наблюдать их возвращение Турции. Но без флота Россия бессильна перед глубоко ею презираемой и фактически далеко отстоящей от неё в культурном развитии Турцией... Если Турция будет обладать подавляющим превосходством в Чёрном море, то мы столкнёмся с неприятнейшими политическими и экономическими трудностями и хлопотами...»¹⁶

Адмирал приводит любопытные сведения о политических приоритетах младотурецкой верхушки после выхода России из мировой войны:

«Главная цель турецких происков определённо состоит в том, чтобы получить Кавказ. Все указывает на то, что турки посредством подстрекательств и вооружения мусульманских племён Северного Кавказа попытаются его занять... Талаат-паша сказал... что война не будет завершена победой одного или двух государств, и сейчас надо попытаться воспользоваться этим хаосом, насколько это возможно... Если Баку и Кавказ окажутся в руках Турции, туда хлынет англо-американский капитал, который гос-

подстрекатель там до войны, и снова серьёзно усилит её... Если Кавказ будет занят Турцией, то путь в Персию и Индию будет открыт для Антанты...»¹⁷

Из приведенных немногочисленных примеров представляется очевидным, что новые документальные публикации наших германских коллег вносят весомый вклад в археографическое освоение «турецких» сюжетов истории Великой войны. Увидевшие свет документы значительно дополняют источниковую базу исследований истории крупнейшего военного конфликта первой трети XX столетия и способны существенно расширить, а в некоторых случаях актуализировать сложившиеся в отечественной историографии представления о некоторых событиях Первой мировой войны.

Примечания

¹ Deutscher Botschafter in Konstantinopel an Answärtiges Amt (Terapia, 1.8.1914) // Die deutsche Seekriegsleitung im Ersten Weltkrieg. Dokumentation. Vierter Band. Bearbeiter von G. Grainer. Koblenz: Bundesarchiv, 2004. S. 18.

² Braun T. Warum hat Admiral Haus der deutschen Mittelmeerdivision seine Hilfe versagt? // Marine-Rundschau. 1928. Heft 7. S. 289–296.

³ Staatssekretär des Reichsmarineamtes an Staatssekretär des Auswärtigen Amtes (Berlin, 3.8.1914) // Die deutsche Seekriegsleitung im Ersten Weltkrieg. Vierter Band. S. 19.

⁴ Chef des Admiralstabs der Marine an Staatssekretär des Auswärtigen Amtes (Luxemburg, 12.9.1914) // Die deutsche Seekriegsleitung... Vierter Band. S. 22.

⁵ Стоун Н. Первая мировая война: Краткая история. Пер. с англ. И.В. Лобанова. М.: АСТ, 2010. С. 79.

⁶ Kommando der Mittelmeerdivision an Kaiser Wilhelm II (Halki, 3.11.1914) // Die deutsche Seekriegsleitung... Vierter Band. S. 25.

⁷ Hopman A. Das ereignisreiche Leben eines «Wilhelminers». Tagebücher, Briefe, Aufzeichnungen 1901 bis 1920 / Herausgegeben von M. Epkenhans. München: R. Oldenbourg Verlag, 2004.

⁸ Epkenhans M. „Clio“ und die Marine // Deutsche Marinen im Wandel. Vom Symbol nationaler Einheit zum Instrument internationaler Sicherheit /

Herausgegeben von W. Rahn. München:
R. Oldenbourg Verlag, 2005. S. 368.

⁹ Hopman A. Op. cit. S. 478, 479.

¹⁰ Chef des Admiralstabs der Marine an Staatssekretär des Auswärtigen Amtes (Luxemburg, 12.9.1914) // Die deutsche Seekriegsleitung... Vierter Band. S. 22.

¹¹ Langensiepen B., Nottelmann D., Krüsmann J. Halbmond und Kaiseradler: Goeben und Breslau am Bosphorus 1914–1918. Hamburg – Bonn – Berlin: Verlag E. S. Mittler & Song GmbH, 1999. S. 21.

¹² Hopman A. Op. cit. S. 481.

¹³ Лорей Г. Операции германо-турецких морских сил в 1914–1918 гг. Пер. с нем. Е. Шведе. М.: Госвоениздат, 1934. С. 274, 296.

¹⁴ См. например: Langensiepen B., Nottelmann D., Krüsmann J. Op. cit. S. 187–205.

¹⁵ Hopman A. Op. cit. S. 1101.

¹⁶ Ibid. S. 1105.

¹⁷ Ibid. S. 1110.

Т.А. Филиппова

КАВКАЗСКИЙ ФРОНТ В РУССКОЙ ЖУРНАЛЬНОЙ САТИРЕ ЭПОХИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

По материалам журнала «Новый Сатирик»

Стремительное приближение мира к катастрофе Первой мировой войны не могло не отразиться в отечественной сатирической печати. Особенно – при взгляде в южном направлении, где Османская империя тщетно пыталась залечить свои исторические недуги за счёт далеко не бескорыстной немецкой (германской и австрийской) помощи, стремившейся, прежде всего, к упрочению положения держав Тройственного союза в Османской империи. Особенность отношений Германии и Турции в годы, предшествовавшие началу Великой войны, трактовалась русскими сатириками как форма политического доминирования и экономической эксплуатации «больного человека Европы». Именно тогда, ещё в предвоенные годы, сатирический образ турка – дряхлого старика или убогого калеки, жертвы «коварных союзников», прочно устоялся в русской журнальной сатире¹.

Однако новые времена диктовали потребность создания однозначных образов врага и более жёстких риторик враждебности. Но и от прежних идейных стереотипов, визуальных клише и критических «оптик» видения противника трудно было отказаться – и по причине их укоренённости в глубинах исторической памяти, и из-за инерции бытования этих образов в работах журналистов. Вся историческая «толща» спрессовавшихся на века представлений об «угрозе с Востока» эффективно подпитывала враждебный образ турка, идейно и пропагандистски связывая его с актуальными внешнеполитическими реалиями.

Принуждение Турции к союзническим отношениям, добытое Германией «по факту», силовыми методами военно-политической авантюры, стало для русской печати дежурным сюжетом, к которому журнали-

сты возвращались всякий раз после очередного обострения в регионе. О сложности тогдашнего положения турецких властей недвусмысленно говорила новосатириконовская миниатюра А. Мисса: унылый султан в окружении двух наложниц тяжело вздыхает:

– *Положеньице: с немцами пойдёшь – русские поколотят... С русскими пойдёшь – а вдруг немцы верх возьмут?! Нейтралитет держишь – тоже плохо: немцы деньги отнимут!!... Вот тут и вертись...*²

Однако «вертеться» в неопределённости Турции оставалось недолго. Держава Османов, в начале августа 1914 г. заявившая о своём нейтралитете, уже в октябре была активно вовлечена в военные планы центральных держав. Тем более что и армия, и флот когда-то Блистательной Порты оказались к тому времени уже фактически под германским командованием. Когда без объявления войны в октябре 1914 г. произошёл двухдневный обстрел турецким флотом под командованием германского адмирала Сушона российских черноморских портов (Одессы, Севастополя, Феодосии и Новороссийска), то части Кавказской отдельной армии получили приказ перейти границу и атаковать турецкие войска. С объявлением Россией войны Турции Кавказский фронт (ноябрь 1914 – октябрь 1917 г.)³ стал реальностью Первой мировой.

Российская сатирическая печать мгновенно отреагировала на тревожные события, взорвавшись серийными залпами гневно-саркастических текстов и рисунков. Так, почти целый номер «Нового Сатирикона», признанного лидера русской дореволюционной журнальной сатиры, был посвящён началу войны на Кавказском фронте⁴. Тогда, в самом начале вооружённого противостояния с Османской империей, «турок», олицетворявший

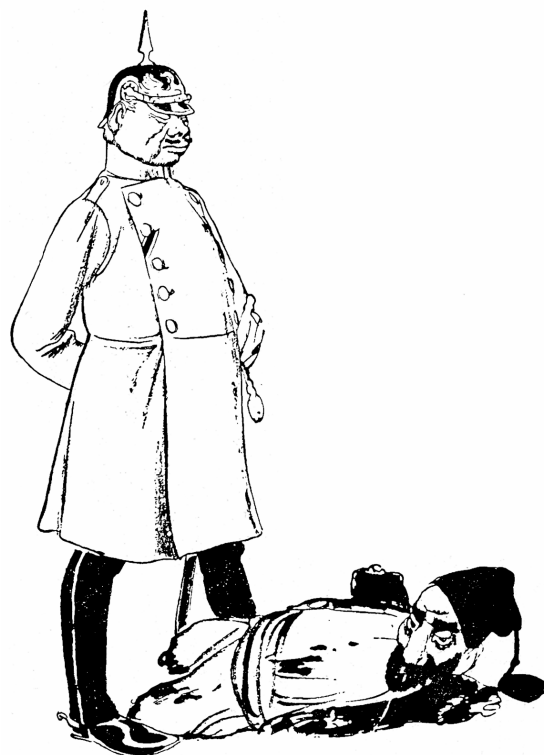
младотурецкий режим, на какое-то время становится главным действующим лицом и объектом критики. В тот исторический момент он предстаёт наглым, но недалёковидным противником, заслуживающим разве что банальных каламбуров и дежурных, язвительных усмешек. По этому поводу «Новый Сатирикон» публикует насмешливые стихи, напоминающие солдатские частушки:

*Турки начали войну
со сбиванья иштукатурки...
Ну и ну, ай, иштука турки!
Ночью тёмною, как тать,
к городу подкрались, гады,
И давай в него метать
за снарядами снаряды!
Сокрушили мирный мол,
церковь, банк, да зданье боев,
Чувствуй, мол, какой я воин!
Днём мне драться не с руки:
слишком зорки стражи очи,
То ли дело – воровски,
под покровом тёмной ночи!..
Пышет заревом восход,
день и солнце на пороге;
Вздрыгнул храбрый мореход и –
в бега – давай Бог ноги!*⁵

На вступление Турции в войну сатирик Аркадий Бухов откликается едким, остроумным фельетоном «Тайны турецкого двора (Рассказ очевидца)», в котором в концентрированной форме присутствуют излюбленные русскими журналистами темы-маркёры *турецкости*: слабый, безвольный султан, обнаглевшие гаремные жёны, алчные одалиски, осмелевшие подданные, унижительная зависимость турецких правителей от германских властей. Автор нарочито собирает воедино все старые и новые штампы восприятия похолопленного «немцем» «турка» и опрометчиво вступившей в войну Турции, что делает его фельетон любопытным источником для анализа русского общественного мнения о событиях на Кавказском фронте:

– Ну, что наш-то? Воюет?

Старший евнух осмотрелся по сторонам и шепнул:

Д Р У Г Ъ.

Немец – турку: «Рук мне твоих не жаль, Ахмет, они мало мне помогали, а ног жалко. Сколько бы фатерлянд заработал на поставке тебе обуви!..»

Новый Сатирикон. 1916. № 16.

– Заставили. Мне младший кальянщик рассказывал – плакал, отбивался, а тот-то пришёл, прикрикнул, ну и воюет... А что ему оставалось делать-то?..

– Это кто – немец, что ли?..

– Немец и есть... Наш-то побледнел да как крикнет: дать, говорит, ему орден!..

– Ну, а тот?

– Немец-то? Взял.

Падали сумерки. В гареме было тихо. Большинство жён сбежалось к евнуху, и только шестьдесят четыре, еще не знакомых с обиходом гарема, робко жались в углу.

– Ну, а что, евнушок, – вкрадчиво спросила одна из жён, фамилию которой султан начал уже забывать, – а нашего-то убить могут?

Привычка – вторая натура:

«Султан: – Почему этот генерал приближается ко мне так странно?

– Он иначе не может, царь царей. На Кавказском фронте командовал – привык пятиться».

Новый Сатирикон. 1916. № 23.

– Нашего султана? Сына вселенной? Вождя звёзд? Племянника Млечного...

– Ну ладно, ладно... Возьми вот тут изюм с миндалём, после съешь... Скажи только...

– Не могут. Султанов не убивают. Это и в законе сказано...

– Ну, а если убьют?

– Мёртвый будет...

– А мы?

– Вы-то. Живые, – евнух презрительно посмотрел на жён султана и сплюнул, – кому вас надо...

– А что же, нам пенсию дадут?

– Дадут. Немцы и дадут.

– Всем? Ну, вот я уже в отставке, а вот те новобранки... И им тоже?..

– Говорят тебе, всем...

– Значит, и вот этим подлячкам дадут, чтобы их исковеркало...

– Сама такая...

– Я такая? Я, сто шестьдесят девятая подруга самого... Ну, и нахалка...

– Тише вы... супруги, – испуганно крикнул евнух, – идёт... Сам идёт...

Гарем затих.

Очередная жена доела кусок халвы и подсела к султану.

– Папашка, а папашка! Ты что же это – драться хочешь?

– Не я хочу, – уныло вздохнул султан, – меня хотят... Мне что, собственно...

– Чего же ты молчишь?

– А что же я, кричать должен?..

– Да плюнь ты на немцев...

– А если они на меня раньше наплевали?

– А ты переплюнуть не можешь? Эх, ты, султан...

Султан удивленно посмотрел на неё и пожал плечами.

– Ты, кажется, забываешься, дорогая? – обиженно спросил он.

– А хоть бы и так – тебе какое дело?

– То есть, это как какое дело?

– А так. Подумаешь, тоже – султан... Пирожное какое...

– Да как ты смеешь? – закричал султан, вскакивая с места, – да ты знаешь...

– Знаю, знаю... Помалкивал бы... Мне о немцах-то всё рассказали...

– Ну, что там, – сконфузился султан, – при чём тут немцы... Иди, я тебя осыплю ласками...

– Осыпай другую...

– То есть, как это другую?

– Да так... Надоел ты мне что-то уж очень... Ходишь тут, разговариваешь... Я вот терплю-терплю, да как позову немцев...

– Немцев? Зачем немцев?.. – испуганно спросил султан.

Очередная жена зевнула, заложила за щеку новый кусок халвы и зевнула снова.

– Ну, будет... Поболтали и довольно. Прощай, брат...

И ушла.

* * *

– Как же это ты их распустил так?
– негодующе сказал султан старшему евнуху.

– Сами распустились. Не мои жёны-то, – не отрываясь от газеты, проворчал евнух, – третьеводни, когда вас немцы-то распекали, так они тут такое подняли, такое подняли...

– Что ты врешь, собака?!.. Какие немцы?!..

– Кто собака, а кто и две собаки... А немцы обыкновенные...

– А если я тебя, кошачьего дядю, на кол посажу? А если я с тебя шкуру велю снять?

– Ну, ты, потише, – хмуро отозвался евнух, – у меня, брат, арапник недалеко... Так вытяну, что и до немцев не добежишь...

Султан слезливо моргнул и порывлся в кармане.

– На вот тебе пиастр... Хороший пиастр... Не сердись ты на меня... Ну, сказал что лишнее – так не обижайся...

– Да я, собственно, ничего... Нет, давай, давай... Нечего в карман прятать... У немцев, поди, выклянчил?

– Сами дали, сами дали, голубчик... Они меня любят...

* * *

Когда султан проходил по двору, часовым это не понравилось.

– Ишь ты обезьяна, – сплюнул сквозь зубы один башибузук, – дома-то посидеть не может... Проходи, проходи... Не балуй...

* * *

В спальне султан плотно запер дверь и, осмотревшись по сторонам, погрозил кому-то кулаком.

– Ну, это мы посмотрим, – хмуро сказал он, – сын неба, отец мира, брат Большой Медведицы не любит шутить... Завтра же всех немцев повесить! Слышите, все вы: повесить, четвертовать, восьмерить, десятерить... Всех! Всех!

– Звали? – спросил кто-то по-немецки, подходя к двери.

– Я, – бледнея, сказал султан, – я звал? Да что вы... Это так... На ночь, знаете, голос пробовал... Хожу и пою: чижик там, чижик, где ты был, чижик-чижик... Хожу и пою, хожу... и пою... А вам и послышалось... Чижик-чижик, трам-там-там...»⁶.

Несамостоятельность Турции как участницы столкновения великих держав, «вторичная» значимость «турка» как противника, отчаянное, но бесполезное стремление Турции «сохранить лицо» – именно в таких категориях интерпретировали русские журналисты происходившее на Кавказском театре боевых действий и в турецкой столице. Тяжёлые бои на Кавказском фронте в ноябре–декабре 1914 г. не без оснований воспринимаются и журналистами-сатириками, и русским обществом в целом как попытка Германии оттянуть силы русской армии от западного театра военных действий. Даже ценою потерь и поражений своего турецкого союзника. Готовность Германии воевать «до последнего турка» становится привычной шуткой русских сатириков, дежурным элементом визуализации военно-политической игры в треугольнике Россия – Германия – Турция.

Со смесью сарказма и снисходительного сочувствия к «турку» описывают сатирики наиболее яркие эпизоды боевых действий между Турцией и Россией, к примеру, Сарыкамышскую операцию декабря 1914 – января 1915 годов, в ходе которой русская Кавказская армия остановила наступление турецких войск на Карс, разгромила их и перешла в контрнаступление. Характерно, что в тексте сатирического рассказа Аркадия Аверченко, «золотого пера» «Нового Сатирикона», отсутствует ненависть к турку и Турции, есть лишь ироничное – до озорства – стремление показать всю нелепость военных устремлений турецкого режима, обременительных прежде всего для его собственного народа. Короче говоря, только «спяну» и можно было решиться на подобную военную авантюру, да разве мусульманам эта слабость позволена?.. – лукаво подмигивает просвещённому читателю сатирик:

Высадили турки десант. Знаете, сколько? 23 человека.

Отлогий пустынный берег. Капитан свистнул в какую-то дудку, наклонился с мостика и сказал:

– Ну, вы, десант! Приехали. Вылезайте!

– Уже Россия? – уныло спросил начальник десанта, карабкаясь по узкой заплёванной лесенке.

– Россия. Вся тут, как на ладони. Голыми руками забирай.

Вышли на берег. Холодно... Морозный туман ещё не рассеялся. Поёжились.

– Ну, что теперь делать-то?

– Я думаю, вглубь страны отправить-ся.

Пошли... Встретились какие-то мужики. Обступили турок; долго и внимательно их разглядывали.

– Не наши как будто. Носачи все...

Печально бредёт десант «вглубь страны». Растянулся какой-то погребальной процессией. Куда идти? Что делать? Неизвестно.

На счастье этих двадцати трёх горемык встретился им разъезд стражников.

– Кто такие будете? Как попали сюда?

– Турки. Да десант мы. Высадились.

– Зачем?

– Ну, как, вообще, полагается. Воюем мы с вами. Вот и высадились на вашу территорию. Тут, на бережку. Десант мы. Понимаете? – для оккупации приехали. Вторглись в вашу страну. Хи-хи.

– Чёрт вас тут разберёт. Спьяну, что ли?

– Нет, нам нельзя. Непьющие мы.

– Так что делать-то будете? На зароботки?

Положение создалось тяжёлое, невыносимое... Грозный десант, внушительная демонстрация воюющей державы – всё это разбилось об недоумение стражников. И очутился бедный десант в простой русской полицейской кордегардии»⁷.

Примечательно, что, при всей комедийности вышеописанной ситуации, поводом для сатирической миниатюры Аверченко послужили весьма тревожные события но-

ября 1914 г. и последующих месяцев, когда турецкие войска вторглись на территорию российского Закавказья в прибрежной зоне и заняли плацдарм у крепости Батум. С российской стороны это потребовало срочного направления туда отряда, которому было предписано начать вытеснение турецких войск⁸.

Возникает вопрос: насколько справедливыми и близкими к реальности были шуточки сатириков над турками как воюющей стороной – над их «слабостью», «неспособностью» вести современную войну, над отсутствием «мужества» и стойкости в бою? События, связанные с Сарыкамышской операцией, ставшей одним из легендарных эпизодов Первой мировой войны на Кавказском фронте⁹, заставляли, как будто бы, по-другому взглянуть на реальность сражений с этим традиционным для России «врагом с Востока». Да и предшествовавшие этой операции события на Кавказском фронте в октябре – ноябре 1914 г. давали повод, скорее, для тревоги, чем для «шапкозакидательских» настроений¹⁰.

В целом же Сарыкамышская операция, как серьёзная и нелегко доставшаяся русской армии победа, вписала важную страницу в историю Первой мировой войны и отнюдь не была тем полуведовильным приключением при столкновении с «незадачливым противником», как это подчас рисовали в своих материалах журналисты-сатирики. Возможно, таким образом они стремились подбодрить общество и армию (что закономерно и характерно для сатиры военного времени), но подчас подобная стратегия выглядела сомнительной, ибо явно обесценивала значимость победы собственной армии. Между тем на Европу победы русских войск на Кавказском фронте произвели сильное впечатление. Так, Морис Палеолог, состоявший послом Франции в России, откликнулся в своём дневнике на эту операцию, не скрывая своего восхищения доблестью русских войск: «Этот успех тем более похвален, что наступление наших союзников началось в гористой стране, такой же возвышенной, как Альпы, изрезанной пропастями и перевала-

ми. Там ужасный холод и постоянные снежные бури. К тому же – никаких дорог и весь край опустошён. Кавказская армия совершает там каждый день изумительные подвиги»¹¹.

В ответ на события начала 1915 г., когда части Кавказской армии остановили наступление 3-й турецкой армии под командованием Энвера-паши на Карс, наголову разгромили их, а потом начали освобождение от турок южной Аджарии и Батумской области, сатирик Евграф Дольский публикует юмористический рассказ «Ничтожный случай». Повествуя о буднях Кавказского фронта, автор обыгрывает и победу численного меньшинства русских над турками, и неприязнь простых турок-солдат к немцам, и их готовность замирились с русскими. Автор долго и обстоятельно вводит читателя в курс дела, в духе «солдатской бывальщины» повествуя о том, как маленький отряд из пяти русских был остановлен неким Гасаном, поджидавшим их, затаившись на сосне, уже целые сутки. В ответ на недоумённые вопросы вконец замёрзший Гасан пояснил, что его, единственного в своей части знавшего русский язык, товарищи командировали к русским, чтобы сдать в плен... «Может, сдаться?» – переспросили русские. «Нет! Сдать!» – хором заорали подошедшие турки (полсотни воинов). Но кого же, собственно, сдать?..

Гасан умоляюще посмотрел на русских солдат.

– Бери в плен лейтенанта! Имей, пожалуйста, рассуждение, – продолжал Гасан, – целый сутка лейтенант на лошадь привязан, ничего не ел, не пил... Суди сам, ты русский, солдат твой русский, офицер твой русский, а я турок. А офицер мой немец... Ты имеешь со мной войну, – ты русский, я турок, говори, – зачем же немец?

– Немец, – вздохнул турецкий отряд.

– Хорошо, – немец. Пусть – немец. А если он по-турецки ни слова не знает? Если он тебя в ухо, в нос, а ты имеешь кровь и говоришь: дисциплина? Сидел, сидел, мы, старики, и говорил: увезём потихоньку к русским немца. Убивать нельзя. А только в плен.

Солдат говорит: дадут другого. Старик говорит: повезём и другого. Солдат говорит: лучше уж в глотка нож. А старик ему по борода: плен – шито-крыто, а нож – сиди без голова. Ну, мы и говорил, и думал. Брал лейтенанта и в лесок прятал. Сутка сидел. Бери, пожалуйста. В плен лейтенанта, скажи такой спасибо.

Солдаты переглянулись.

– Выручить турку?

– Была не была, подавай немца.

Несколько турок бросились к пригорку и скоро возвратились назад со связанным лейтенантом.

– Получай с рук на руку, – засуетился Гасан, – береги его хорошенько. Чтобы не убежал. Побезит – не догонишь. Получай его саблю. Получай револьвер. Ты, лейтенант. Ходи в плен! Повоевал и будет. Сиди на плен... Не верти глазом, а то дисциплину получишь!

Стоявшие в стороне турки внимательно следили за происходящим. После того, как лейтенант перешёл в руки маленького отряда, старый турок подъехал к Гасану и что-то спросил у него.

– Спа-си-бо. Спа-си-бо. Про-щай, – ответил Гасан.

Старик снял шапку и, обратившись к русским солдатам, сказал:

– Аллах... Спаси... Сиспа... Шайты!

Показал рукой на небо, указал на себя, на солдат, прикоснулся к ружью и вздохнул.

– Собак! – сказал он, указывая на лейтенанта.

Потом повернул лошадь и поехал назад.

Прощаясь с русским отрядом, Гасан грустно улыбнулся.

– Поехал бы я за тобой... Ай, ай. Ай. Поехал бы... Боюсь, чтобы он не удрал! Знаешь, что? Стреляй ему в спину, если удерёт. Стреляй и говори: дисциплина!..»¹²

Похоже, «старый враг» – русский в военной реальности оказывался для турка лучше «нового друга» – немца. Во всяком случае, именно на это недвусмысленно намекает читателю сатирик, иронизируя и над традиционной немецкой одержимостью дисциплиной, равно несимпатичной и русскому, и

турку, и над турецкой хитростью – желанием избавиться от назойливой германской опеки русскими руками... Кто кому здесь «по факту» становился союзником, а кто – противником? Ответ на этот вопрос в разгар Первой мировой войны, похоже, звучал уже не столь определённо и однозначно.

Этот новый поворот в развитии темы турецко-германской «взаимности» будет лишь нагнетаться в дальнейших сатирических публикациях на тему Кавказского фронта по мере приближения конца войны. Но это – тема для особого рассказа.

Примечания

¹ См.: Филиппова Т.А. «Враг с Востока»: Образы и риторика вражды в русской сатирической журналистике начала XX века. М.: Изд-во АИРО-XXI, 2012. С. 219–260.

² Новый Сатирикон. 1914. № 37. С. 5.

³ Подробнее см.: Базанов С.Н. За честь и величие России // Забытая война: сб. ист. лит. произв. М.: Содружество «Посев». 2011. С. 364–367.

⁴ См.: Новый Сатирикон. 1914. № 44.

⁵ Там же. С. 11.

⁶ Там же. С. 6.

⁷ Там же. 1914. № 50. С. 6.

⁸ Об этом подробнее см., например: Корсун Н.Г. Сарыкамышская операция. М., 1937.

⁹ Подробнее см.: Масловский Е.В. Мировая война на Кавказском фронте 1914–1917 гг.: Стратегический очерк. Париж, 1933; Корсун Н.Г. Сарыкамышская операция на Кавказском фронте мировой войны в 1914–1915 гг. М., 1941; Ахаткин К.З. Сарыкамыш // Военный сборник. Кн. VI. Белград, 1925. С. 107–128; Генерал П.А. Томилов. Русский полководец // Часовой: Ил. воен. журн.-памятка. Париж. 1932. № 62. С. 13–22. Никольский В.П. Сарыкамышская операция: 12–24 декабря ст.ст. 1914 года. София, 1933; Сарыкамышская операция 12–24 декабря 1914 года (некоторые документы). Париж, 1934.

¹⁰ См., например: Мартиросян Д.Г. Сарыкамышская операция (12–24 декабря 1914 г.) // Военно-исторические исследования в Поволжье. Вып. 7. Саратов, 2006. С. 55–65.

¹¹ Палеолог М. Царская армия во время мировой войны. М., 1991. С. 143.

¹² Новый Сатирикон. 1915. № 8. С. 7.

Ю.Н. Тихонов

ПОДГОТОВКА СОВЕТСКОЙ МИССИИ В АФГАНИСТАН В 1920 г.

Неизвестное письмо М.М. Грузенберга (Бородин) ¹ В.И. Ленину ²

Большое количество архивных материалов, касающихся попыток большевиков осуществить экспорт революции через Афганистан в Индию, все еще не введено в научный оборот. По этой причине советская внешняя политика в Центральной Азии в 1920-х годов в работах отечественных исследователей дается крайне схематично и с большими погрешностями, вызванными незнанием (по разным причинам) первоисточников.

Все вышесказанное смело можно отнести к истории отправки в Ташкент «афгано-индусской» миссии М.М. Грузенберга (Бородин) с целью организации «революции» в Британской Индии. Об этой авантюре с разной степенью подробности писали многие отечественные исследователи ³, но участие В.И. Ленина в подготовке данной миссии осталось за рамками их работ.

Публикуемый ниже документ неоспоримо доказывает личное участие главы Советского государства в подготовке миссии в Афганистан в 1920 г. При анализе письма Грузенберга становится очевидным, что подготовка крупномасштабной антибританской акции в Центральной Азии вступила в решающую стадию в период работы Второго конгресса Коминтерна ⁴ в Москве.

В это время Ленин поддерживал тесный контакт с Грузенбергом, который в течение июля – августа 1920 г. пытался получить все необходимое для «афганской миссии». Еще до поражения в начале августа 1920 г. Красной армии под Варшавой стало очевидным, что у Советской России нет запрашиваемого индийскими националистами вооружения для создания «армии освобождения». Однако даже те средства, которые получил в свое распоряжение Грузенберг, были весьма значительными: «золотой запас» в 2 млн рублей золотом, 4 тыс. ручных гранат, авиазвено и т.д. ⁵ Таким образом, советское руко-

водство придавало первостепенное значение разворачиванию антибританской деятельности в «афганском коридоре». Грузенберг все же благоразумно отказался от поста советского полпреда в Кабуле, предвидя, видимо, неизбежный крах всех планов по созданию «индийской революционной базы» в Афганистане.

В тексте документа сохранена авторская орфография. Очевидные опечатки исправлены без комментариев. В квадратных скобках раскрыты сокращения. Курсивом выделены слова и фразы, добавленные в машинописный текст от руки.

М.М. Грузенберг – В.И. Ленину

Уважаемый товарищ Ленин,

В последней беседе ⁶ с Вами Вы поручили мне довести дело организации миссии в Афганистан до конца и о результате сообщить Вам.

Вначале предполагалось послать с миссией такое военное снаряжение, которое дало бы индийским революционерам, по их мнению, возможность приступить к немедленной подготовке вооруженного восстания в одном из наиболее удобных пунктов на границе Афганистана и Индии. Индийские товарищи с Роем ⁷ во главе просили вооружения приблизительно на 20 тыс. человек ⁸. Они не представляли себе, что такая помощь неизбежно привела бы к тому, что у нас образовался бы новый Восточный фронт ⁹. Они не представляли себе, что такое количество оружия хватило бы только для начала действий, что нам пришлось бы продолжать снабжать их оружием до тех пор, пока они не укрепились бы в самой Индии.

Из бесед с Вами я понял, что в настоящее время нам не приходится и думать об образовании такого фронта, что у нас просто нет для этого средств. Я понял, что мы должны

ограничиться пока только помощью в пропаганде и агитации и таких частичных или индивидуальных выступлениях в самой Индии, на которые потребовались бы ничтожные технические средства, как бомбы и пр.

Согласно этому и после переговоров с Наркоминделом я отдал распоряжение моим сотрудникам по организации миссии приготовиться к отъезду немедленно с тем снаряжением, которое до сих пор удалось раздобыть.

Миссия уезжает числа 3 сентября¹⁰, причем она хорошо снабжена для оказания широкой помощи в деле агитации и пропаганды. Миссия берет с собой: прилично оборудованную ТИПОГРАФИЮ¹¹, состоящую из 6-ти ТИПОГРАФСКИХ МАШИН, из которых 4 были выписаны из Германии и уже получены, 1-го ТИСКАЛЬНОГО СТАНКА, 1-ой РЕЗАТЕЛЬНОЙ МАШИНЫ с ЛАТИНСКИМ, АРАБСКИМ и ПЕРСИДСКИМ ШРИФТАМИ, разных других принадлежностей и БУМАГИ в количестве 500 пудов. Миссия берет с собой много ЛИТЕРАТУРЫ для переводов на восточные языки, необходимый ЗОЛОТОЙ ФОНД, РУЧНЫЕ ГРАНАТЫ, АВИАЗВЕНО с целью создать более быстрое сообщение между Кабулом и Ташкентом, ТРИ САМОЛЕТА с ЛЕТЧИКАМИ, МЕХАНИКАМИ и ИНСТРУКТОРАМИ, ГРУЗОВИК, АВТОМОБИЛЬ, всякого рода ХОЗЯЙСТВЕННОЕ СНАБЖЕНИЕ и пр.

В личном составе миссии помимо летчиков, механиков и инструкторов по обращению со взрывчатыми веществами и всякого рода оружием имеются также инструкторы-пропагандисты и даже учителя русского языка, имея в виду научить более передовых индусов русскому языку с тем, чтобы послать их в Россию продолжать свое образование в наших пропагандистских военных школах.

Из индусов с миссией отправляются: т.т. Рой, Мукарджи¹², Ачария¹³ и Шефик¹⁴. Все они коммунисты, правда немного чересчур левые, но все же коммунисты.

Ввиду того, что нашим полномочным представителем в Афганистане остается по-

ка тов. Суриц¹⁵, и ввиду того, что в Ташкенте Исполкомом Коминтерна образовано Бюро¹⁶ из т.т. Сафарова¹⁷, Сокольников¹⁸ и Роя, на обязанности которого (Бюро) лежит направление всей деятельности по пропаганде и агитации в Средней Азии, моя поездка туда является ненужной.

Сим довожу до Вашего сведения, что моя работа по организации миссии закончена и я свободен¹⁹.

Довожу также до Вашего сведения, что солдаты-индусы в количестве 70 человек (о которых Вы упоминали в нашей беседе), находящиеся в Баку, будут по моему предложению переведены Наркоминделом из Баку в Ташкент, где они будут должным образом использованы.

С ком[мунистическим] приветом М. Грузенберг²⁰.

Предлагаю дать индийским товарищам несколько минут времени перед их отъездом. Прошу сообщить мне о времени, когда Вы могли бы их принять.

[Не ранее 31 августа 1920 г.]

Вверху документа имеется рукописная помета Ленина: «Арх[ив]. Напомнить мне (и дать о[трицательный]/[ответ]) для разговора по тел[ефону] с Груз[енбергом].

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 405. Л. 1–3. Машинописный текст. Подпись – автограф.

Примечания

¹ Грузенберг Михаил Маркович (Бородин, он же Англичанин, Александр Хумберг, Майкл Берг, Георг Браун, М. Браун, Яков, Никифоров) (1884–1951). Член РСДРП с 1903 г. С 1919 г. – сотрудник ИККИ. В 1920 г. был назначен главой военно-политической миссии РСФСР и Коминтерна в Афганистан, но к месту назначения так и не выехал из-за ухудшения советско-афганских отношений. Его фактическим заместителем в Ташкенте был М. Рой. В 1923–1927 гг. был представителем ИККИ в Китае. После 1927 г. работал на различных руководящих постах в советском госаппарате. Репрессирован.

² Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924) – создатель большевистской партии и Со-

ветского государства. В 1917–1924 гг. глава правительства РСФСР и СССР. Инициатор образования в 1919 г. Коминтерна.

³ См. к примеру: *Персиц М.А.* Революционеры Индии в Стране Советов. М., 1973; *Райков А.В.* Национально-революционные организации Индии в борьбе за независимость. М., 1979; *Панин С.Б.* Советская Россия и Афганистан. 1919–1929. Москва; Иркутск, 1998.

⁴ Второй Конгресс Коминтерна проходил 19 июля – 7 августа 1920 г.

⁵ См. подробнее: *Панин С.Б.* Указ. соч.; *Тихонов Ю.Н.* Афганская война Сталина. М., 2008. «Золотой запас» миссии позже был использован для нужд советского полпредства в Кабуле и выплаты афганскому эмиру Аманулле субсидии в 1 млн золотых рублей.

⁶ Если речь идет не о телефонном разговоре, то встреча Ленина с Грузенбергом состоялась не ранее 11 августа 1920 г.

⁷ Рой Манабендра Натх (Мартин, Роберто Аллен, Вильягарсиа, Роберт Аллен-Рой, Робертс, Мануэль Мендес) (1892–1954). Индийский революционер. В годы Первой мировой войны в поисках оружия, необходимого для антибританского восстания в Индии, посетил Батавию, Малайю, Гонконг, Филиппины, Корею, Японию. Поддерживал контакты с представительствами Германии в этих странах для получения финансовой помощи. В 1916 г. приехал в США, где его арестовали после вступления США в войну на стороне Антанты, но он был освобожден под залог. В 1917 г. бежал из США в Мексику, где основал «Общество друзей Индии» и сблизился с местными марксистскими группами. Располагая крупной суммой денег, полученной от немцев, стал учредителем изданий социалистической партии Мексики – газет «Эль Сосьялиста» и «Эль эральдо де Мехико». В декабре 1918 г. избран генеральным секретарем Мексиканской региональной социалистической партии. Под влиянием первого в Мексике советского консула М.М. Бородина поддержал Октябрьскую революцию. В 1920 г. по мандату компартии Мексики направлен вместе с Е. Трент-Рой делегатом на II конгресс Коминтерна (КИ). В Москве встречался с В.И. Лениным, по предложению которого подготовил тезисы по национальному и колониальному вопросам, обсуждавшиеся на II конгрессе КИ. Входил в комиссию II конгресса по национальному и колониальным вопросам как представитель Мексики (Роберто Аллен) и Индии (Манабендра Натх Рой). С 1921 г. член Исполкома КИ (ИККИ) от Индии. Делегат III–VI

конгрессов КИ (в работе VI конгресса «из-за болезни» участия не принимал), XIV съезда ВКП(б). 1920–1921 гг. – представитель ИККИ в Ташкенте для работы в странах Востока. В Ташкенте основал компартию Индии. В 1923 г. по поручению КИ участвовал в подготовке германской революции. С 1924 г. член Президиума ИККИ от Индии. В 1926–1927 гг. – член Дальневосточного секретариата ИККИ. В 1927 г. – представитель ИККИ в Китае; член Восточного лендерсекретариата ИККИ. В 1929 г. исключен из КИ как «сторонник Троцкого». Фактически причиной исключения было непринятие руководством КИ предложений Роя о дальнейшей коминтерновской деятельности в Индии. В 1930 г. вернулся в Индию. В 1931–1936 гг. отбывал тюремное заключение. После освобождения стал членом Индийского национального конгресса (ИНК). В 1940 г. исключен из ИНК за призывы поддерживать Англию во Второй мировой войне. В сентябре 1940 г. создал Радикально-демократическую партию и стал ее генеральным секретарем. В 1948 г. распустил свою партию и отошел от политической жизни. В 1954 погиб, сорвавшись в пропасть.

⁸ «План военных операций на границах и Индии», разработанный Роем в июне 1920 г. Согласно этому «Плану», при советской помощи и содействии Афганистана в зоне пуштунских племен для освобождения Индии от английского господства создавалась из местного населения «армия вторжения» численностью 20 тыс. человек.

⁹ Речь идет о Восточном фронте, созданном в 1918 г. для борьбы против белочехов и КОМУЧа, а затем войск адмирала Колчака (до 400 тыс. штыков и сабель). В январе 1920 г. фронт был расформирован. Разгром «колчаковщины» потребовал от большевиков самой большой за весь период Гражданской войны концентрации сил.

¹⁰ В назначенный срок отбыть в Туркестан миссии не удалось. 15 сентября 1920 г. она еще находилась в Москве. Точно известна лишь дата ее прибытия в Ташкент – 29 сентября 1920 г.

¹¹ Так в тексте.

¹² Так в документе. Правильнее: Мукерджи Абани (1891–1937?) – индийский революционер. В годы Первой мировой войны активно участвовал в подготовке антибританского вооруженного восстания в Индии. В 1915–1917 гг. был арестован и отбывал тюремное заключение в Сингапуре. Совершил побег. В 1920 г. прибыл в Советскую Россию. Делегат II конгресса Коминтерна

«от Британской Индии». 1920–1921 гг. – член Всеиндийского революционного комитета, созданного по инициативе М.Н. Роя. В Ташкенте курировал Индийскую школу всех родов оружия. Много сделал для пропаганды коммунистических идей среди индийских эмигрантов в Туркестане. Фактически был «правой рукой» М.Н. Роя в Ташкенте, где в 1920 г. вступил в Коммунистическую партию Индии. В 1922 г. был послан Коминтерном со специальным заданием в Индию. В 1923–1925 гг. – в Индии отбывал тюремное заключение. В 1925 г. после освобождения из тюрьмы по заданию Коминтерна активно участвовал в создании Индийской компартии. С 1925 г. являлся членом ЦК КП Индии. Делегат III, VIII конгрессов Коминтерна. До 1937 г. – преподаватель в Восточном институте в Ленинграде, а затем – в МГУ. Репрессирован.

¹³ Ачария Мандайям Пративади Байякар Тирумал (1888–1967) – индийский революционер. В 1907–1908 гг. получил высшее образование в Англии, где вступил в революционную группу В. Саваркара. После начала Первой мировой войны 1914–1919 гг. примкнул к Берлинскому комитету индийских националистов. С 1915 г. вел антибританскую агитацию среди индийских солдат в зоне Суэцкого канала. В 1918 г. – приехал в Афганистан. В начале 1919 г. вместе с делегацией индийских националистов во главе с М. Пратапом прибыл в Советскую Россию. В мае 1919 г. присутствовал на встрече Баракатгаллы и Пратапа с В.И. Лениным. В 1919 г. вместе с Абдур Рабом создал Индийскую революционную ассоциацию. В 1920 г. – делегат II Конгресса КИ; один из основателей компартии Индии в Ташкенте. В 1922 г. уехал в Берлин. В Европе работал секретарем Антиимпериалистической лиги. После прихода к власти в Германии нацистов в 1935 г. вернулся в Индию.

¹⁴ Так в документе. Правильнее: Шафик, Мохаммед (Реза) (1898–?) – индийский националист. Журналист. В годы Первой мировой войны прибыл в Афганистан, где стал секретарем министра внутренних дел «Временного правительства Индии». 31 марта 1920 г. прибыл в Ташкент вместе с делегацией этого правительства. В апреле 1920 г. был одним из организаторов «Индийской секции» при Совинтерпропе. В декабре 1920 г. стал секретарем КПИ, созданной М. Роем в Ташкенте. В 1921 г. отправлен Коминтерном в Индию. В 1921–1922 гг. находился в Афганистане. Делегат II и III конгрессов КИ. В 1924–1927 гг. отбывал срок в английской тюрьме. В 1928 г. прибыл в СССР: принимал участие в работе

VI конгресса КИ. До 1932 г. работал в центральном аппарате Коминтерна в Москве. В 1932 г. вернулся в Индию, где вскоре отошел от политической деятельности.

¹⁵ Суриц Яков Захарович (1882–1952) – советский дипломат. В 1918–1919 гг. – представитель РСФСР в Дании. В 1919–1921 гг. – полпред РСФСР в Афганистане. До 1922 г. – уполномоченный НКВД по Туркестану и Средней Азии. В 1922–1923 гг. – полпред в Норвегии. В 1923–1934 гг. – полпред в Турции. В 1934–1937 гг. – полпред в Германии. В Стамбуле и Берлине поддерживал тайные контакты с амануллистами. С 1937 г. – полпред во Франции. После фашистской оккупации этой страны был отозван в Москву и работал в аппарате НКВД. В 1946–1947 гг. был послом в Бразилии. В 1948 г. вышел в отставку.

¹⁶ Речь идет о Туркестанском (Ближневосточном, Ташкентском) бюро Коминтерна, решение о создании которого было принято в Москве 5 июня 1920 г. Реально это Бюро стало работать с начала октября 1920 г., т.е. с момента начала деятельности Роя в Ташкенте. В полном составе руководство Туркбюро собралось лишь 19 ноября 1920 г. Таким образом, Грузенберг в своем письме стремился создать впечатление, что он будет в Ташкенте лишним. Данное «преувеличение» не соответствовало действительности, поэтому Ленин и дал в начале сентября 1920 г. отрицательный ответ на его просьбу.

¹⁷ Сафаров Георгий Иванович (1891–1942) – член партии большевиков с 1908 г. В 1920–1921 гг. – член Турккомиссии. В 1920–1922 гг. – член Туркбюро ИККИ. В 1921–1923 гг. – заведующий Восточным отделом ИККИ. В 1921–1923, 1924–1925 гг. – кандидат в члены ЦК РКП(б). В 1926–1927 гг. – первый секретарь полпредства в Китае. В 1929–1934 гг. – зам. зав. Восточным лендсекретариатом ИККИ. В 1936 г. – репрессирован.

¹⁸ Сокольников Григорий Яковлевич (1888–1939) – советский партийный и государственный деятель. Член партии с 1905 г. В 1919–1920 гг. – командующий 8-й армией Южного фронта, член РВС. С 1920 г. был председателем Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР и Туркбюро ЦК РКП(б), членом Туркбюро Коминтерна, а также командующим Туркестанским фронтом. В 1922–1926 гг. нарком финансов РСФСР. С 1926 г. заместитель председателя Госплана СССР. Репрессирован.

¹⁹ Автор письма выдавал желаемое за действительное: Грузенберг считался главой «афганской миссии», как минимум, до октября 1920 г.

²⁰ Слева Грузенберг написал номер своего телефона: 31-8-20.

А.С. Смирнов

РУССКИЙ В ГРОБНИЦЕ ТУТАНХАМОНА

Имя Григория Ивановича Лукьянова (25.11.1885, Москва – 12.7.1945, Каир) редко встречается в научных трудах, посвященных российским исследователям Древнего Египта. Этот талантливый человек, вынужденный покинуть Россию в годы Гражданской войны, большую часть своих египтологических исследований опубликовал за рубежом.

По своей первой специальности Г.И. Лукьянов был авиационным инженером, специалистом по аэродинамике¹. Он окончил в 1904 г. классическую гимназию с золотой медалью и поступил на физико-математический факультет Московского университета, где обучался под руководством профессора Н.Е. Жуковского, с которым в дальнейшем сотрудничал. Закончив университет в 1909 г. с дипломом 1-й степени и желая совершенствовать свое техническое образование, Г.И. Лукьянов поступил в Московское техническое училище, одновременно занимаясь исследованиями совместно с Н.Е. Жуковским в созданной им Аэродинамической лаборатории. В 1912 г. его утвердили преподавателем Технического училища.

Г.И. Лукьянов как специалист быстро получил признание в кругах ученых и инженеров. В 1911 г. его избрали членом комитета I Всероссийского конгресса авиаторов и секретарем его Аэродинамической секции, на которой он выступил с двумя докладами. В 1913 г. Лукьянов – вновь член Организационного комитета и секретарь II Всероссийского конгресса авиаторов, в деятельности которого принял активное участие. В том же году он отправился в Европу изучать аэродинамические лаборатории Франции, Германии, Англии и Италии.

В годы Первой мировой войны Г.И. Лукьянов совместно с Н.Е. Жуковским организовал теоретические курсы для авиаторов, инспектором которых он стал.

Г.И. Лукьянова, как и многих одаренных людей, не удовлетворяла деятельность только в одной узкопрофессиональной сфере. Его влекли и гуманитарные науки. В 1914 г. он поступил на археологическое отделение Московского археологического института (МАИ), в котором обучался с большим успехом. Все экзамены он сдал с оценкой «отлично», в том числе и курс египтологии, который Лукьянов слушал у «ученого археолога» Ф.В. Баллода на первом и втором курсах². В Археологическом институте Григорий Иванович познакомился с Елизаветой Сергеевной Елагиной, поступившей в 1915 г. на археологическое отделение³. На следующий год она стала его женой.

Никаких сведений об увлечении Г.И. Лукьяновым египтологией во время обучения в Московском археологическом институте нет. Тема его «диссертации», как именовались в институте дипломные работы, была определена как «Московский Слободской дворец»⁴. Диплом об окончании института за № 389 был выдан ему 3 декабря 1916 г.⁵ Согласно уставу МАИ, Г.И. Лукьянов, как успешно окончивший курс, был избран «членом Московского археологического института».

События конца 1917 г. в России резко изменили жизненный путь ученого. Г.И. Лукьянов оказался в Сибири, где в 1919 г. его избрали профессором математики Дальневосточного университета. Он также занимался публикациями материалов по вопросам авиации, издаваемых Генеральной технической администрацией в Сибири. В 1920 г. правительство Колчака назначило Лукьянова торговым агентом в Югославии и направило его в Европу.

Но вместо Европы Г.И. Лукьянов оказался в Египте, где в течение трех лет работал личным секретарем посланника Чехословакии. Помимо этого, он занимался от-

правкой египетских древностей в европейские музеи и чтением лекций по истории Древнего Египта. В 1944 г. Лукьянов получил место хартофилакса (архивариуса) греческой православной Александрийской патриархии.

Питомец Археологического института отличался тяжелым характером, что отмечали члены русской колонии в Египте. И.Я. Билибин, живший в те годы в Каире, с раздражением упомянул о нем в одном из своих писем: «Лукьяш все что-то язвит, но пока мы все еще держимся и не поссорились, но он может довести отношения до разрыва. Я и не понимаю, что ему нужно, но всегда со своим тоненьким теноровым смешком он отпускает колкости. Я, конечно, отвечаю тем же»⁶.

Находясь в Египте, Г.И. Лукьянов занимался исследованиями в области египтологии, сотрудничал с известным русским египтологом В.С. Голенищевым. Он опубликовал к концу жизни около 60 трудов. В 1930 г. Лукьянова избрали членом Археологического института имени Н.П. Кондакова в Праге. В 1944 г. он сделал попытку передать свою коллекцию египетских древностей Советскому правительству, но безуспешно.

Судя по всему, во всяком случае, в первые годы своей жизни в Египте, Г.И. Лукьянов осознавал себя членом Московского археологического института и пытался информировать его руководство о своей деятельности. Именно этим может объясняться появление письма, которое он отправил директору МАИ А.И. Успенскому. По всей видимости, Г.И. Лукьянов не знал, что в 1922 г. институт вошел в состав факультета общественных наук Московского университета, а Александр Иванович уже не являлся его директором.

Это письмо хранится в фонде А.И. Успенского Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ)⁷. Оно представляет собой 11 листов папиросной бумаги, заполненных рукописным текстом. Можно предположить, что Г.И. Лукьянов готовил несколько экземпляров письма, так

как хранящаяся в ОР РГБ рукопись – копия, выполненная при помощи копировальной бумаги. Таким же образом, с помощью копировальной бумаги, выполнен и рисунок вещи, приложенный к рукописи.

Однозначного объяснения этому нет. Возможно, Г.И. Лукьянов отправил в Россию разными путями несколько экземпляров письма, надеясь, что хоть один из них достигнет адресата.

Письмо не датировано, но, судя по контексту, время его написания можно установить достаточно точно. Манера изложения в письме далека от научной публикации, она достаточно эмоциональна, текст не всегда согласован. Это явно первоначальные, непосредственные впечатления, не подвергшиеся какой-либо редакции, в которых автор даже не пытается скрыть свои личные переживания.

Можно точно определить год описываемых событий – сразу после окончания первого сезона раскопок гробницы. Как известно, вход в гробницу Тутанхамона был открыт в начале ноября 1922 г., а в феврале 1923 г. из-за наступившей жары работы пришлось прервать до следующей зимы. К этому времени исследователям удалось проникнуть в погребальную камеру и вскрыть первый саркофаг фараона. Дальнейшие работы были отложены. Именно в этот момент Г.И. Лукьянов и посетил гробницу.

В начале письма Г.И. Лукьянов указал дату своей поездки в Луксор – сразу же после получения телеграммы о возможности посетить раскопки Говарда Картера в Долине царей. «Получив 23-го февраля телеграмму из Луксора с разрешением мне осмотреть гробницу фараона Тут-Анх-Амона, я покинул немедленно Каир». Это позволяет определить день посещения гробницы фараона. По свидетельству Г. Картера, «день 17 февраля был специально отведен для осмотра гробницы египтологами... а спустя неделю гробница была снова засыпана»⁸. Стало быть, осмотр Г.И. Лукьяновым гробницы не мог быть осуществлен позднее 24 февраля. Недаром он указывал в письме: «Уже получены достоверные сведения, что гробницу

через день-два снова зароят до следующей зимы из-за невозможности работать во время наступившей жары». Учитывая время поездки на поезде от Каира до Луксора, занимающей одну ночь, с большой долей уверенности можно предположить, что Г.И. Лукьянов осмотрел гробницу Тутанхамона 24 февраля 1923 г.

Г.И. Лукьянов упоминает о черте на песке, проведенной лордом Карнарвоном, далее которой он, разочарованный предыдущими годами бесплодных поисков, отказывался финансировать раскопки. Скорее всего, это сведения легендарного характера, первый вклад в создававшийся обширный эпос о знаменитой гробнице.

Можно утверждать, что Г.И. Лукьянов был личностью известной для ученых Египта, в том числе и для руководителя раскопок Г. Картера. Об этом говорит доверительное отношение английского археолога к своему русскому коллеге, которого он не только лично сопровождал по помещениям гробницы, но и выдал ему «специальный» пропуск для посещения гробницы Сети II, в пустых помещениях которой хранились найденные вещи. Г. Картер не возражал и против детального осмотра этих уникальных предметов, еще неизвестных большинству египтологов.

Г.И. Лукьянов подробно описал доступные после первого сезона исследований помещения гробницы – коридор, первую комнату, погребальную камеру и внешний саркофаг. Как и многие его коллеги, русский археолог был удивлен скромными размерами гробницы и высказывал различные версии, объясняющие это явление.

Интересны бытовые мелочи, отмеченные Лукьяновым в письме. Например, что от жары, проникавшей через открытую дверь в гробницу, на деревянных фигурах фараона потекла смола, которой они были пропитаны. Сразу становится понятным, что перерыв в раскопках на летний период был вызван не стремлением ученых к большему комфорту в прохладные зимние дни, а опасением за сохранность находимых артефактов. Это подтверждается и словами Г. Кар-

тера, который выбор пустой гробницы Сети II для хранилища объяснял, в том числе, тем, что в ней постоянно держалась прохлада, благоприятная для сохранности многих находок⁹.

Все письмо проникнуто восхищением перед открывшейся перед его автором уникальной гробницей. Но более всего Г.И. Лукьянова восхитили находки, которые он осмотрел в хранилище. «Сказочные, обогащающие историю, науку и искусство сокровища. Точно приподнимаешь завесу трех тысячелетий, чтобы увидеть лучшие образцы искусства и культуры интереснейшей эпохи Нового Царства – XVIII династии. Впечатление незабываемое. И какая почва для исследований».

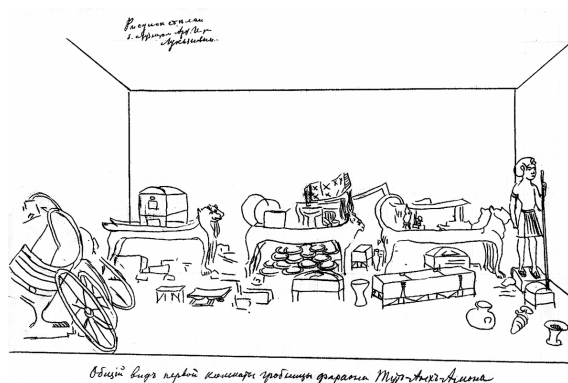
С восторгом описывая найденные сокровища, впоследствии приобретшие мировую известность, которые он увидел одним из первых, Г.И. Лукьянов излагал свое видение их исторической значимости и художественных особенностей. Он особо останавливался на реалистичном характере многих художественных изделий. «Я говорю свободы искусства, так как на всех вещах гробницы чувствуется влияние Тель-ель-Амарны, эпохи фараона Аахнатона, когда искусство отошло от своих вековых канонов и свободно стало передавать жизнь». С этой точки зрения его привлекли изображения на одном из ларцов «с фигурами идущих фараона и его супруги, и опять перед нами свободные движения и позы эпохи Аахнатона». Многие из предположений Г.И. Лукьянова нашли подтверждения в более поздних исследованиях его коллег¹⁰.

К сожалению, письмо сохранилось не полностью. Оно обрывается на полуслове. Помимо гробницы фараона Тутанхамона Г.И. Лукьянов, «потрясенный всем виденным», описывал и свое посещение гробницы № 40 сановника эпохи Тутанхамона – Хуи, на стенах которой имелись изображения фараона. Но эта часть письма утрачена.

К тексту письма приложены рисунок и фотография. Рисунок на простом листе, с надписью карандашом по нижнему полю: «Общий вид первой комнаты гробницы фа-

раона Тут-Анх-Амона». Как и сам текст, рисунок – это копия, выполненная под копирку. Вверху листа чернильная помета: «Рисунок выполнен б. студентом Арх. Инта Лукьяновым».

Г.И. Лукьянов не мог выполнить этот рисунок с натуры, так как к моменту его приезда первая комната уже была полностью освобождена от вещей. По всей видимости, ему было позволено скопировать один из рисунков, выполненных художниками экспедиции.

Не мог Г.И. Лукьянов и присутствовать при выносе предметов из помещения гробницы, которое закончилось 27 декабря 1922 г.¹¹ Стало быть, присланная им фотография – также подарок русскому ученому от членов экспедиции Г. Картера. На обратной стороне фотографии надпись карандашом: «Вход в гробницу фараона Тут-Анх-Амона. Вынос части ложа фараона с головами коровы – богини Хатгор».

То, что Г.И. Лукьянову позволили скопировать рабочие рисунки экспедиции Г. Картера и предоставили фотографии процесса исследований гробницы, подтверждает высказанное выше утверждение, что русский ученый был известной фигурой в многонациональном сообществе археологов, работавших в Египте в те годы.

Текст письма Г.И. Лукьянова приводится полностью, без изменений, по правилам современной орфографии и пунктуации, с сохранением характерных для автора оборотов и написаний имен.

«Впечатления от посещения гробницы фараона Тут-Анх-Амона в Фивах.

Получив 23-го февраля телеграмму из Луксора с разрешением мне осмотреть гробницу фараона Тут-Анх-Амона, я покинул немедленно Каир, так как были уже получены достоверные сведения, что гробницу через день-два снова зароют до следующей зимы из-за невозможности работать во время наступившей жары.

По приезде в Луксор, не теряя времени, через час я был уже на другом берегу Нила, направляясь в долину смерти “Бибан-эль-Мулюк”, где расположено большинство гробниц фараонов фиванского периода, т.е. от XVIII до XX династий, и где была найдена в ноябре прошлого года доктором Гарвардского университета Картер[ом]¹² гроб-

ница фараона Тут-Анх-Амона, XVIII династии за 1350 л[ет] до Рожд[ества] Хр[истова]. Успех находки неразграбленной гробницы фараона увенчал собою долгую и неблагодарную работу док[тора] Г. Картер[а], годами упорно обнажавшего до материка то место раскопок в долине царей, которое было отведено лорду Карнарвон[у]¹³ по договору с Египетским правительством.

Конечно, и бессистемные, хотя и многочисленные зондирования почвы в различных местах долины царей для обнаружения царских гробниц, что применяли раньше ученые Морган¹⁴ и Лоре¹⁵, давали иногда обильные результаты, но они никогда не давали уверенности, что больше ничего не будет найдено в тех же местах раскопок. Поэтому, следуя плану, разработанному ученым Масперо¹⁶, американец Теодор Девис¹⁷, получив концессию на раскопки в долине царей, приступил к систематическому обследованию ее, обнажая до материка шаг за шагом все склоны долины. За годы своих раскопок с 1903 по 1912 [г.] Теодор Дэвис нашел гробницы фараонов Тутмеса IV, Сипта, Меренпта, Хoremхеба, царицы Хаттеспсу, несколько могил частных лиц. Особенно замечательна была его находка в 1905 году почти нетронутой гробницы Juia и Muia, родителей царицы Mia, жены фараона Аменхотепа III. Результаты раскопок Т. Дэвиса были так велики и важны, что всем стало очевидно, что другого метода работать не может и быть.

И лорд Карнарвон, и его помощник и руководитель раскопок Г. Картер, конечно, пошли по тому же научному пути работ, но долгие годы на их долю выпадали одни только тернии. Очистка места раскопок до материка требовала огромного труда и затрат, а результаты были ничтожными. В прошлом году, когда я после большого промежутка в 14 лет посетил во второй раз долину царей, то при виде новой огромной ямы, которая почти пересекала дорогу, я невольно спросил своего спутника-француза, причастного, до известной степени, к археологии, что же это такое за раскопки, и получил довольно пренебрежительный ответ: «А

это все Г. Картер до чего-то все стремится докопаться!» А эта-то глубокая яма и скрывала в себе ход в гробницу фараона Тут-Анх-Амона. Даже сам лорд Карнарвон при виде бесплодности своих попыток провел черту, до которой можно было продолжать раскопки, и хвала и честь Г. Картер[у], что он сумел настоять на продолжении работ, так как в двух метрах за роковой чертой был обнаружен вход в гробницу фараона Тут-Анх-Амона.

Над самой гробницей фараона Тут-Анх-Амона нависла огромная гробница (№ 9) фараона Рамзеса VI, и нельзя не отметить, что сбросы земли при раскопке этой лежащей сверху гробницы Рамзеса VI, возможно, основательно засыпали и сохранили до нашего времени неразграбленной нижнюю гробницу фараона Тут-Анх-Амона.

Спустившись по крутому спуску в самый низ огромной ямы, я удачно встретил там доктора Говарда Картера, который любезно предложил мне немедленно же спуститься для осмотра в гробницу и затем также дал мне специальный пропуск в гробницу фараона Сети II, где помещаются все вынутые из найденной гробницы вещи. Доступ в гробницу Сети II крайне затруднен, и мне доставило большую радость это любезное разрешение, дан[ное] Г. Картер[ом].

Спуск в гробницу начинается вниз ямы открытой каменной лестницей, ступеней в двадцать, за которой идет далее высеченный в горе уже крытый короткий сход, приводящий в первую комнату гробницы. Эта комната имеет размеры в глубину метров около 5, в ширину 8–10 метров, в высоту метра 4. Стены ее не имеют росписи. Комната эта в момент открытия гробницы была полна всевозможными предметами царского обихода и домашней утвари, как это можно видеть из рисунка, сделанного в то время английским художником Кар[ом]¹⁸. В настоящее время комната почти пуста, только на правой стороне от входа стоят две большие деревянные статуи фараона Тут-Анх-Атона. Статуи в рост человека, дерево статуй покрыто тонким слоем черного смолистого вещества. Одевание,

состоящее из короткого передника и сандалий, вызолочено. От жары, проникающей через дверь снаружи, смола потекла капельками по переднику. Фараон представлен идущим; в его левой руке длинный посох, конец коего – интересная подробность, опущен за подставку статуи и ниже уровня ног, на голове фараона вызолоченная каска с уреем спереди. Вторая статуя подобна во всем первой, только на голове ее каска другой формы «клафт». Обе статуи, как стражи, стоят у входа во внутренние комнаты, который был найден в момент открытия заложённым цементированной стеной, покрытой рядом печатей картушей с именем фараона Тут-Анх-Амона и его именем, данным ему при короновании Хеперу-Неб-Ра. Подобный же ряд печатей- картушей покрывает противоположную ко входу стену в левой ее части на высоте одного метра от пола. За этими печатями обнаружен был вход в тайник, который оказался переполненным, так же как и первая комната, предметами царского обихода – вазами, колесницами, стульями и проч. Вещей из этого тайника решили не вынимать до будущей зимы, и я нашел уже вход в этот тайник заложённым деревянным щитом. За отверстием, которое было вскрыто докт[ором] Г. Картер[ом] 17 февраля с.г., открывается непосредственно комната, в которой помещается саркофаг фараона. Вся комната очень невелика, ее размеры: в длину около 5 метров, в ширину 6 метров и высоту около 5 метров, пол этой комнаты ниже на полметра пола первой комнаты. Стены этой комнаты покрыты иероглифическими религиозными текстами и рисунками ритуала погребения. Саркофаг заполняет собою почти всю комнату. Размеры его огромны: длина 5½ метра, ширина 4 метра и высота 3 метра. Вокруг саркофага остается настолько узкий проход, что не все из посетивших гробницу лиц могли его преодолеть.

Несомненно, саркофаг собирался на месте в самой гробнице. Саркофаг деревянный, из кедра, позолочен по тонкому слою штукатурки, посередине поясом идут овалы из голубого фаянса. Наверху, на боковой

части саркофага, изображена огромная змея. Дверь в саркофаг расположена в узкой его части, в правой стороне от входа в комнату. За этой дверью внутри был обнаружен другой саркофаг, покрытый черной материей с золотыми украшениями. Дверь у второго саркофага была найдена запечатанной и доселе не открыта. План гробницы фараона Рамзеса IV, нарисованный на одном из Туринских папирусов, изображает комнату с саркофагами фараона, причем по чертежу видно, что мумия фараона помещена внутри пятого по счету саркофага. Возможно поэтому предположить, что и в гробнице Тут-Анх-Амона окажется больше двух саркофагов.

Между первым и вторым саркофагом были найдены алебастровые вазы тончайшей работы с ручками в виде иероглифического знака бесконечности heh человека, держащего в приподнятых кверху руках ключ жизни anh и картуш с именем коронования Хеперу-Неб-Ра, т.е. Тут-Анх-Амона. Изящная ваза в виде пяти кувшинок-чаш на одном стебле также из алебаstra, утка из дерева, глиняная амфора, кости животных. Эти вещи, уложенные в ящики, находились в первой комнате гробницы. Интересно отметить номера на них 175, 176, 177, столько предметов из гробницы перешло уже в гробницу Сети III!

Против двери в саркофаг открывается вход в небольшой второй тайник, весь заполненный предметами заупокойного культа и статуями. Здесь имеется большая статуя бога Анубиса в виде шакала, большой позолоченный наос, несколько закрытых ларцов, модели колесниц и пр. вещи. Эта комната также останется нетронутой до будущей зимы.

Как можно видеть из описания гробницы и плана ее, она резко отличается по своему типу от обычных гробниц фараонов, для которых неизбежной принадлежностью является длинный, иногда до 100 метров, коридор с рядами комнат и лестницей, ведущей в комнату с саркофагом фараона. В настоящем ее виде она скромнее многих гробниц частных лиц в Фиванском некрополе.

Можно предположить, конечно, что фараона Тут-Анх-Амона, после его короткого царствования (около 6 лет), погребли во временной гробнице, и в ней он так и остался до наших дней, или что его преемник нарочно положил его не в приготовленную самим фараоном Тут-Анх-Амоном гробницу, а в другую, хотя надписи и картуши в комнате с саркофагом говорят о фараоне Тут-Анх-Амоне. На мысль, что возможна еще другая гробница Тут-Анх-Амона, наводит найденная Теодором Дэвисом гробница неизвестного фараона, в которой был обнаружен ряд вещей с картушами фараона Тут-Анх-Амона. Но говорить что-либо определенное можно будет только после полного обследования всей гробницы. Ведь не исключена возможность, что Г. Картер нашел боковой (рабочий) вход в гробницу, ведущий непосредственно в центр гробницы, и существует, возможно, еще ход, более длинный и более обычный для гробниц фараонов.

Вторая совершенно отдельная задача моей поездки была осмотреть в гробнице фараона Сети II вещей, вынутых из первой комнаты гробницы Тут-Анх-Амона. Туда постепенно были перенесены все вещи для реставрации, сборки и приготовления к отправке их в Каирский музей. Как я уже сказал, доступ в эту гробницу крайне затруднен. Несмотря на предварительное разрешение мне на осмотр гробницы, только личные письма г. Картера и г. Люкаса¹⁹ заведующему реставрацией и письму от директора службы древностей г. Лако (Lacau)²⁰ (так в документе. – А.С.), я имел возможность в полной мере достаточно долго осматривать и любоваться теми сокровищами египетского искусства и быта, которые вышли на свет после трехтысячелетнего пребывания в тесном помещении гробницы.

И все, что доселе давало нам возможность предполагать о высоте искусства этой эпохи: фрески гробницы сановника фараона Тут-Анх-Амона, Хуи, вещи из гробницы неизвестного фараона, найденной в 1907 году Теодором Дэвисом, все это является только слабым отражением той мощи, высоты и свободы искусства, которую являют найден-

ные вещи. Я говорю свободы искусства, так как на всех вещах гробницы Тут-Анх-Амона чувствуется влияние Тель-ель-Амарны, эпохи фараона Аахнатона, когда искусство отошло от своих вековых канонов и свободно стало передавать жизнь.

Пройдя мимо стражи, охраняющей строго вход в гробницу Сети II, я, выйдя за порог гробницы, очутился в настоящей химической лаборатории. На широких столах у входа разбираются принесенные вещи.

Весь длинный коридор гробницы и даже первая комната ее заняты установленными в ряд по бокам коридора вещами. Помощник г. Люкаса, г. Ме[й]с²¹, собирал при мне бесподобное по богатству красок ожерелье фараона, вернее связь ожерелий с пекторалью (род сообразного образца) посередине. На ней изображен фараон Тут-Анх-Амон перед богом Амоном, позади фараона бог Гор и богиня в короне Верхнего Египта. Я не успел прочесть ее имени. Все фигуры выложены из цветных камней и слоновой кости. Часть ожерелья была найдена в различных ящиках и на полу гробницы. Венцом всех вещей является трон, подлинный трон фараона. На передней спинке трона изображен фараон Тут-Анх-Амон и его жена, сидящими в свободной позе (фараон как бы покачивается на троне). Над супругами лучи озаряющего их солнца, на конце каждого луча человеческая рука. Отличный сюжет эпохи Тель-ель-Амарны. Но наряду с именем Атона (на задней стороне спинки трона) на передней стороне спинки можно прочесть имя бога Амона. Все фигуры сделаны из мозаики камней, напр., лица из красного камня, парики из голубого, фон изображений золотой. Тонкость работы превосходит все известное доселе. Ножки в виде львиных ног покрыты толстым листовым золотом. Между ножек были поставлены иероглифические знаки sema соединения двух земель Египта. Но – интересная подробность, на троне и на всех вещах цветы лотоса и папируса у этого знака отломаны. Значение этого факта пока туманно. Рядом с троном стоит небольшой ящик, позолоченный, с фигурами идущих фараона и его суп-

руги, и опять перед нами свободные движения и позы эпохи Аахнатона. На столе лежат, среди прочих мелких вещей, две перчатки, одна с пятью пальцами из тончайшего льна. Способ кройки перчатки совсем тождественен современному. Другая перчатка длинная, почти по локоть, у нее три отдельных пальца, для большого, для указательного и для трех последних пальцев вместе. Г. Люкас показал мне кусок одежды фараона. Это толстая материя сверху голубого цвета с золотой бляхой. Интересен ларец с крышкой, на которой изображена сцена царской охоты на колеснице на львов и газелей. Из ларцов, стоящих в лаборатории-гробнице, вскрыты далеко не все. Из одного ларца вынута и лежит рядом великолепная деревянная статуя (40 см высотой) ответчика «ушебти» с обычной формулой на груди. На крышке у одного ларца иератическая надпись, где можно прочесть слово «волосы», определенное иероглифическим знаком материи. Ящик не вскрыт, и неизвестно, включает ли он локоны или пелены фараона. Деревянная постель, в спинке ее, у изголовья, ряд резных и позолоченных фигурок бога Теса, на сетке этой постели лежит, как была найдена, целая коллекция тростей и луков фараона. Особенно замечательны здесь несколько тростей с фигурами пленных врагов в виде ручек. С большой экспрессией и реализмом выделаны фигуры пленных сирийца, семита, эфиопа и т.д. В длинном ящике уложены стрелы к лукам фараона, причем у некоторых стрел обломаны бронзовые острия. Три огромных вызолоченных лежа с фигурами львов, коровы с диском между рогами – богини Хатгор. Интересно отметить, что морды львов чрезвычайно схожи с мордами львов, найденных Теодором Дэвисом в гробнице фараона Хоремхеба. Бюст фараона Тут-Анх-Амона привлекает к себе как оригинальной трактовкой, так и исключительной экспрессией выражения лица. Он из дерева, без рук, на голове корона особой формы, похожая на корону Нижнего Египта. По манере обработки голова бюста сильно напоминает голову статуи жены фараона Аахнатона Берлинско-

го музея. На столе стоит несколько впервые найденных ламп-подсвечников в виде бронзового ключа жизни с руками, держащими узкий вызолоченный стаканчик для масла, в который опущена толстая свечильня из ниток льна. Аналогичный предмет в виде ключа жизни, стоящего за тронном фараона с руками, держащими опахало, я вспоминаю на куске из гробницы неизвестного фараона, найденном Т. Дэвис[ом]. Целая коллекция всевозможных стульев и табуретов. Есть один садовый, плетеный, подобный совершенно современным, только со спинкой, заклеенной листьями папируса. Особенно интересен низкий табурет, перекрещивающиеся ножки его из черного дерева и слоновой кости представляют [собой] головки лебедей, а верхняя доска из черного дерева со вставками слоновой кости дает подражание фигуре пантеры. Некоторые ларцы, еще не вскрытые, носят на крышках иероглифические надписи. В гробнице было найдено несколько папирусов особой формы, в виде отдельного листа, с завернутыми краями и скрепленными печатью фараона. Мне передавали, что текст одного папируса дает перечень вещей, находящихся в гробнице. Колесница фараона, вызолоченная, с кузовом, инкрустированным разноцветными камнями, с кожаными вызолоченными тяжами и дышлом.

Настоящая, подлинная колесница фараона, как и большинство, впрочем, вещей в гробнице. Дивные вазы из алебаstra в виде иероглифического знака sema – соединения двух земель Египта. Тончайшей резной работы, какую только можно представить. Я уже сказал, что вещей занумерованных я видел 177, но большинство ящиков еще не вскрыто. С вещами комнаты с саркофагом и двух тайников гробницы число их, наверное, превысит 500. Сказочные, обогащающие историю, науку и искусство, сокровища.

Точно приподнимаешь завесу трех тысячелетий, чтобы увидеть лучшие образцы искусства и культуры интереснейшей эпохи Нового Царства – XVIII династии. Впечатление незабываемое.

И какая почва для исследований.

Потрясенный всем виденным в гробнице Тут-Анх-Амона и среди вынутых из нее вещей, я решил, под свежим впечатлением пережитого, перевалить через гору и на другом ее склоне в Курнет Мурей осмотреть гробницу № 40 сановника эпохи Тут-Анх-Амона, Хуи. Фрески этой гробницы изображают фараона Тут-Анх-Амона...»

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 434. Оп. 1. Карт. 8. Д. 16. Л. 1–11. Рис. – л. 12, фото – л. 13.

Примечания

¹ Биографические сведения о Г.И. Лукьянове см.: *Беляков В.В.* Российский некрополь в Египте. М., 2001. С. 24; *Его же.* «К берегам священным Нила...» Русские в Египте. М., 2003. С. 220–222; *Его же.* Роль гуманитарных связей в межкультурном взаимодействии России и Египта (конец XIX – середина XX века). Дисс. докт. ист. наук. М., 2007. С. 237–239. Автор благодарен В.В. Белякову за предоставленную возможность ознакомиться с неопубликованными материалами, касающимися жизни Г.И. Лукьянова.

² Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 376. Оп. 1. Д. 2315. Л. 7–15.

³ Там же. Д. 1279. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 2315. Л. 13.

⁵ Там же. Л. 5.

⁶ И.Я. Билибин в Египте. 1920–1925. Письма, документы и материалы / Сост. В.В. Беляков. М., 2009. С. 164.

⁷ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 434. Оп. 1. Карт. 8. Д. 16. Л. 1–13.

⁸ *Картер Г.* Гробница Тутанхамона. М., 1959. С. 121.

⁹ Там же. С. 87, 98.

¹⁰ *Кацнельсон И.С.* Тутанхамон и его время // *Картер Г.* Гробница Тутанхамона. С. 19–22.

¹¹ *Картер Г.* Указ. соч. С. 87.

¹² Картер Говард (Carter Howard) (1874–1939) – английский археолог. В возрасте 17 лет вступил в Британскую организацию археологических исследований Египта. Принял участие в ряде археологических экспедиций в Египте, в том числе под руководством известного египтолога

Уильяма Флиндерса Петри; в 1893–1899 гг. исследовал Джесер Джесеру – поминальный храм XV в. до н. э.; в 1899–1905 гг. работал генеральным инспектором Египетского отдела древностей; в 1906 г. познакомился с лордом Карнарвоном, и в 1914 г. они приступили к совместным раскопкам в Долине царей, приведшим в 1922 г. к открытию гробницы фараона Тутанхамона.

¹³ Карнарвон – полное имя Джордж Эдвард Стэнхоуп Молине Герберт, пятый граф Карнарвон (George Edward Stanhope Molyneux Herbert, 5th Earl of Carnarvon) (1866–1923) – английский аристократ и археолог-любитель. Окончил Тринити-колледж Кембриджского университета, с молодости увлекался коллекционированием древностей. В 1914 г. получил концессию на работы в Долине царей; скончался от воспаления легких в Каире.

¹⁴ Морган Жак Жан Мари (Morgan Jacques Jean Marie) (1857–1924) – французский археолог. В 1886–1889 гг. вел раскопки на Кавказе и в Северной Персии; в 1892–1897 гг. – директор Службы древностей Египта, считается основоположником изучения додинастической эпохи и ранних династий; в 1897 г. начал раскопки на акрополе Суз, где обнаружил кодекс Хаммурапи, эламские надписи и др.; в 1907 г. в Тунисе выделил капсийскую культуру.

¹⁵ Лоре Виктор (Loret Victor) (1859–1946) – французский археолог. Приехал в Египет в 1881 г. как ассистент Гастона Масперо; с 1897 по 1899 г. возглавлял египетскую Службу древностей; в 1897 г. начал работы в Саккаре, где обнаружил погребения цариц Ипут I и Хуит, гробницы эпохи Древнего и Нового царства; в 1898 г. в Долине царей обнаружил гробницы Тутмоса III и Аменхотепа II.

¹⁶ Масперо Гастон Камиль Шарль (Maspero Gaston Camille Charles) (1846–1916) – французский археолог. Окончил Высший педагогический институт, в 1867–1869 гг. изучал древние языки в Южной Америке; по возвращении во Францию полностью отдался египтологии. В 1880 г. по поручению французского правительства основал в Египте Археологический институт, с 1881 г., после смерти О.Ф. Мариетта, возглавлял созданный последним Египетский музей.

¹⁷ Дэвис Теодор (Davis Theodore) (1837–1915) – американский юрист и предприниматель. Увлёкся египтологией. В 1912 г. добился концессии на право раскопок в Долине царей, где финансируемая им экспедиция работала двенадцать лет

под руководством Говарда Картера, Артура Вейгалла, Эдварда Айртона. В 1903 г. Г. Картер обнаружил гробницу Тутмоса IV, в 1905 г. А. Вейгалл нашел гробницу родителей царицы Ти — Иуйи и Туйи, в 1907 г. Э. Айртон обнаружил тайник, в котором хранились останки членов семьи Эхнатона. Во время работ исследователям неоднократно попадались предметы с именем Тутанхамона, что позволило предположить, что его гробница была ограблена еще в древности. По окончании работ в Долине царей в 1912 г. Т. Дэвис утверждал, что эта территория в археологическом отношении исчерпана.

¹⁸ Личность установить не удалось. По свидетельствам Г. Картера, в его экспедиции работали два художника — Холл и Хаузер.

¹⁹ Лукас Альфред (Lucas Alfred) (1867–1945) — британский химик и консерватор. Сотрудничал со Службой древностей Египта в 1923–1932 гг.; девять сезонов проработал с Г. Картером, занимаясь консервацией находок.

²⁰ Лако Пьер (Lacau Pierre) (1873–1963) — французский археолог. В 1912 г. назначен директором французского Института Восточной Африки, в 1914–1936 гг. генеральный директор Службы древностей Египта, в 1938–1947 профессор Collège de France, в 1939 г. избран в Академию надписей и изящной словесности.

²¹ Мэйс Артур Краттенден (Mace Arthur Crutenden) (1874–1928) — английский египтолог. Впервые прибыл в Египет в 1897 г., работал в экспедиции своего дальнего родственника М. Петри. В 1906 г. поступил на службу в музей Метрополитен, став куратором отделения египетского искусства; в 1912–1914 гг. возобновил свои исследования в Египте; в годы Первой мировой войны был призван в армию, после окончания войны вернулся в Египет. В 1922 г. по поручению музея Метрополитен принял участие в раскопках Г. Картера; по состоянию здоровья оставил Египет в 1924 г. и последние четыре года жизни провел в Англии.

В.В. Беляков

О РОДИНЕ И О СУДЬБЕ

Литературное творчество русских эмигрантов в Египте

Среди представителей российской белоэмигрантской диаспоры в Египте не было профессиональных литераторов. Но потребность в самовыражении в условиях вынужденной эмиграции, да еще в Африке, толкала некоторых ее представителей к литературному творчеству. Журнал «На чужбине», издававшийся в 1921–1922 годах в лагере русских беженцев в Сиди Бишр под Александрией, изобилует стихами. Сквозные темы – тоска по родине и собственная горькая судьба. Вот пример:

Далекой родины мне вспомнилась зима:
Веселый смех на улицах столицы,
Пылающий камин, и на стекле окна
Причудливый узор – каприз Зимы-царицы.
Далекой родины мне вспомнился
простор.

И снегом девственным занесенное поле,
Деревня сонная, высокий темный бор,
И звон бубенчиков, и тройки бег на воле.

Мне вспомнился на родине моей
Семейный тесный круг, уют родного
крова,
Весь в звездах небосклон, и городских
церквей
Призывный благовест в ночь Рождества
Христова.

Какая ночь теперь в стенах Кремля
Москвы?..

Ах, если бы туда я мог вернуться снова!..
Но мне на родину возврата нет, увы,
Мне не молиться там в ночь Рождества
Христова.
Ф. Щербинин¹.

А вот несколько иное стихотворение из того же номера журнала. Оно – о горьком диссонансе положения изгнанника и окружающей его природы.

Ночью. Стихотворение Г.З. Денисова

Свет луны и звезд мерцанье.
Стройных пальм ряды.
Ночи дивное дыханье –
Рощи и сады.
Тишина во всей природе –
Мил, прекрасен свет.
И не верится невзгоде
И в возможность бед...

Но печаль и испытанья
Всюду в этот час.
И напрасны упования –
Не утешить нас.
Долго будем знать волненья
Мы в груди своей
И болеть, из сожаленья
За судьбу людей.

Тяжело в цепях недуга
Жить в чужом краю:
Без участия брата, друга
Строить жизнь свою...
Тяжело... А в небе ясном
Тот же яркий свет
И вокруг все так прекрасно,
Будто скорби нет.

Ноябрь 1921 г. Сиди Бишр, Египет².

Если в журнале «На чужбине» стихи соседствовали с проблемными статьями и хроникой жизни в Сиди Бишр, то другое подобное издание, «Донец на чужбине», было полностью посвящено литературному творчеству. Этот рукописный журнал издавался в 1921–1922 гг. в лагере Донского кадетского корпуса, располагавшемся неподалеку от Исмании. Так, в № 3, кроме стихов, вошли рассказы «Канун Рождества», «Как просто», «Егорушка. Сказка наших дней». Приведем отрывок из стихотворения «На чужбине»:

Предка русского поэта
Средь опал и ков дворца.
В глушь Сибири сына Нила
Гнал Бирон, но дочь Петра
Ганнибала возвратила
К блеску юного двора.
Так для новых поколений
Подготовлен был Петром
Величайший русский гений,
Сходный с пылким праотцом.
Иль, в дверях иного света,
Прозревал наш царь-пророк
В нем для правнука-поэта
Новых дум и чувств исток?
Иль, прощаясь с властью царской,
Знал, что древний русский род
Дважды мощь крови боярской
С пылом Африки сольет,
Чтобы внук богоподобный,
Душ российских властелин,
Всюду свой, с душой незлобной,
Стал вселенский гражданин?⁹

Завершает первую тетрадь сборника стихотворение «Собрату»:

До сердца вести долетали,
Что ты певцу страны моей,
Нам завещавшему скрижали,
Возводишь вечный мавзолей.
Среди чужих по воле рока,
Давно душою одинок,
На гроб святой певца-пророка
И я в изгнание плел венок.
Молю тебя, друг долгожданный,
Прими в твой памятник сей дар:
Хранит венок благоуханный
И влагу слез, и песен жар.
Услышав зов мой издалика,
Собрату руку протяни
И в пышный мавзолей пророка
Венок мой скромный прислони¹⁰.

Вторая тетрадь сборника называется «Пролетные птицы. Раздумья». В нее вошли разнообразные стихи, в том числе сонеты памяти Лермонтова, Достоевского, Некрасова, Короленко. Вот одно из таких раздумий, которое Умов назвал «У бездны».

Играя с песком на побережье морском,
Мой мальчик смеется так звонко,
А волны шумят и в набеге своем
Смывают постройки ребенка.
В усадьбах отцы воздвигали дворцы,
Но всхлынула грозная сила,
Волной взволновала России концы
И предков гнездо разорила.
Опять возведем мы с любовью наш дом
До бурь, до грядущих волнений.
Мы – дети – у бездны играем с песком
Под всплески людских поколений¹¹.

Третья тетрадь сборника называется «Жертва. Образы русских женщин». Открывается она стихотворением «Жена декабриста». Одно стихотворение, «Умиравший лебедь», имеет подзаголовок – «Анна Павлова». Вполне возможно, что Умов был знаком с великой балериной, поскольку она дважды, в 1923 и 1928 г., гастролировала в Египте, в том числе выступала и в Александрии¹². Во всяком случае, Иван Павлович с его музыкальным образованием и материальным достатком наверняка не пропустил спектакли Павловой.

О, лебедь! Лебедь мой усталый!
Больной, с надломленным крылом,
Ты, от родных станиц отсталый,
Приемлешь смерть в краю чужом.
Еще, красу воспринимая,
Ты славишь блеск чужой земли,
Но не забыл родного мая,
Весны, манящей издали.
И на горячих мелях Нила
Все помнишь ты лесной затон,
Где верба ветви наклонила,
Где лес дождями напоен.
В изгнании тихо умирая,
Ты бьешь надломленным крылом,
Поешь красу чужого края,
А втайне плачешь о былом¹³.

Особенно обращает на себя внимание стихотворение «Героиням Сталинграда», исполненное патристического пафоса. О великой битве на Волге Умов, конечно, знал, о ней рассказывала египетская печать. А вскоре по-

сле установления дипломатических отношений между СССР и Египтом в августе 1943 г. в стране на Ниле стала набирать силу кампания солидарности с советским народом. 15 мая 1944 г. показом документального фильма «Сталинград» в каирском кинотеатре «Опера» начался сбор средств на одежду и обувь для сирот Сталинграда. На просмотре фильма присутствовал весь цвет египетской политической элиты во главе с королем Фаруком¹⁴. Скорее всего, этот документальный фильм показывали и в Александрии, где жил Умов.

Героиням Сталинграда

Вы – преемницы мучениц, жен
декабристов.
И сестер, что видали Малахов курган,
Тех подвижниц, что помнили Шипку
и Систов,
Тех, окрасивших кровью своей Гаолян.
Там, в оврагах, где крут хмурый берег
нагорный,
Там, где солью сверкает за Волгой
Эльтон,
Вы зарыты с запекшейся раною черной,
И приволжские ветры лелеют ваш сон.
Сестры, сестры! Вам снится ль пожар
Сталинграда,
Русь в слезах и крови у последней
черты,
Где, под громы и вопли крошечного ада,
Вы без слез сожигали девичьи мечты?
К вам, безвестным и юным, пришедшим
на Волгу,
Чтобы жизнь положить за
собратьев-солдат,
К вашим теням взываем и плачем
подолгу,
Души вновь обновляя среди жизни
утрат.
Как ничтожно-бедны тусклых дней
треволнения
Перед пламенем чистым возженных
сердец!
И всевластно влечет мощных душ
притяжение
В высь, где славой горит женской
жертвы венец¹⁵.

Завершающая сборник четвертая тетрадь называется «Неизменный сон. Венок сонетов и стихи о России». В нее, кроме прочих произведений, вошел цикл «Двенадцать месяцев». О каждом из месяцев – свое стихотворение, причем опять-таки о России, а не о Египте. Этот цикл перекликается с фортепианным циклом П.И. Чайковского «Времена года», написанным в 1876 г., хотя названия произведений, посвященных одному и тому же месяцу, не совпадают. Наверняка Умов не только хорошо знал пьесы этого цикла, но и сам исполнял их. Заканчивает же тетрадь и весь сборник следующий сонет:

Неизменный сон

Все тот же сон – далекая Россия!
К тебе одной летит моя мечта,
Влечет твоя родная красота,
Зовут поля, твои леса глухие,
И серых дней напевы дождевые,
И вечеров осенних долгота,
Унылых рощ багрец и пестрота –
И зимние сугробы снеговые!
Я вновь живу среди отроческих грез,
Вновь чувствую, что мир земной
не тесен...
Далекий звук знакомых с детства песен
Дарует мне поток неожиданных слез.
В чужой среде, где сердце холодеет,
Оно, в любви к отчизне, молодеет¹⁶.

И.П. Умов занимался также литературоведением и переводами. В журнале «Орион», вышедшем в начале 1922 г. в лагере русских беженцев в Сиди Бишр, он напечатал статью об арабском поэте XI века Абдул Аля аль-Маари, сопроводив ее русским переводом нескольких его стихов, а также статьи об арабской метрике и переводы стихов Омара Хайяма¹⁷.

У супругов Умовых было четверо детей – три сына и дочь. В 1955 г. судьба нанесла им два жестоких удара. Летом умер старший сын, Павел, а 17 сентября в возрасте 29 лет скончалась в результате несчастного случая дочь Екатерина. Это была талантли-

вая девушка – виолончелист, балерина, музыкальный критик. «Человек редкого обаяния, “Катя”, как звали ее друзья, была одной из самых известных и любимых фигур среди александрийской молодежи», – писала в некрологе каирская «Иджипшн газетт»¹⁸.

В память о Кате Умовой ее мать учредила в июне 1956 г. стипендию в танцевальном классе Александрийской консерватории для талантливого ребенка в возрасте от 6 до 13 лет. А отец посвятил дочери сборник стихов, опубликованный через три года после ее смерти¹⁹. Все стихи написаны по-французски: сборник был явно рассчитан на многочисленную европейскую общину Александрии, среди которой Катя Умова была хорошо известна. Кроме своих стихов Умов включил в сборник переводы на французский язык лирики Пушкина, Лермонтова, Алексея Толстого, Фета, Бунина, Бальмонта, Ахматовой. Возможно, переводы были сделаны самим Умовым. К сожалению, я не владею французским языком, и поэтому не могу познакомить читателей с содержанием этого сборника.

Некоторые русские иммигранты, повинаясь душевным порывам, писали стихи исключительно для себя, так сказать, «в стол». С творчеством одного из них, Ольги Ивановны Егоровой, урожденной Соболевой (Петербург, 7.2.1898 – Каир, 28.8.1955)²⁰, мы имеем возможность познакомиться. В 1950 г. она отпечатала свои стихи на машинке на папиросной бумаге в нескольких экземплярах, переплела их и подарила близким друзьям²¹. К сожалению, об авторе мне ничего не известно. Но, прочитав стихи, я пришел к выводу, что это была очень хорошая и не очень счастливая женщина. Приведу несколько коротких стихотворений из этого сборника.

Кто-то стукнул

Кто-то стукнул... показалось мне
в окне...
Наяву я это вижу, иль почудилось
во сне.
Ночь немая... звезд мерцанье...
тишина...

Я одна... одна с тоскою у окна...
Камп (лагерь) Сиди Бишр. 1922²².

Не могу

Почему и зачем в этом мире
Много слез всюду льется напрасно!
Не могу с этим я примириться,
Не могу я быть с этим согласна²³.

Мне кажется

Мне кажется, давно уж ночь темна.
Мне кажется, луны давно уже не видно.
И на душе такая пустота.
Так глупо жизнь прошла! И так
это обидно!²⁴

Из авторов прозаических произведений выделяется Анатолий Львович Марков (Курская губерния, 9.1.1894 – Сан-Франциско, 10.8.1961). В течение 30 лет, с 1922 по 1952 год, он служил в англо-египетской полиции в Александрии и параллельно сотрудничал с выходившими в Европе периодическими изданиями русских эмигрантов, подписывая свои статьи псевдонимом «Шарки» («Восточный»). Его воспоминания с небольшими сокращениями опубликованы в нашем журнале²⁵. Выйдя в отставку, Марков написал книгу «Родные гнезда». Она напечатана через год после его смерти, в США, куда Марков переехал в 1958 г.²⁶ Все вошедшие в книгу рассказы, кроме одного, представляют собой заметки-воспоминания о детстве и юности автора в России, о чем, собственно, говорит и само название сборника. Исключение составляет рассказ «Джерри», действие которого происходит в Александрии. Сам рассказ Марков предварил вступлением, характеризующим атмосферу русской эмиграции в Александрии в 1920-х годах.

Джерри История одной собаки

Если вы подберете голодную собаку, накормите ее и станете с ней хорошо обра-

щаться, то она вас не укусит. В этом и заключается существенная разница между человеком и псом (курсив автора. – В.Б.).

Гостеприимство русского беженца всегда прямо пропорционально его бедности. По мере накопления земных ценностей оно постепенно слабеет, чтобы, наконец, с приобретением материального благополучия исчезнуть совершенно. С этого момента человек перестает называться «беженцем» и становится «эмигрантом».

В двадцатых годах мне, одному из первых русских в Александрии, удалось устроиться, поступив на службу в полицию порта, что было соединено с постоянным заработком и некоторыми возможностями содействия землякам. По этому случаю наш дом вскоре превратился в караван-сарай для проезжающих через Египет русских. «Миграция» беженцев, как известно из истории русского зарубежья, в определенные годы была связана с определенными путями, по которым она двигалась, как сельдь у берегов Крыма.

В середине двадцатых годов одним из подобных трактов являлся Суэцкий канал, по которому на Восток и с Востока в Европу густо шел русский беженец, задерживаясь на более или менее короткий срок в Александрии. За эти три или четыре года кого только мы с женой не перевидали у себя на ласковом хлебе в качестве случайных и неожиданных гостей.

Были здесь стремившиеся в иностранные легионы и из этих легионов бежавшие; глоб-троттеры²⁷, пешком и на велосипедах; служившие в китайском флоте и парагвайской кавалерии; бежавшие из войск Кемалля²⁸ и Красной Армии; просто едущие в Южную Африку, Америку и Австралию; искавшие труда люди и от труда бегущие. Все они промелькнули и исчезли без следа, и часто даже заплатив злом за добро.

Теперь, когда морщины старости отметили на наших лицах место улыбок молодости, это кажется несколько обидным, но тогда, молодые и благожелательные ко всем, мы никакой благодарности и не искали. Когда, наконец, волны взбаламученного эмигрантского моря схлынули и пошли другими

путями, их место в доме заняли четвероногие»²⁹.

Вряд ли можно назвать А.Л. Маркова писателем в строгом смысле этого слова. Но его литературное творчество, часть из которого опубликована в современной России³⁰, несомненно, заслуживает нашего внимания и изучения.

Подводя итог краткому обзору, хочу еще раз отметить: творчество русских эмигрантов в Египте проникнуто тоской по утраченной родине, попытками осмысления своего незавидного положения изгнанников. Убежден, что по другому и быть не могло.

Примечания

¹ На чужбине. Январь 1922 г. С. 4. Экземпляр журнала хранится в архиве автора, его электронная копия – в Доме русского зарубежья им. А.И. Солженицына в Москве.

² Там же. С. 3.

³ Донец на чужбине. № 4. С. 5. Журнал хранится в библиотеке Государственного архива Российской Федерации.

⁴ В 1947 г., согласно очередной переписи населения, численность русских в Египте составляла 1174 человека. См.: Сулейман, Мухаммед Махмуд. Аль-аганиб фи маср (Иностранцы в Египте). Каир, 1996. С. 65.

⁵ Умов, Иван. Незримый гость. Стихи. Churaevka, Southbury, Conn., USA, 1949. С. 9–10. Книга хранится в Архиве русского зарубежья, Дом-музей Марины Цветаевой в Москве.

⁶ Там же. С. 153.

⁷ Там же. С. 17–31.

⁸ Беляков В. История одной фотографии. День русской культуры в Каире // Азия и Африка сегодня. 2008. № 7. С. 59–60.

⁹ Умов, Иван. Указ. соч. С. 33.

¹⁰ Там же. С. 37.

¹¹ Там же. С. 50.

¹² О гастролях Анны Павловой в Египте см.: Беляков В.В. Русский Египет. М., 2008. С. 210–219.

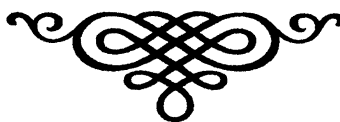
¹³ Умов, Иван. Указ. соч. С. 138.

¹⁴ Новиков Н.В. Пути и перепутья дипломата. М., 1976. С. 102.

¹⁵ Умов, Иван. Указ. соч. С. 148.

- ¹⁶ Там же. С. 194.
- ¹⁷ Недзельский, Евгений. Мемуары лагерей // Африка глазами эмигрантов. М., 2002. С. 126.
- ¹⁸ Oimov, Ivan. Offrande. Poemes. Alexandrie, 1958. Р. 6. Книгу подарила автору в 1990 г. проживающая в Александрии дочь русских эмигрантов Татьяна Николаевна Монти (Серикова), знавшая И.П. Умова. В 2013 г. книга была передана в Архив русского зарубежья, Дом-музей Марины Цветаевой.
- ¹⁹ Ibid.
- ²⁰ Беляков В.В. Российский некрополь в Египте. М., 2001. С. 18.
- ²¹ Сборник стихов О.И. Егоровой хранится в архиве автора, его подарила ему Т.Н. Монти.
- ²² Там же. Л. 12.
- ²³ Там же. Л. 51.
- ²⁴ Там же. Л. 53.
- ²⁵ Беляков В.В. На службе египетского короля. Из воспоминаний Анатолия Маркова // Восточный архив, 2011, № 1 (23). С. 68–78; окончание, 2011, № 2 (24). С. 69–75.
- ²⁶ Марков Анатолий (Шарки). Родные гнезда. Сан-Франциско, 1962. Книга хранится в Российской государственной библиотеке (Москва).
- ²⁷ Глоб-троттер (англ. globetrotter) – человек, путешествующий по свету; бродяга.
- ²⁸ Кемаль Ататюрк (1881–1938) – вождь национально-освободительной революции в Турции, первый президент Турецкой Республики (1923–1938).
- ²⁹ Марков Анатолий. Указ. соч. С. 216–217.
- ³⁰ Кроме публикации в «Восточном архиве», вышли отдельными изданиями в Москве работы А.Л. Маркова «В Ингушском конном полку» (1997) и «Кадеты и юнкера» (2007).

В.Г. Бухерт

В ЗАЩИТУ СОВЕТСКОЙ АРАБИСТИКИ

Письма В.Б. Луцкого Н.С. Хрущеву и А.М. Панкратовой. 1953 г.

Одним из крупнейших советских востоковедов по праву считается В.Б. Луцкий¹, создавший «советскую школу историков-арабистов, специалистов по новому и новейшему времени». Он сочетал «значительную по масштабам научную работу с плодотворной педагогической деятельностью»², которую вел в Московском государственном университете, где преподавал с 1936 г.

В.Б. Луцкий относился к той категории людей, которые «оказывают сильное нравственное воздействие на окружающих»³. Он был «фанатично предан науке» и, вместе с тем, был человеком «добрым и мягким»⁴. Лично знавшие В.Б. Луцкого отмечали его «прямоту, органически присущее чувство справедливости, щедрость, не знающую предела»⁵. И все это сочеталось с «удивительной скромностью, переходящей в застенчивость»⁶. Будучи человеком «большой души, исключительного обаяния», он «становился непримиримым, твердым и даже строгим, когда дело касалось отстаивания какого-либо серьезного научного принципа»⁷. О личном мужестве В.Б. Луцкого вспоминал Г.А. Нерсесов⁸, хорошо знавший его по работе в Институте Африки АН СССР⁹.

2 апреля 1953 г. В.Б. Луцкий был уволен из МГУ «за отсутствие научного роста» и за допущенные им «грубые политические ошибки» в подготовленной в качестве учебного пособия первой части «Новейшей истории стран зарубежного Востока». В заявлении на имя ректора МГУ И.Г. Петровского от 8 апреля В.Б. Луцкий опротестовал приказ об увольнении. Не получив ответа, 28 апреля он обратился к первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву и министру культуры П.К. Пономаренко.

В письме к Н.С. Хрущеву он просил огрadyть свои права как «советского гражда-

нина и научного работника», подвергнуть всю его работу «тщательной проверке» и расследовать предъявленные ему обвинения. В.Б. Луцкий просил Н.С. Хрущева дать указание об отмене приказа о его увольнении из МГУ, если результаты проверки покажут, что он «должен продолжать свою работу по строительству советской арабистики».

Целью письма к известному советскому историку А.М. Панкратовой от 9 мая 1953 г. было добиться с ее помощью приема у министра культуры СССР П.К. Пономаренко и министра высшего образования СССР В.Н. Столетова.

Подлинную причину своего увольнения В.Б. Луцкий усматривал не в обвинениях в свой адрес, которые квалифицировал как «надуманные». За этими обвинениями он видел кампанию, «которую проводят враги народа через своих вольных или невольных пособников – с целью помешать развитию имеющей оборонное значение отрасли советской востоковедной науки, изучающей новую и новейшую историю и современное положение арабских стран». В.Б. Луцкий заявлял, что ведётся целенаправленная дискредитация старых кадров, работающих в арабистике, а молодые и талантливые ученые не допускаются в эту отрасль науки, осуществляется «антигосударственная практика разбазаривания кадров арабистов, направления их на работу не по специальности, вошедшая в систему». Свое увольнение он рассматривал лишь как частный случай, один из ряда фактов подобного рода и выражал готовность передать «подробные материалы» по затронутой им проблеме лично Н.С. Хрущеву.

В письме к А.М. Панкратовой В.Б. Луцкий шел еще дальше, заявляя, что рассмат-

ривает свое изгнание из МГУ как проявление «осужденных партией и правительством рюминских тенденций», что это лишь один из случаев проявления «вошедшей в систему вредительской практики ликвидации кадров советских арабистов, направленной к ликвидации советской арабистики вообще».

Упоминание о «рюминских тенденциях» и, тем самым, о полковнике М.Д. Рюмине – начальнике Следственной части по особо важным делам МГБ СССР и одновременно заместителе министра С.Д. Игнатьева¹⁰ – примечательно. К тому времени М.Д. Рюмина уже арестовали, но об этом мало кому было известно, ведь даже ранее принятое постановление Совета министров СССР от 13 ноября 1952 г. о снятии М.Д. Рюмина со всех постов носило гриф «совершенно секретно»¹¹.

Вставая на защиту советской арабистики, В.Б. Луцкий и в письме Н.С. Хрущеву, и особенно в письме А.М. Панкратовой прибег к довольно рискованной аргументации. Обвинения представителей органов государственной безопасности в том, что, преследуя ученых – арабистов, они наносят ущерб обороноспособности страны, в апреле – мае 1953 г., да и позднее, могли обернуться для самого В.Б. Луцкого тяжёлыми последствиями. Однако он уцелел и даже позднее возобновил преподавание в МГУ.

Обращаясь к Н.С. Хрущеву, В.Б. Луцкий добивался не только восстановления справедливости в отношении себя и прекращения преследований коллег-арабистов. Он ставил вопрос о положении советской арабистики в целом, «о необходимости ликвидировать коренные недостатки, мешающие развитию этой отрасли науки», и это, как он сам писал, волновало его больше, чем собственная судьба. Произведенная в 1950 г. реорганизация Института востоковедения АН СССР, по мнению В.Б. Луцкого, не принесла ожидаемых результатов, и к осени 1952 г. выявилась острая необходимость поставить вопрос о положении советской арабистики перед ЦК КПСС.

Борьба далась В.Б. Луцкому нелегко. Будучи внешне не только привлекательным,

но и красивым, в 1950-е годы он превратился в преждевременно состарившегося, больного человека¹².

В сборнике памяти В.Б. Луцкого, изданном еще в 1966 г., Б.Г. Сейранян¹³ отмечал: «Научное наследие В.Б. Луцкого заслуживает создания научной биографии исследователя и опубликования полного списка его трудов»¹⁴. Двадцать с лишним лет спустя он повторил эти слова¹⁵. И по сей день востоковеды-арабисты не воздали В.Б. Луцкому должное в полной мере. Между тем долг перед ним определяется не только научными заслугами В.Б. Луцкого, но и той настойчивостью, самоотверженностью и бесстрашием, которые он проявлял в отстаивании интересов отечественной науки.

Публикуемые письма В.Б. Луцкого хранятся в Архиве Российской академии наук (РАН) в личном фонде А.М. Панкратовой (Ф. 697). Там же, в личном фонде В.Б. Луцкого (Ф. 1574), обнаружена записка Х.И. Кильберг, В.Б. Луцкого и Л.В. Симоновской о необходимости создания Института истории Востока, адресованная вице-президенту АН СССР, академику В.П. Волгину. О ней упоминается в письме В.Б. Луцкого А.М. Панкратовой, эта записка публикуется в качестве приложения к письмам.

№ 1. В.Б. Луцкий – Н.С. Хрущеву¹⁶

Секретарю Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза
товарищу Н.С. Хрущеву

Глубокоуважаемый Никита Сергеевич!

Обращаюсь к Вам с просьбой об ограждении моих прав советского гражданина и научного работника.

2 апреля с.г. я был уволен из Московского государственного университета «за отсутствие научного роста, за допущенные грубые политические ошибки в работе, представленной в качестве учебного пособия, и другие теоретические ошибки».

4 апреля мне был вручен приказ об увольнении. 8 апреля я обратился к ректору МГУ академику Петровскому¹⁷ с заявлением, в котором опротестовал этот приказ, но

до настоящего времени ответа не получил, что вынуждает меня обратиться к Вам.

Обвинение в «отсутствии научного роста» опровергается приложенным списком моих научных работ, наиболее крупные из которых написаны в последние годы. Кроме того, из года в год я работал над повышением идейно-политического и научного уровня курса истории арабских стран, который я читал на Историческом факультете МГУ; подготовил двух аспирантов, которые должны защищать диссертации в ближайшем будущем (не считая двух кандидатов наук, подготовленных мной еще до войны, и ряда кандидатов наук, пользовавшихся моими советами при работе над диссертациями); подготовил к печати сборник научных работ аспирантов и студентов, работавших под моим руководством¹⁸.

Обвинение в «грубых политических ошибках в работе, представленной в качестве учебного пособия» также не соответствует действительности. Речь идет об учебном пособии по истории стран Зарубежного Востока, которое подготавливается в настоящее время Историческим факультетом МГУ¹⁹. В этом пособии мне был поручен раздел, касающийся истории арабских стран в 1918–[19]53 гг.

Я представил на кафедру первую часть этой работы, относящуюся к 1918–[19]24 гг., где правильно разоблачил реакционную роль сионизма в арабских странах в указанный период.

Реакционную роль сионизма за пределами арабских стран и в период после второй мировой войны я предполагал разоблачить в последующих частях той же работы. При обсуждении этой первой части на кафедре 25 марта с.г. мне было указано, что учебное пособие будет выходить отдельными выпусками и поэтому данные вопросы требуется осветить уже в первой части. Я принял указание кафедры и согласился до представления работы в редакцию исправить этот недостаток в построении работы, в разбивке материала по ее частям. О том, что я мог справиться с этой задачей, свидетельствует ряд моих печатных работ и выступлений,

где дано разоблачение реакционной роли сионизма после второй мировой войны и за пределами арабских стран.

Однако я даже не успел переработать учебное пособие и представить его в редакцию, как на следующий же день, 26 марта, на общем собрании преподавателей и аспирантов Отделения Востока МГУ лица, заинтересованные в создании предлога для моего увольнения из МГУ, раздули этот недостаток в построении еще незаконченной работы до размеров «грубой политической ошибки», причем, в отличие от кафедры, критика этого первого варианта первой части работы велась здесь не с целью помочь автору исправить недостатки, а с целью ошельмовать и опорочить автора и создать искусственный предлог для его увольнения.

Что касается обвинения в «других теоретических ошибках», имеющих в других моих работах, то оно, по меньшей мере, является голословным и необоснованным. Ни на кафедре, ни на общем собрании, ни вообще где бы то ни было никто таких ошибок не вскрывал, они конкретно в приказе не указаны, и мне, да, по-видимому, и составителям приказа об увольнении они неизвестны.

Кроме того, приказ о моем увольнении содержит ряд других положений, не соответствующих действительности.

Мне кажется, что действительная причина моего увольнения из МГУ заключается не в надуманных обвинениях, указанных в приказе, а в той кампании, которую проводят враги народа через своих вольных или невольных пособников с целью помешать развитию имеющей оборонное значение отрасли советской востоковедной науки, изучающей новую и новейшую историю и современное положение арабских стран.

Средствами к достижению этой цели являются дискредитация и опорочение [так в тексте. – В.Б.] старых кадров, работающих в этой области, недопущение молодых талантливых людей в эту отрасль науки, антигосударственная практика разбазаривания кадров арабистов, направления их на работу не по специальности, вошедшая в систему.

Мое дело является лишь частным случаем, одним из ряда фактов подобного рода. Подробные материалы по этому поводу я могу представить Вам дополнительно.

Должен указать, что для лишения меня политического доверия используется тот факт, что в 1923–[19]24 гг., в 17-летнем возрасте, я совершил тяжелый грех перед моей Советской Родиной. Я был втянут в кружок сионистской молодежи, хотя сионистом никогда не был и сионистских идей никогда не разделял. В августе 1924 г. я был в административном порядке выслан на 3 года в Палестину. В феврале 1925 г. Советское правительство, учитывая мое искреннее раскаяние и юношеский возраст, разрешило мне досрочно вернуться на Родину и искупить честным трудом мою вину. С тех пор – в течение 27 лет – я работал в области советской арабистики и вел непримиримую борьбу с сионизмом, причем моя работа всегда получала со стороны советских людей положительную оценку.

В 1949 г. лица, заинтересованные в моем устранении от работы в советской арабистике, использовали мой юношеский грех, чтобы поставить вопрос о моем увольнении из МГУ. Я обратился тогда в ЦК Коммунистической партии с просьбой о проверке моей работы, и из ЦК дано указание о том, что моя работа свидетельствует в мою пользу и что я должен быть оставлен на ней.

Учитывая этот опыт, лица, заинтересованные в моем увольнении, теперь попытались опорочить мою работу.

Увольнение меня из МГУ лишает меня права на труд, явившийся делом всей моей сознательной жизни. За 27 лет в советской арабистике я разработал и поставил не читавшийся до тех пор в советских вузах курс новой и новейшей истории арабских стран; написал ряд научных работ; неоднократно выступал в советской и арабской прогрессивной печати с разоблачением политики империализма и его агентуры (в том числе сионистской агентуры) в арабских странах. В настоящее время я подготовил докторскую диссертацию на тему «Национально-освободительная война 1925–[19]27 гг. в

Сирии»²⁰ и работаю над подготовкой к печати «Очерков по новейшей истории арабских стран»²¹, написанных мной в основном в 1945–1947 гг.

Мне кажется, что мои знания, накопленные за 27 лет упорного труда, нужны советскому народу и Советскому государству. Увольнение меня из МГУ лишает меня возможности подвести итоги этих знаний и передать их молодому поколению советских арабистов.

Я прошу Вас дать указание о тщательной проверке всей моей работы, о расследовании предъявленных мне обвинений, и в таком случае, если результаты этой проверки покажут, что я должен продолжать свою работу по строительству советской арабистики, дать указание об отмене приказа о моем увольнении как неправильного.

Отзывы о моей научной работе могут дать профессора Н.А. Смирнов²² и А.А. Губер²³. Думаю, что академик А.Я. Вышинский²⁴ не откажется охарактеризовать мою работу в «Дипломатическом словаре», где мной целиком разработан раздел, касающийся арабских стран²⁵.

В. Луцкий,
доцент, кандидат
исторических наук

28 апреля 1953 г.

*АРАН. Ф. 697 (А.М. Панкратова). Оп. 3.
Д. 369. Л. 5–10. Машинописная копия.*

№ 2. В.Б. Луцкий – А.М. Панкратовой²⁶

Глубокоуважаемая Анна Михайловна!

Обращаюсь к Вам с этим письмом, так как не имел возможности переговорить с Вами лично по волнующим меня вопросам.

Первый вопрос связан с тем, что 2 апреля я был уволен из МГУ, причем в качестве предлога для увольнения были сфабрикованы грубо клеветнические обвинения.

8 апреля я подал заявление академику И.Г. Петровскому, в котором опроверг предъявленные мне обвинения и просил отменить незаконный приказ. Однако, до настоящего дня, несмотря на неоднократные обращения, я не получил никакого ответа –

ни отрицательного, ни положительного. У меня сложилось впечатление, что И.Г. Петровский и Б.А. Рыбаков²⁷ уклоняются от решения вопроса, выжидая, пока вопрос решится в высших инстанциях. Это вынудило меня обратиться 28 апреля с письмом в ЦК партии и Министерство культуры СССР. Копию письма в ЦК партии на имя тов. Н.С. Хрущева я прилагаю; в нем кратко изложена суть вопроса. Такое же письмо я направил на имя тов. П.К. Пономаренко²⁸ и просил его принять меня лично. В настоящее время оба эти письма рассматриваются: письмо тов. Хрущеву находится в Отделе науки ЦК у тов. Лутченко, письмо на имя тов. Пономаренко передано на решение тов. Столетова²⁹, который направил его на заключение тов. Прокофьеву³⁰. На мою просьбу о личном приеме у тов. Столетова я получил ответ, что это будет решаться в зависимости от предложений тов. Прокофьева.

Я не тревожил бы Вас этим вопросом, если бы это был только мой личный вопрос. Но я убежден, что вопрос имеет политическое значение, что, с одной стороны, мое увольнение является проявлением осужденных партией и правительством рюминских³¹ тенденций; с другой стороны, оно является одним из случаев, к сожалению, вошедшей в систему вредительской практики ликвидации кадров советских арабистов, направленной к ликвидации советской арабистики вообще, причем с этой целью, наряду с другими методами, использовались и рюминские тенденции. В этом меня убеждают все обстоятельства дела, о которых я очень хотел бы переговорить с Вами лично.

Я глубоко уверен, что в ЦК партии мой вопрос будет разобран беспристрастно. Но меня смущает передача моего вопроса в Министерство культуры тов. Прокофьеву, который является далеко не беспристрастной стороной в этом деле. Тов. Прокофьев тесно связан с людьми, которые подготовили и провели мое увольнение. Еще в 1949 г., работая в МГУ, он сам действовал в этом направлении, и только указание из ЦК партии помешало ему тогда осуществить это намерение. Кроме того, если не он лич-

но, то Управление университетов причастно к той практике разбазаривания кадров арабистов, о котором я пишу в своем заявлении. Поэтому – в целях беспристрастного разбора моего дела – мне было бы очень важно получить прием у тов. Пономаренко или у тов. Столетова до того, как это дело будет разобрано. Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы могли мне оказать помощь в этом.

Поставленный мной выше вопрос о положении советской арабистики, о необходимости ликвидировать коренные недостатки, мешающие развитию этой отрасли науки, волнует меня еще в большей мере, чем мой личный вопрос. Уже в 1945 или 1946 г. я, совместно с другими востоковедами³², обращался к академику В.П. Волгину³³ с письмом по этому поводу. В 1948 г. я подал записку на эту же тему в Организационный комитет Института востоковедения АН СССР. Тогда решение вопроса связывалось с ожидавшейся реорганизацией Института востоковедения. Однако произведенная в 1950 г. реорганизация не принесла ожидаемых результатов³⁴. Уже к осени 1952 г. выявилась острая необходимость в том, чтобы поставить этот вопрос перед ЦК партии. К сожалению, меня удерживало от этого опасение, быть может неправильное, что мои критические замечания будут сочтены за продукт личной обиды. Я решил поэтому отложить постановку этого вопроса до защиты моей докторской диссертации, которую считал делом ближайших месяцев. При сложившихся теперь обстоятельствах моя диссертация, видимо, будет защищена не так уж скоро, да и тем более мне неудобно ставить этот общий вопрос сейчас, пока с меня не сняты клеветнические обвинения. Между тем он не терпит отлагательства, так как научное изучение современного положения арабских стран, их новой и новейшей истории, несомненно, имеет большое политическое и оборонное значение. У нас есть такие кадры для развития этой отрасли науки, каких не имеет ни одна страна в мире. Между тем эти кадры преступно разбазарены и, за единичными исключениями, никто

из них не работает по специальности. Об этом мне хотелось бы рассказать Вам подробнее и посоветоваться с Вами, как с представителем нашей научной общественности в ЦК партии, как с советским ученым, которого горячо волнуют вопросы развития нашей науки.

С глубоким уважением,
В. Луцкий

9 мая 1953 г.

АРАН. Ф. 697. Оп. 3. Д. 369. Л. 1–4. Машинопись, подпись – автограф.

Приложение

Записка Х.И. Кильберг³⁵, В.Б. Луцкого и Л.В. Симоновской³⁶ о необходимости создания Института истории Востока

Вице-президенту Академии наук СССР академику Волгину

Глубокоуважаемый Вячеслав Петрович!

Положение, при котором изучение истории Востока не представлено сколько-нибудь полно ни в одном из институтов Академии наук, заставляет нас обратиться к Вам со следующим заявлением.

Рост международного авторитета СССР после окончания Отечественной войны, его роль в решении международных вопросов, связанных с колониальным и полуколониальным миром, укрепление политических, экономических и культурных связей СССР со странами Востока, рост демократического движения в этих странах, – все это придает работе историков-востоковедов не только научно-теоретическое, но и большое практическое значение.

В Америке и в Западной Европе, а также и в самих восточных странах в настоящее время крайне повысился интерес к проблемам истории Востока. В свет выходят солидные монографии, публикации документов, сборники и журналы, очень часто преследующие реакционные методологические и политические цели.

В то же время передовая мысль восточных стран борется за правильное понимание

родной истории и правильное использование великого наследия прошлого.

Богатый опыт советской исторической науки при существующей организации историко-востоковедных сил весьма мало может помочь в этом направлении.

В свете задач, стоящих перед историками Востока, их положение в Институте востоковедения А[кадемии] н[аук] нельзя считать удовлетворительным. И[нститут] в[остоковедения] А[кадемии] н[аук], как учреждение филологическое, возглавленное филологическим руководством (академики и члены-корреспонденты), имеет иное направление интересов, далеко не всегда совпадающее с интересами истории. Не соответствует интересам историков ни печатный орган этого института «Советское востоковедение», ни подбор литературы и пополнение фондов.

Институт мирового хозяйства и мировой политики и Тихоокеанский институт занимаются изучением проблем современного Востока. Однако изучение новейшей истории восточных стран в отрыве от изучения новой истории и истории феодализма было бы неполным.

В современном общественном строе Востока и в современной идеологии восточных народов сохранилось много пережитков, изучить и понять которые невозможно без глубокого знания и понимания восточного Средневековья.

Нам представляется, что решение сложных задач, которые стоят перед исторической наукой в области изучения Востока, возможно лишь при условии объединения сил и кадров историков-востоковедов в научном учреждении, имеющем историческое направление (Институт истории Востока). Такой институт должен базировать свою работу на глубоком изучении источников, прежде всего восточных, и разработке широкой исторической тематики.

Институт должен готовить к печати монографии и другие труды по истории Востока, публиковать источники и издавать специальный периодический орган. В настоящее время возможно положить начало

созданию востоковедных библиотечных фондов в Москве, сохранив за Институтом востоковедения фонды бывшего Азиатского музея.

Каждая более или менее значительная область полезных знаний представлена в соответствующих научно-исследовательских институтах. История Востока, как наука, также имеет право быть представленной в специальном научном учреждении.

Кильберг Х.И.,
кандидат исторических наук.
В. Луцкий, кандидат исторических наук.
Л. Симоновская, кандидат исторических наук.

АРАН. Ф. 1574 (В.Б. Луцкий). Оп. 2. Д. 39. Л. 1–3. Машинопись, подписи – автограф.

Примечания

¹ Луцкий Владимир Борисович (1906–1962) – востоковед-арабист, преподаватель МГУ (1936–1958), старший научный сотрудник Института этнографии (1957–1959), Института Африки (с 1959 г.) АН СССР.

² Сейранян Б.Г. В.Б. Луцкий (1906–1962) – ученый, педагог, человек // Слово об учителях. Московские востоковеды 30–60-х годов. М., 1988, с. 326.

³ Там же. С. 338.

⁴ Там же. С. 337.

⁵ Там же. С. 338.

⁶ Там же. С. 337.

⁷ Там же. С. 335.

⁸ Нерсесов Георгий Александрович (1923–1982) – историк-африканист, ст. научный сотрудник Института Африки АН (с 1966 г.).

⁹ Г.А. Нерсесов о В.Б. Луцком и С.Р. Смирнове. Публ. подг. В.Г. Бухерт // Восточный архив, 2012, № 1 (25). С. 81–86.

¹⁰ Игнатъев Семен Денисович (1904–1983) – советский партийный и государственный деятель, министр государственной безопасности СССР (1951–1953).

¹¹ См.: Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 – март 1953. Сост. В.Н. Хаустов и др. М., 2007. С. 519.

¹² Сейранян Б.Г. Указ соч. С. 342.

¹³ Сейранян Баграт Гарегинович (род. в 1931 г.) – историк-арабист, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН (с 2005 г.), профессор Восточного университета (с 1994 г.).

¹⁴ Сейранян Б.Г. В.Б. Луцкий как историк-арабист // Арабские народы. История. Экономика. М., 1966, с. 11.

¹⁵ Сейранян Б.Г. В.Б. Луцкий (1906–1962) – ученый, педагог, человек. С. 334.

¹⁶ Хрущев Никита Сергеевич (1894–1971) – советский партийный и государственный деятель, 1-й секретарь ЦК КПСС (1953–1964), председатель Совета министров СССР (1958–1964).

¹⁷ Петровский Иван Георгиевич (1901–1973) – математик, ректор МГУ (с 1951 г.), академик АН (с 1946 г.).

¹⁸ См.: Очерки по истории арабских стран. (Сборник статей). М., 1959.

¹⁹ См.: Новейшая история стран зарубежного Востока. Под ред. И.М. Рейснера и др. М., 1954, вып. I.

²⁰ См.: Луцкий В.Б. Национально-освободительная война в Сирии (1925–1927 гг.). М., 1964.

²¹ См.: Луцкий В.Б. Новая история арабских стран. Изд. 2-е. М., 1966.

²² Смирнов Николай Александрович (1896–1983) – историк, профессор МГУ (с 1942 г.).

²³ Губер Александр Андреевич (1902–1971) – историк, академик АН СССР (с 1966 г.).

²⁴ Вышинский Андрей Януарьевич (1883–1954) – юрист, дипломат, прокурор СССР (1935–1939), министр иностранных дел СССР (1946–1949), академик АН СССР (с 1939 г.).

²⁵ Для двухтомного «Дипломатического словаря», изданного под главной редакцией А.Я. Вышинского в 1948–1950 гг., В.Б. Луцкий написал 76 статей.

²⁶ Панкратова Анна Михайловна (1897–1957) – историк, главный редактор журнала «Вопросы истории» (с 1953 г.), академик АН (с 1953 г.).

²⁷ Рыбаков Борис Александрович (1908–2001) – археолог и историк, профессор МГУ (с 1942 г.), академик АН СССР (с 1958 г.).

²⁸ Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич (1902–1984) – советский государственный и партийный деятель, первый секретарь ЦК КП Белоруссии (1938–1944), председатель СНК (Совета министров) БССР (1944–1948), министр заготовок СССР (1948–1952), министр культуры СССР (1953–1954), 1-й секретарь ЦК КП Казахстана

(1954–1955), посол в ПНР (1955–1957), Индии и Непале (1957–1959), Нидерландах (1959–1961).

²⁹ Столетов Всеволод Николаевич (1906/07–1989) – советский государственный деятель и ученый, министр высшего образования СССР (1951–1953), министр высшего и среднего образования РСФСР (1959–1972), действительный член (с 1968 г.), президент АПН СССР (1972–1981).

³⁰ Прокофьев Михаил Алексеевич (1910–1999) – советский государственный и партийный деятель, химик-органик, министр просвещения СССР (1966–1984), чл.-корр. АН (с 1966 г.), действительный член АПН СССР (с 1967 г.).

³¹ Рюмин Михаил Дмитриевич (1913–1954) – полковник, заместитель министра государственной безопасности СССР (1951–1952). М.Д. Рюмин был арестован 17 марта 1953 г.

³² Имеются в виду Х.И. Кильберг и Л.В. Симоновская.

³³ Волгин Вячеслав Петрович (1879–1962) – историк, академик (с 1930 г.), неперменный секретарь (1930–1935), вице-президент (1942–1953) АН СССР.

³⁴ В 1950 г. Институт востоковедения АН СССР был переведен из Ленинграда в Москву. В его состав вошел Тихоокеанский институт АН СССР.

³⁵ Кильберг Хися Израилевна (1902–1978) – историк, ст. научный сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения АН (с 1950 г.).

³⁶ Симоновская Лариса Васильевна (1902–1972) – историк, профессор Института восточных языков при МГУ (с 1967 г.).

У.А. Султонов

РУССКИЙ ВОСТОКОВЕД А.Л. КУН И ЕГО КОЛЛЕКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ МАЗАРА АХМАДА ЙАСАВИ

Известный ориенталист и краевед Александр Людвигович Кун родился в 1840 г. в семье учителя. Начальное образование получил в гимназии в Ставропольской губернии, затем поступил на факультет восточных языков Петербургского университета, который окончил в 1865 г. со степенью кандидата «по арабско-персидско-турецкому разряду». Свою карьеру А.Л. Кун начал в 1866 г. столоначальником канцелярии Оренбургского генерал-губернаторства. 24 ноября 1868 г. перешел на службу в Туркестанское генерал-губернаторство чиновником, состоящим в распоряжении генерал-губернатора. 1 мая 1874 г. был назначен старшим чиновником особых поручений по учебной части при Туркестанском генерал-губернаторе. Когда в Ташкенте было создано Управление учебными заведениями Туркестанского края, А.Л. Кун стал его первым инспектором. Он пробыл на этой должности с 1 января 1876 г. по 20 сентября 1882 г. За годы службы в Туркестане он был награжден орденами Св. Станислава 3-й степени (1873 г.), Св. Анны 3-й степени (1872 г.), медалью «За Хивинский поход» на Георгиевско-Владимирской ленте (1873 г.) и орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами (1874 г.)¹.

А.Л. Кун покинул службу в Туркестане в 1882 г.: во время длительной болезни генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана² в администрации генерал-губернаторства произошли серьезные перемены. По рекомендации Министерства просвещения Российской империи Куна перевели в Вильно³, где он стал помощником попечителя Виленского учебного округа⁴. На этой должности он пробыл до своей смерти в возрасте 48 лет 24 октября 1888 г.

А.Л. Кун внес большой вклад в исследование истории и культуры Туркестана, оста-

вив для исследователей огромный материал. За время своей 15-летней службы в Туркестане он участвовал во многих научных экспедициях и военных походах в разные регионы Средней Азии. В их числе научная экспедиция на Искандеркуль (1870 г.) и военные походы на Шахрисабз (1870 г.), Хиву (1873 г.) и Коканд (1876 г.).

В 1870–1872 гг. А.Л. Кун стал одним из создателей «Туркестанского альбома», посвященного этнографической, археологической, исторической и промыслово-технической панораме Туркестана. Кроме того, он занимался научно-исследовательской работой, а также сбором различных памятников культуры и искусства, рукописей и документов⁵. А.Л. Кун ездил делегатом на международный съезд ориенталистов в Лондон и был избран членом-корреспондентом Института живых восточных языков в Париже (1874 г.). В 1875 г. он работал в комитете по подготовке Международного III конгресса ориенталистов в Петербурге, а в марте 1876 г. стал действительным членом РАО.

Кун и собрание среднеазиатских исторических документов

За годы своей деятельности в Туркестане А.Л. Кун смог собрать огромный материал, включающий в себя рукописные книги, исторические документы и разные виды путевых заметок по Центральной Азии. Большое количество этих материалов в настоящее время хранятся в его личном фонде в Архиве востоковедов при Институте восточных рукописей в Санкт-Петербурге. Это ценный источник для изучения истории и этнографии Центральной Азии. Фонд состоит более чем из 300 архивных дел. В свое время Б.В. Андрианов изучал хранящиеся в

нем материалы по истории Хивинского ханства⁶. В настоящей статье мы попытаемся дать анализ исторических документов, относящихся к вакфному хозяйству мазара Ахмада Йасави.

Наличие этих документов в архиве Куна не случайно. В 1870-х годах его основная деятельность была направлена на сбор различных видов письменных памятников по истории и культуре Центральной Азии. Он подчеркивал это сам: «Пользуясь экспедицией в Шагрисебские владения, я, с разрешения г. начальника Заравшанского округа генерал-майора Абрамова⁷, присоединился к его отряду. Задачей моего участия в этой экспедиции было собрать возможно больше книг, рукописей и документов на туземных языках...»⁸.

В 1873 и 1876 годах, участвуя в военных походах на Хиву и Коканд, Кун смог собрать еще больше документов. В результате с 1870 по 1878 г. генерал-губернатор Туркестана К.П. фон Кауфман передал в Императорскую Публичную библиотеку большое число рукописей и материалов, приобретенных в ходе завоевания Средней Азии во многом благодаря заслугам А.Л. Куна. Так называемая коллекция Кауфмана, кроме рукописных книг, насчитывает около 4000 исторических документов⁹.

Ахмад Йасави был одной из популярных фигур в истории Центральной Азии. Его мазар в Туркестане оставил глубокий след в социальной и духовной жизни народов региона. А.Л. Кун интересовался именно такими личностями. Он собрал много исторических документов, относившихся к мазарам, медресе и мечетям, а также к канцеляриям ханов и чиновников. Исследователь по возможности старался собирать оригиналы¹⁰, но если это не получалось, то он с помощью местной администрации снимал с них копии. Поскольку получить от потомков Ахмада Йасави оригиналы документов мазара оказалось невозможно, А.Л. Кун попросил уездного начальника оказать ему содействие в обретении достоверных копий. Свидетельство этому – в ответном письме начальника Туркестанского

уезда А.Г. Реймерса¹¹ А.Л. Куну¹² от 15 июня 1872 г.

Можно предположить, что А.Л. Кун преследовал две цели. Первая – обогатить коллекцию документов, собранную им для отправки в Петербург. Вторая – явный личный интерес к изучению проблем вакфа в Туркестане, что, в свою очередь, позволяло лучше разбираться в вопросах, возникавших в административной практике. Здесь стоит вспомнить его статью «Вакуфы», опубликованную 29 мая 1872 г. в газете «Туркестанские ведомости»¹³. В ней документы из Туркестана не упоминаются, хотя последние копии оттуда были получены 20 мая. В его личном архиве нет вообще каких бы то ни было набросков статей или рабочего материала, касающихся истории мазара Ахмада Йасави. Возможно, после назначения в 1874 г. на пост старшего чиновника особых поручений по учебной части Туркестана А.Л. Кун уделял большое внимание этой стороне своей деятельности и практически отошел от серьезной научной работы.

А.Л. Кун увез копии документов с собой в 1882 г., после окончания своей деятельности в Туркестане. После смерти А.Л. Куна они вместе с другими рабочими документами вошли в состав личного архива востоковеда и были забыты. И эти копии документов, и их оригиналы остались за пределами широкомасштабных исследований по изучению вакфных отношений, проводившихся во второй половине XIX–XX в. Даже в 1974 г., когда была найдена новая коллекция документов в Туркестане и селе Атабай, никто не вспомнил о документах архива Куна.

Изучение исторических документов мазара Ахмада Йасави

Введение в научный оборот документов мазара началось с доклада о выданной мазару жалованной грамоте Тимура, прочитанного Н.П. Остроумовым на заседании Туркестанского кружка любителей археологии 29 августа 1897 г.¹⁴ Годом позже был опубликован текст документа¹⁵. В 1901 г. доку-

мент был еще раз опубликован А.А. Диваевым¹⁶, а Н.П. Остроумов в 1910 г. второй раз обратился к этой грамоте¹⁷. В 1912 г. А.И. Добросмыслов издал русский перевод грамоты¹⁸. Статья А.А. Диваева на русском и казахском языках была переиздана в Туркестане в 2006 г.¹⁹

В жалованной грамоте говорится о выдаче Мир 'Али-шайху, потомку Садр-шайха (младшего брата Ахмада Йасави), арыка Янгича, берущего начало от родника Ходжа Тумаси, орошаемых им земель, а также сада недалеко от Ходжа Тумаси в качестве вакфа в пользу мазара святого. Был высказан ряд мнений относительно значения и подлинности жалованной грамоты²⁰. Однако независимо от степени подлинности документа, он в течение нескольких веков обеспечивал права владельцев на обладание упомянутым имуществом и служил основой для получения новых документов при смене власти.

Одним из важных событий, связанных с документами мазара Ахмада Йасави, стала находка в 1974–1975 годах новых документов в городе Туркестан и кишлаке Атабай²¹. Согласно первой публикации о находке, она представляла собой собрание свыше 1000 документов, относящихся к концу XVIII – началу XX в. В последующем В.К. Шуховцов опубликовал фотографии и перевод на русский язык 12 документов из этого собрания, которые относятся к XIX в.²² Как стало нам известно, сейчас документы хранятся на руках у В.К. Шуховцова, проживающего в городе Алматы. К сожалению, нам не представилась возможность ознакомиться с этими документами.

Первоначальный анализ документов мазара Ахмада Йасави из архива А.Л. Куна

Коллекция документов мазара Ахмада Йасави из архива А.Л. Куна²³ до сих пор остается не введенной в научный оборот, а ее состав неизвестен даже специалистам. Поэтому мы приводим первоначальный анализ этих материалов.

Документы архива А.Л. Куна, касающиеся мазара Ахмада Йасави, хранятся в деле 175 (96 стр.), и лишь один – в деле 174 (1 стр.)²⁴. Вышеупомянутое письмо начальника Туркестанского уезда на имя А.Л. Куна, а также анализ содержания документов показывают, что они снимались с оригиналов, принадлежавших Рахматуллах-ходже *накиб* Алиакбар-ходжа *накиб* оглы, Шариф-ходже 'азизлар Бехбуд-ходжа 'азизлар оглы, а также Насруллах-ходже *шайх ал-ислам* Исхак-ходжа *шайх ал-ислам* оглы, которые считались потомками Шайха Ахмада Карачуки, внука Ахмада Йасави от дочери Гавхар Хуштадж. У Насруллах-ходжи были сняты копии с 21 жалованной грамоты, 2 *ривайатов*, 1 акта отказа от иска (*хатт-и икран*), 1 вакфной грамоты и 1 родословной, о чем свидетельствует его печать²⁵. В двух местах имеется запись о том, что у Рахматуллах-ходжи были сняты копии 18 жалованных грамот, 2 вакфных грамот, 1 *хатт-и икран* и 1 родословной²⁶. Упоминается также и то, что у Шариф-ходжи были сняты копии жалованных и вакфных грамот, а также родословной, но их количество не указано²⁷.

По нашим подсчетам, в собрании хранится 77 документов на персидском и чагатайском языках, что гораздо меньше Алматинской коллекции. Причина этого в том, что копии снимались не со всех документов, связанных с мазаром, а только с тех, которые считались наиболее важными.

В копиях приведены имена владельцев печатей, засвидетельствована их достоверность и указано, что они сверены с оригиналами. Копии удостоверены печатями Кул-Ахмад-ходжи *а'лама* Хал-Мухаммад-шайх 'азизлар оглы и аксакала города Туркестана Шер Мухаммада *мингбаши* Мулла Бай-Мухаммад оглы. Работы по копированию были завершены 20 мая 1872 г., документы сшиты в тетрадь и опечатаны.

Жалованные грамоты

Алматинская коллекция содержит 30 жалованных грамот и распоряжений правителей и заместителей²⁸. Количество докумен-

тов этого типа в коллекции Куна (с учетом предположительно переписанного не до конца документа) составляет 60 экземпляров (ярлыки и инаятамы). Самой ранней является жалованная грамота шибанида Абу Саид-хана (1531–1534), датируемая месяцем *джумада ал-аввал* 937 г.х. (дек. 1530 – янв. 1531)²⁹. Самые поздние документы выданы кокандским ханом Султаном Саид-ханом (1863–1865) и его регентом 'Алимкули амирлашкар (ум. в 1865 г.) в месяце *раби' ал-аввал* 1280 г.х. (авг. – сент. 1863)³⁰.

Жалованные грамоты выданы правителями из династий Шибанидов (1501–1601), Аштарханидов (1601–1747), Мангытов (1747–1920) и Мингов (1711–1876), их наместниками, а также казахскими ханами и султанами. В этих документах говорится о том, что арыки Уртак и Суйры являются вакфом, а также о назначении *шайх ал-ислама, накиба, мирасада и мутавалли* в г. Туркестане. В свое время жалованные грамоты служили доказательством притязаний потомков Шайха Ахмада Карачуки на контроль над мазаром Ахмада Йасави и управление вакфным имуществом. В них упоминается много имен из родословной потомков Шайха Ахмада Карачуки.

Родословные (насаб-наме)

Мы не имеем сведений о родословных в Алматинской коллекции. В коллекции же А.Л. Куна имеется 5 копий родословных потомков Ахмада Йасави (в редакции XIX в.) на чагатайском и персидском языках. Три родословные по содержанию близки друг другу³¹. События начинаются с эпохи Исхак Баба и заканчиваются родословными древами *шайх ал-ислама, накиба* и *'азизлар*, в руках которых в XIX в. находился контроль над мазаром. В четвертой родословной, которая была дана Рахматуллах-ходже *накибом* для переписки, приведено произведение «Насабнаме-и манзума», написанное в стихотворной форме на персидском языке 'Абд ал-'Азизом б. Катта-ходжем. Критический текст этого сочинения издан³². У одной родословной на чагатайском языке нет конца.

В первых трех родословных семействах *шайх ал-ислама, накиба* и *'азизлар*³³, если не учитывать некоторые описания событий, нет большой разницы между собой или каких-либо противоречий. Эти три родословные, в отличие от подобных им, выделяются тем, что по отцовской линии они не связаны с Садр-шайхом, младшим братом Ахмада Йасави. В родословных подчеркивается, что линии семейств *'азизлар, шайх ал-ислама* и *накиба* являются потомками Ахмада Йасави. Особенно подчеркиваются достоинства Шайха Ахмада Карачуки – как по происхождению, так и в духовном отношении. Например, упоминается, что Ахмад Йасави сам выбрал имя Ахмад для своего внука, которого родила дочь – Гавхар-и Хуштаджа от Сулаймана вали. Когда родился Ахмад Карачуки, Йасави три раза плюнул ему в рот и с младенчества сам занимался его воспитанием. Таким образом, в родословных их владельцы попытались обосновать свою легитимацию в качестве потомков Ахмада Йасави и представить обществу свое происхождение с новыми подходами. Их усилия завершились успешно, и с начала XIX в. потомки Садр-шайха полностью утратили контроль над мазаром Ахмада Йасави.

Юридические заключения (ривайаты)

В некоторых записях относительно копий говорится, что на руках у Насруллах-ходжи имелось два *ривайата*. В коллекции имеется три *ривайата*³⁴. В них нашли свое отражение разногласия, появившиеся между управляющими вакфом мазара и земледельцами, пользующимися вакфными землями на арыках Уртак и Суйры. Например, в одном из них говорится о претензиях земледельцев, пользующихся вакфными землями на арыке Уртак и платящих за это *танабана* в размере 1/5 урожая, которые требовали, чтобы они платили вместо этого *ушр* в размере 1/10 урожая. Однако в *ривайате* отмечается, что, поскольку земли Туркестана облагаются хараджем, то претензии земледельцев являются необоснованными. Имена на печатях, приложенных к *ривайатам*, го-

ворят о том, что они относятся к эпохе Кокандского ханства и царскому периоду.

Вакфные грамоты

В коллекции хранятся три вакфные грамоты на персидском языке. Одна из них – вакф-наме *ханаки* Асадуллах-шайха б. 'Алим-шайха, расположенной в Карачуке, в 9 верстах от Туркестана. Другие две вакфные грамоты выданы наместниками Ташкента 'Азизом *парваначи* (*раджаб* 1263 г.х. / июнь – июль 1847 г.), а также Нар-Мухаммадом *кушбеги* (*зул-хидджа* 1269 г.х. / сентябрь – октябрь 1853 г.). Среди этих грамот особое значение имеет вакф-наме Асадуллах-шайха, датированное месяцем *раби'* *ал-ахир* 822 г.х. (апрель – май 1419 г.)³⁵. В копии вакф-наме под датой приведены имена Шахрух султана, *акза ал-куззат* Хусамуддина и Турсун Ахмада ибн Суюнчходжа-хана (?). Указанная дата позволяет предполагать, что под Шахрух султаном следует понимать Тимурида Шахруха (1409–1447). Согласно вакфной грамоте, здание *ханаки* было построено Исхак Бабом, в ней также упоминается о наличии рядом с ним старого медресе, рабата и мавзолея.

Скорее всего, наличие на руках Асадуллах-шайха вакфной грамоты от такого влиятельного правителя региона, как сын Амира Тимура, можно воспринимать как ответ на жалованную грамоту потомкам Садр-шайха. Упомянутый в вакф-наме Асадуллах-шайх был предком владельцев трех родословных – Рахматуллах-ходжи *накиба* в одиннадцатом, Насруллах-ходжи *шайх ал-ислама* в двадцать втором и Шариф-ходжи 'азизлар в двадцатом колене.

Вакфная грамота играла важную роль в их претензиях на управление мазаром. Одной из важных точек вакф-наме является упоминаемая в ней *ханака*, построенная Исхак Бабом. В агиографических произведениях упоминается мечеть Чубин в Сайраме, построенная Исхак Бабом наподобие Ка'абы после его возвращения из хаджа³⁶. Этот сюжет позже перекочевал в родословные потомков Исхак Баба³⁷. В вакфной грамоте

этот сюжет интерпретирован немного по-другому: благословенная *ханака*, построенная Исхак Бабом в Карачуке, и привилегия на должность ее шайха, которой обладали потомки Шайх Ахмада Карачуки, является еще одним указанием на их благородное происхождение³⁸.

Разные документы

В коллекции имеется еще пять документов различного содержания, которые относятся к колониальной эпохе. Это признание 19 земледельцами назначения Насруллах-ходжи *шайх ал-ислама*, Али Акбар-ходжи *накиба* и Шариф-ходжи 'азизлара в качестве попечителей вакфных земель на арыках Уртак и Суйри (1271 г.х., *сафар* / ноябрь – декабрь 1854 г.); справка об утверждении генеалогии потомков Ахмада Йасаи при осмотре мазара генералом Черняевым³⁹ (1864 г.); разрешение спора между администрацией мазара и земледельцами об использовании вакфных земель на арыке Уртак (1284 г.х., *раби'* *ал-ахир* / август 1867 г.); приказ начальника Туркестанского уезда о назначении Рахматуллах-ходжи *накиба* на пост мутавалли (1868 г.); справка о служебной поездке Ибрахим-шайха, сына Бахадир-шайха, в Коканд⁴⁰.

В деле 174 имеется только один документ, в котором дается краткая справка о доходах вакфа мазара Ахмада Йасаи. Документ подготовлен после запроса уездного начальника, поэтому начинается «*бек дар-жалуга эълom киламан*» т.е. «сообщаю чиновнику, владеющему степенью правителя». Из документа выясняется, что арык Уртак и Суйри больше не принадлежат к вакфному хозяйству мазара и облагаются налогом в пользу государственной казны. В документе приведены сведения о доходах с вакфных караван-сараев в городах Туркестан и Ташкент⁴¹.

Возникает вопрос: где подлинники документов? Существовали ли приведенные жалованные грамоты? Например, Насруллах-ходжа, член семейства *шайх ал-ислама*, показал колониальным администраторам

18 жалованных грамот разных среднеазиатских правителей о назначении своих предков на пост *шайх ал-ислама*. Из них 14 документов мы встречаем в коллекции Куна. А некоторые упоминаются в других заявлениях потомков Ахмада Йасави⁴². Возможно, представители вышеуказанных трех семейств (*'азизлар*, *шайх ал-ислам* и *накиб*) сохранили подлинники в своих руках. До сих пор они не обнаружены в соответствующих фондах Центрального государственного архива Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Только подлинник вакф-наме *'Азиза парваначи* сегодня хранится в фонде ЦГА РУз. Он идентичен копии и по тексту, и по сфрагистическим деталям⁴³.

Предполагаем, что документы, хранящиеся у В.К. Шуховцова и в коллекции А.Л. Куна, дополняют друг друга, между ними имеется взаимосвязь и логичная последовательность. Например, возьмем текст документа под номером Т-262п (рис.1) в статье В.К. Шуховцова⁴⁴. Это распоряжение неизвестного правителя, сделанное в месяце рамазан 1258 г.х. (октябрь – ноябрь 1842 г.) о повторном назначении Шариф-ходжи *'азизлара* на его должность, которое есть и в составе коллекции А.Л. Куна⁴⁵. Поэтому не исключено, что оригиналы большинства копий из коллекции А.Л. Куна хранятся в Алматинской коллекции.

Вместо заключения можно сказать, что сведения о мазарах в нарративных источниках встречаются довольно часто, но эти данные не всегда дают возможность восстановить целостность исторического процесса по исследуемым темам. Хотя исторические документы тоже не создают идеальную социально-экономическую картину в макроистории. Однако комплексное исследование материалов, относящихся к одному мазару, в микроистории и просопографическом аспекте, дает достойные результаты. Документы из коллекции А.Л. Куна принадлежали обладателям должностей *накиб*, *шайх ал-ислам* и *'азизлар*, которые в XIX в. взяли под свой контроль мазар Ахмада Йасави и духовную жизнь города Туркестана. На фоне документов мазара Ахмада Йасави можно осветить

не только историю мазара, но также земельно-водные отношения в городах долины Сырдарьи в XVI – начале XX в. Самое важное, что документы служат также существенным источником по изучению конфликтов между социальными группами и разными линиями потомков Ахмада Йасави.

Надеемся, что дальнейшие сравнительные исследования документов из двух коллекций внесут ясность в изучение разных отраслей истории Центральной Азии.

Примечания

¹ Воднева О.А. А.Л. Кун как историограф и этнограф (по материалам Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН) // Источниковедение и историография стран Азии и Африки. Материалы XXVI Международной конференции. СПб., 2011. С. 107.

² Фон Кауфман, Константин Петрович (1818–1882) – инженер-генерал, генерал-адъютант, директор Канцелярии Военного министерства (1861–1865), виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор (1865–1866), туркестанский генерал-губернатор (1867–1882); почетный член АН (с 1873 г.).

³ Вильно – Вильнюс, столица и крупнейший город Литвы. С 1795 по 1915 г. административный центр Виленской губернии Российской империи.

⁴ Виленский учебный округ – территориальная единица управления учебными заведениями ведомства Министерства народного просвещения, охватывавшая несколько губерний на западе Российской империи в 1803–1832 и 1850–1917 гг.

⁵ Каримова А. Деятельность ориенталиста А.Л. Куна в Туркестане в 1868–1881 гг. // Сборник студенческих работ Среднеазиатского государственного университета. Вып. XV. История. Ташкент, 1956. С. 23–30.

⁶ Андрианов Б.В. Архив А.Л. Куна // Советская этнография. 1951. № 4. С. 149–155.

⁷ Абрамов Александр Константинович – генерал-лейтенант, начальник Зеравшанского округа (1868–1877), военный губернатор Ферганской области (1877–1883).

⁸ Кун А.Л. Очерки Шагрисебзкого бекства // Записки Императорского русского географиче-

ского общества. По отделению этнографии. Том 6. СПб., 1880. С. 203.

⁹ Ястребова О.М. Персидские и таджикские документы в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки. Систематический каталог. СПб., 1999. С. 10.

¹⁰ Например, дела 160 и 165 из личного архива А.Л. Куна содержат в себе около 140 подлинников документов по истории землевладения и назначения на разные должности в Бухарском эмирате, относящихся ко второй половине XIX в. См.: Юридические документы, относящиеся к истории землевладения Самарканда. Личный архив А.Л. Куна // Архив востоковедов. Институт восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН). Ф. 33. Оп. 1. Д. 160. 121 л.; Должностные ярлыки и деловые документы разных чиновников и духовных лиц Бухары // Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 165. 21 л.

¹¹ Реймерс Алексей Густавович – первый начальник Туркестанского уезда; занимал эту должность дважды, с 17.03.1872 по 01.01.1882 г. и с 02.03.1885 по 13.04.1887 г. Умер 1 января 1904 г.

¹² АВ ИВР РАН. Ф. 33. Оп. 1. Д. 175. Л. 1. Копия с документов на право пользования землей, которая во времени Кокандского владычества была изъята от уплаты хараджа и танапа.

¹³ Кун А.Л. Вакуфы // Туркестанские ведомости. 1872. № 21.

¹⁴ Туркестанский кружок любителей археологии. 2-й год (11 декабря 1896 г. – 11 декабря 1897 г.). Ташкент, 1897. С. 1–3.

¹⁵ Туркестанский кружок любителей археологии. 3-й год (11 декабря 1897 г. – 11 декабря 1898 г.). Ташкент, 1897–1898. С. 75–80.

¹⁶ Диваев А.А. Жалованная грамота, данная Тимуром Туркестанской мечети Азрета Ясави. Пер. с перс. А.А. Диваев // Туркестанские ведомости. 1901. № 39, 41.

¹⁷ Остроумов Н.П. Разъяснения и дополнения к «Жалованной грамоте» Тимура // Туркестанские ведомости. 1910. № 274.

¹⁸ Добросмыслов А.И. Города Сыр-Дарьинской области. Казалинск, Первоск, Туркестан, Аулие-ата и Чимкент. Ташкент, 1912. С. 141–147.

¹⁹ Ахмет Ясауидің Туркістандағы қутхана мешітіне Вакуф. Туркістан, 2006. 16 с.

²⁰ См.: Чехович О.Д. Собрание восточных актов Академии наук Узбекистана // Исторические записки. Ташкент, 1948. Т. 26. С. 308–309; DeWeese, Devin. The Politics of Sacred Lineages in 19th-Century Central Asia: De-

scent Groups Linked to Khwaja Ahmad Yasavi in Shrine Documents and Genealogical Charters // International Journal of Middle East Studies. 1999. Vol. 31. № 4. P. 508–509.

²¹ Кумеков Б.Е., Настич В.Н., Шуховцов В.К. Письменные документы из Южного Казахстана (предварительное сообщение) // Вестник АН Казахской ССР. 1977. № 8. С. 70–73.

²² Шуховцов В.К. Письменные документы из города Туркестана // Казахстан в эпоху феодализма. (Проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, 1981. С. 164–191.

²³ С целью отличать документы архива А.Л. Куна и документы, имеющиеся на руках В.К. Шуховцова, мы, исходя из места их хранения, условно обозначили их как «коллекция Куна» и «Алматинская коллекция».

²⁴ АВ ИВР РАН. Ф. 33. Оп. 1. Д. 174. Документ об аренде караван-сарая в Ташкенте. Там же. Д. 175. Копия с документов на право пользования землей, которая во времена Кокандского владычества была изъята от уплаты хараджа и танапа.

²⁵ Там же. Д. 175. Л. 94 об.

²⁶ Там же. Л. 22, 37.

²⁷ Там же. Л. 64.

²⁸ Кумеков Б.Е., Настич В.Н., Шуховцов В.К. Письменные документы из Южного Казахстана. С. 70.

²⁹ АВ ИВР РАН. Ф. 33. Оп. 1. Д. 175. Л. 93–94.

³⁰ Там же. Л. 56 об., 77 об.

³¹ Там же. Л. 11–18, 51–52, 71–74.

³² Исламизация и сакральные родословные в Центральной Азии: Наследие Исхак Баба в нарративной и генеалогической традициях. Т. 2. Генеалогические грамоты и сакральные семейства XIX–XXI веков: насаб-нама и группы ходжей, связанных с сакральным сказанием об Исхак Бабе. Отв. ред.: А. Муминов, Анке фон Кюгельген, Девин ДиУис, М. Кемпер. Алматы – Берн – Ташкент – Блумингтон, 2008. С. 235–252.

³³ Об этих семействах см.: Гордлевский В.А. Ходжа Ахмед Ясеви // Избр. соч. Т. 3. М., 1962. С. 364–366; DeWeese D. Op. cit. P. 514–515; Муминов А.К. Родословное древо Мухтара Ауэзова. Под ред. С.Н. Абашина. Алматы: Жибек жолы, 2011. С. 35.

³⁴ АВ ИВР РАН. Ф. 33. Оп. 1. Д. 175. Л. 53–54, 65–66, 69–70.

³⁵ Там же. Л. 38–39 об.

³⁶ Ходжа Абдурахим Хисари. Тухфат ал-ансаб ал-алави / Рукопись ИВАН РУз. № 1459. Л. 2726–2763а; Ходжа Исхақ. Хадикат ал-арифин / Рукопись ИВАН РУз. № 11838. Л. 1346.

³⁷ Исламизация и сакральные родословные в Центральной Азии. С. 73, 79, 112, 133, 200, 227; Муминов А.К. Родословное древо Мухтара Ауэзова. С. 107.

³⁸ О значении и проблеме легитимации этих трех семейств см.: Султонов Ў.А. Ахмад Яссавий мозори вакф хўжалиги бошқарувига доир // History of Central Asia in Modern Medieval Studies (In Memoriam of Professor Roziya Mukminova). Ташкент, 2013. Р. 312–328.

³⁹ Черняев Михаил Григорьевич (1828–1898) – генерал-лейтенант, военный губернатор Туркестанской области (1865–1866), туркестанский генерал-губернатор (1882–1884).

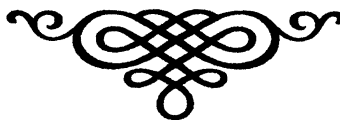
⁴⁰ АВ ИВР РАН. Ф. 33. Оп. 1. Д. 175. Л. 67–68, 31, 40, 21, 13 об.

⁴¹ Там же. Д. 174. Л. 1.

⁴² ЦГА РУз. И-1. Оп. 14. Д. 503. Л. 49 об. Документ содержит сведения о вакуфных учреждениях в Туркестанском крае в 1881–1888 гг.⁴³ Вакуф мечети и мазара Хазрята Султана Гарифин Ходжа Ахмета Есови, находящихся в г. Туркестане. 1887–1889. ЦГА РУз. И-17. Оп. 1. Д. 32689.

⁴⁴ Шуховцов В.К. Письменные документы из города Туркестана. С. 165–166.

⁴⁵ АВ ИВР РАН. Ф. 33. Оп. 1. Д. 175. Л. 62 об.

Г.В. Длужневская

ФОНДЫ ФОТОАРХИВА ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

(Окончание)

Фонды 46–48. Российская (до ... г.) затем Государственная Академия истории материальной культуры (РАИМК – ГАИМК) – Ленинградское отделение института истории материальной культуры АН СССР (ЛО ИИМК) – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР (ЛОИА АН СССР) (1919–1991).

Материалы поступали постоянно, начиная с момента организации фотоархива в 1919 г.

Негативов – 206020, отпечатков – 243366. Съемка: 1919–1990 гг.

Собрание складывалось в процессе работ: 1) полевые снимки экспедиций ГАИМК, ИИМК, ЛОИА и других учреждений, в которых принимали участие сотрудники; 2) снимки вещевого материала экспедиций и различных музеев страны; 3) снимки, связанные с работами Института археологической технологии ГАИМК. Таким образом, в собрании представлены археология бывшего СССР и некоторые археологические памятники зарубежных стран (Венгрия, Румыния, Чехия, Словакия, Монголия, Вьетнам, Китай, Франция и др.); древнерусская архитектура, церковная живопись; этнография, антропология. Здесь же коллекция «Персоналия».

Литература по фондам РАИМК – ГАИМК – ИИМК АН СССР – ЛОИ

Длужневская Г.В. Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 годах (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб., 2011. 296 с.

Фонд 49. Институт истории и теории искусств г. Москвы.

Материалы по архитектуре, живописи, графике и скульптуре, исполненные в 1948–1949 гг. по заказу И.Э. Грабаря.

Фонд 53. Институт истории искусств в Петербурге – Ленинграде (1912–1930).

Дата поступления – 1969 г. Негативов – 414, отпечатков – 412. Съемка: 1926–1929 гг.

Материалы Пинежско-Мезенской экспедиции 1926–1929 гг.: памятники архитектуры, этнография Карелии и Архангельской области.

Фонд 63. Институт истории материальной культуры Российской Академии наук (бывш. РГАК – РАИМК – ГАИМК – ИИМК – ЛОИА АН СССР) (с 25 июня 1991 г.)

Дата поступления – с 1991 г. Негативов – 144, отпечатков – 155. Съемка: 1991–2009 гг.

В настоящее время количество негативов и отпечатков, а также сдаваемых в архив по требованию Отдела полевых исследований отчетов на CD, значительно больше, но материалы находятся в процессе научно-технической обработки.

Материалы археологических экспедиций, организованных ИИМК РАН (полевая съемка, чертежи, находки из исследованных памятников).

Фонд 65. Институт «Ленпроектреставрация» в Санкт-Петербурге.

Дата поступления – 1992 и 1994 г. Негативов – 23, отпечатков – 286. Съемка: 1980-е годы.

Снимки церкви Св. Ольги в Михайловке: внешние виды и интерьеры, снятые при подготовке к реставрации; церкви Св. Николая Чудотворца на Братском кладбище г. Севастополя: натурная съемка и архивные материалы; Владимирского собора г. Севастополя над могилами адмиралов: натурная съемка и архивные материалы.

II. Персональные фонды

Фонд 10. Бакланов Николай Борисович (1881–1959), архитектор, художник, профессор Всесоюзной Академии художеств.

Дата поступления – 1931 г. Негативов – 11, отпечатков – 11. Съемка: 1927, 1931 г.

Материалы поездки 1927 г. в Болгары (с. Успенское, Татария) и серия снимков, собранная под углом зрения строительной техники: общие виды и конструктивные детали архитектурных памятников (Древний Восток, Греция, Рим,

западноевропейское средневековье, русский ам-пир, железобетонная архитектура XX в., капи-тальное строительство СССР). Материалы по горнозаводскому Уралу и заводовладельцам (Де-мидовы, Строгановы и др.).

Литература по фонду Бакланова Н.Б.

Прошлое Урала в фотографиях // Составление, вступительная статья Г.В. Длужневской. Екатеринбург, 1993. 197 с.

Фонд 11. Бобринский Алексей Александрович (1852–1921), археолог, председатель Ар-хеологической комиссии в 1882–1917 гг.

Дата поступления – 1934 г. Негативов – 146, отпечатков – 937. Съёмка: 1896–1917 гг.

Серия полевых снимков раскопок кургана Солоха Н.И. Веселовским в 1912–1913 гг. и А.А. Бобринским – курганов в Чигиринском и Черкасском уездах; снимки находок из раскопок В.И. Долбежева Кобанского могильника и др. на Кавказе в 1886–1890 гг., а также кавказских древ-ностей коллекции Ольшевского, хранящейся в Эрмитаже, и древностей из Томского музея. Се-рия оригинальных фотографий Д.И. Ермакова.

Литература по фотодокументам из фонда Боб-ринского А.А.

Длужневская Г.В. Историко-археологическое на-следие Азиатской России в фотодокументах второй половины XIX – первой половины XX в. (по фондам Научного архива Институ-та истории материальной культуры Россий-ской Академии наук). Автореферат дисс. доктора исторических наук. СПб., 2008. 47 с.

Фонд 12. Болтунова Анна Ивановна (1900–1991), историк-археолог, сотрудник Ин-ститута археологии АН СССР.

Дата поступления – 1949–1952 гг. Негати-вов – 172, отпечатков – 52. Съёмка: 1925–1950 гг.

Снимки античных эпиграфических памятни-ков Северного Причерноморья и кавказских древ-ностей из музеев Кутаиси, Сухуми, Тбилиси.

Фонд 13. Григорьев Георгий Васильевич (1898–1941), археолог, сотрудник Института истории материальной культуры АН СССР.

Дата поступления – 1945 г. Негативов – 278, отпечатков – 669. Съёмка: 1936–1940 гг.

Материалы по археологии (полевые работы и находки) и обследованию ирригационной сис-темы Средней Азии.

Литература по фонду Григорьева Г.В.

Длужневская Г.В. Историко-археологическое на-следие Азиатской России в фотодокументах второй половины XIX – первой половины XX в. (по фондам Научного архива Институ-та истории материальной культуры Россий-ской Академии наук). Автореферат дисс. доктора исторических наук. СПб., 2008. 47 с.

Фонд 14. Давиденко Елизавета Николаев-на (1867 – ?), художник.

Дата поступления – 1927 г. Негативов – 679, отпечатков – 471. Съёмка: 1927 г.

Материалы по древнерусскому прикладно-му искусству (церковная утварь, ризы, шитье, иконы, резьба иконостасов) из церквей Архан-гельской и Вологодской областей. Серия сним-ков предметов из ризниц Благовещенского и Введенского соборов Сольвычегодска.

Фонд 15. А. Дойников – А. Дойникова.

Дата поступления – 1920 г. Отпечатков – 738, открыток – 179.

Коллекция искусствоведческого направле-ния: снимки итальянских фотографов памятни-ков итальянской живописи XIII–XVIII вв. (рабо-ты 115 мастеров), а также нидерландской, фла-мандской и испанской школ живописи. Открыт-ки – материал по архитектуре и живописи Ита-лии XIII–XVI вв.

Фонд 16. Занкович Георгий Владимиро-вич (1906–1942), фотограф Института истории материальной культуры АН СССР с 1937 по 1941 г.

Дата поступления – 1946 г. Негативов – 145, отпечатков – 52. Съёмка: 1940 г.

Материал по реставрации пригородных дворцов Петербурга (Екатерининский дворец в Пушкине и дворец в Павловске). Серия снимков памятников архитектуры Петербурга. В этой коллекции 18 негативов Янтарной комнаты Ека-терининского дворца в Пушкине, исчезнувшей во время войны 1941–1945 гг.

Фонд 18. Каликин Федор Антонович (1876–1971), художник-реставратор Государ-ственного Эрмитажа с 1931 г.

Дата поступления – 1919 г. Негативов – 81.
Съемка: 1912–1914 гг.

Материалы по русской живописной иконе XVI–XVIII вв. новгородского, московского и строгановского письма и ее реставрации, в том числе реставрации иконы Св. Николая Николо-Дворищенского собора в Новгороде; по медному литью (кресты, образки, оклады Евангелия); по северному деревянному зодчеству Карелии. Имеются снимки колокольной церкви Спас-Нередицы в Новгороде, ныне не существующей, и гравюры XVIII в. общего вида г. Петрозаводска.

Фонд 19. Кун Александр Людвигович (1840–1888), ориенталист.

Дата поступления – 1930 г. Негативов – 635, отпечатков – 211. Съемка: 1871–1872 гг.

Часть комплекта снимков фотографов Н.Н. Нехорошева и Г.Е. Кривцова к Археологическому разделу «Туркестанского альбома» (памятники Самарканда, Джамбула, Ура-Тюбе и др.), этнографическому и промысловому разделам (быт и производства таджиков, узбеков и других народов Средней Азии).

*Литература по фотодокументам
из фонда Куна А.Л.*

Длужневская Г.В. Историко-археологическое наследие Азиатской России в фотодокументах второй половины XIX – первой половины XX в. (по фондам Научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук). Автореферат дисс. доктора исторических наук. СПб., 2008. 47 с.

Длужневская Г.В. Изучение памятников Средней Азии в период деятельности Императорской Археологической комиссии (1859–1917): фотоматериалы Научного архива Института истории материальной культуры РАН // Российская археология. М., 2008. № 3. С. 157–164.

Длужневская Г.В., Кирчо Л.Б. Императорская Археологическая комиссия и изучение древностей Средней Азии // Императорская Археологическая комиссия (1859–1917 гг.). К 150-летию ее основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. Глава X. СПб.: Изд. Дмитрий Буланин, 2009. С. 783–812.

Фонд 20. Лихачев Николай Петрович (1862–1936), академик АН СССР (с 1925 г.),

византист, историк искусства. Организатор и руководитель Музея палеографии.

Дата поступления – 1931 г. Негативов – 289, отпечатков – 286. Съемка: 1930 г.

Снимки фотографа И.Ф. Чистякова материалов по сфрагистике.

Фонд 21. Макаренко Николай Емельянович (1877–1938), археолог, искусствовед, художник.

Дата поступления – 1919 г. Негативов – 462, отпечатков – 159. Съемка: до 1917 г.

Коллекция содержит снимки, сделанные фондообразователем во время его многочисленных поездок по России до 1917 г.: снимки предметов древнерусского художественного ремесла из церквей Сольвычегодска, Вологды, Устюга, Кирилло-Белозерского и Ферапонтова монастырей, Новгорода и др., а также из собраний музеев Новгородского и Вологодского древлехранителей, музея Владимирской ученой архивной комиссии, Екатеринославского и др. Материал по русской архитектуре: церковной (Новгород, Галич, Ярославль) и крепостной (Новгородский кремль). Археологический материал из раскопок фондообразователем курганов на Полтавщине в 1903 и 1906 г. Курьезный снимок памятника с изображением скелета мамонта, установленного Ю.Л. Головкиным на месте находки костей мамонта в 1841 г. на его земле у с. Кулешевки Роменского уезда.

Фонд 22. Малиновский Василий Петрович (? – 1942), инженер-строитель.

Дата поступления – 1925 г. Негативов – 55, отпечатков – 493. Съемка: 1915–1925 гг.

Материалы по памятникам русской гражданской и церковной архитектуры XVI–XVIII вв. Москвы и Подмосковья (Куское, Кузьминки, Измайлово, Останкино, Дубровицы), Ярославля, Ростова, Владимира, Переяслова, Муром, Пскова, Новгорода и других городов. Для него снимал А.А. Иванов-Терентьев.

Фонд 23. Марр Николай Яковлевич (1864–1934), востоковед, лингвист, археолог, кавказовед, академик. Председатель РАИМК – ГАИМК с 1919 по 1934 г. Создатель и директор Яфетического института (1921–1934), директор Государственной Публичной библиотеки (1924–1930), вице-президент АН СССР (1930–1934).

В фотоархиве имеются: 1) отдельная рубрика в каталоге «Персоналия», в которой све-

дены портреты Н. Я. Марра в полевой и кабинетной обстановке, начиная с 1890 г. и кончая альбомом «Похороны Н.Я. Марра. Декабрь 1934 г.»; 2) фонд № 23 (кол. 177). Дата поступления – 1935 г. Негативов – 1490, отпечатков – 2952.

В серии снимков отражены раскопки в Ани (1892–1893, 1904, 1906–1913 гг.), в Ване в 1916 г. совместно с И.А. Орбели (раскопки на северном склоне Ванской скалы и стены Ванской крепости); поездки 1892–1893 гг. в Армению (архитектурные памятники, городища, ландшафты Агарака, Адиамана, Айриванка, Армавира, Артика, Ахтала, Багарана, Багнайра, Гарни, Гегарда, Двина, Дрсег, Кобайра, Лмба-та, Магасбеда, Мрена, Огузлу, Талина, Птгни, Текора, Узунлара, Хцонка, Ширавакана и др.) и в 1904 г. – в Шавшию и Кларджию (архитектурные памятники и этнографический материал). Снимки из поездок по линии охраны и регистрации памятников С.В. Тер-Аветисяна в Ванский округ зимой 1915–1916 гг. (памятники архитектуры, клинописные и армянские надписи, миниатюры церковных книг) и Н.Л. Окунева на Кавказский фронт летом 1917 г. Кроме того, серии снимков, связанные с полевыми работами Н.Я. Марра и его учеников: поездки Н.Я. Марра и Я.И. Смирнова на Гехамские горы (снимки вишапов); И.А. Орбели и А.А. Лорис-Калантара в 1913–1914 гг. в Ширавакан; И.А. Орбели в 1911–1912 гг. в Турецкую Армению (архитектурные памятники Эрзерума, Бейбурта, Вана, Варага, Ахтамара; халдские надписи). Материалы раскопок Д.А. Кипшидзе в 1913 г. у часовни Максима Исповедника в Мури. Материалы заграничных поездок Н.Я. Марра – в 1898 г. на Афон и в 1902 г. на Синай (грузинские рукописи X–XI вв. Иверского монастыря на Афоне и арабские и грузинские рукописи Синайского монастыря). Путешествие Н.Я. Марра в 1933 г. в Турцию и Грецию (снимки греческих и римских надгробий в собрании музея в Анкаре и альбом снимков фотографа Георгиади средневековых памятников Мистры – архитектура и фрески).

Фонд Н.Я. Марра, сохранившийся в фотоархиве, представляет только часть фотографического наследия ученого. Значительные материалы в 1917 г. были отосланы им в Кавказский историко-археологический институт и не прибыли в место назначения. Местонахождение их, если они вообще сохранились, до настоящего времени неизвестно.

Литература по фонду Марра Н.Я.

Девель Т.М., Томес Т.Б. Собрание Н.Я. Марра в фотоархиве ЛОИА АН СССР // Историко-филологический журнал. № 3. Ереван, 1971. С. 289–295.

Длужневская Г.В. Историко-археологическое наследие Азиатской России в фотодокументах второй половины XIX – первой половины XX в. (по фондам Научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук). Автореферат дисс. доктора исторических наук. СПб., 2008. 47 с.

Миханкова В.А. Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и деятельности. М. – Л., 1935.

Платонова Н.И. Николай Яковлевич Марр – археолог и организатор археологической науки // Археологические вести. № 5. СПб., 1989. С. 371–382.

Фонд 24. Матвеев Николай Григорьевич (1867–1918), канцелярский работник Академии художеств, фотограф-любитель.

Дата поступления – 1919 г. Негативов – 3680, отпечатков – 2859. Съемка: 1892–1914 гг.

Материал по русской архитектуре и художественно-бытовому убранству дворцов и особняков Петербурга и его окрестностей, в том числе Гатчины, Павловска, Петродворца, Пушкина, Ораниенбаума. Снимки петербургской серии в значительной степени использованы В.Я. Курбатовым при публикации в 1913 г. путеводителя «Петербург», а снимки Павловска (общие виды и внутреннее убранство дворца, парковые строения) – в издании путеводителя «Павловск». Снимки проектов Гонзаго, Камерона, Росси и др., связанных со строительством в Павловске. Материал по древнерусской архитектуре Москвы, Новгорода и Пскова. Кроме того, снимки экспонатов «Исторической выставки архитектуры» 1911 года, организованной Обществом архитекторов-художников в Академии художеств, и «Юбилейной Царскосельской выставки» 1910 года.

Фонд 25. Мацулевич Леонид Антонович (1886–1959), историк искусства, византист.

Даты поступления – 1930 и 1974 г. Негативов – 758, отпечатков – 2218. Съемка: 1909–1914, 1929 гг.

Снимки памятников древнерусской монументальной живописи и архитектуры, предметов художественного ремесла: Новгород (росписи

церкви Спас-Нередицы, Волотовской церкви, Ковалевской церкви Федора Стратилата; общие виды ряда храмов; детальная фиксация Корсунских врат и утвари Софийского собора), Псков, Изборск, Псково-Печерский монастырь, Старая Ладога (роспись Георгиевской церкви), Владимир (Успенский и Дмитриевский соборы), Суздаль, Переяслав, Юрьев Польской и др. Снимки укрепленных городищ Эски-Кермен, Мангуп, Сюйрень и др. в Крыму, сделанные во время поездки 1929 г. Пересъемка находок из кладов и раскопок конца XIX – XX вв. на территории России.

Фонд 26. Машечкин Василий Михайлович (1884 – после 1922 г.), фотограф Этнографического отдела Русского музея с 1912 по 1922 г.

Дата поступления – 1919 г. Негативов – 256. Съемка: до 1917 г.

Снимки памятников русской архитектуры центральных районов Европейской части России: Москва и ее область, Ярославль, Углич, Ростов и другие города, а также города северо-запада России: Псков, Новгород, Архангельской и Вологодской областей, Карелии. Специфическая коллекция снимков, являющихся репродукциями изданий и фотографий И.Ф. Барщевского, С.М. Дудина, художника В.А. Плотникова, архитектора И.И. Горностаева и др., исполненных для последующего изготовления диапозитивов.

Фонд 27. Миллер Александр Александрович (1875–1935), археолог, сотрудник Государственной Академии истории материальной культуры.

Дата поступления – 1935 г. Негативов – 172, отпечатков – 109. Съемка: 1908–1922 гг.

Материал, связанный с раскопками фондообразователя 1908–1911 гг. на Дону, на городище у ст. Елизаветинской, и разведки 1914 г. по Мертвому Донцу; разведки 1922 г. на городище Старой Ладоги. Кроме того, снимки памятников русского ампира в Таганроге и дворца Сардара в Ереване. Имеется небольшой материал по «каменным бабам».

Фонд 28. Преображенский Михаил Тимофеевич (1854–1929), академик архитектуры.

Дата поступления – 1919 г. Негативов – 24, отпечатков – 1601.

Основная часть собрания – снимки западноевропейских фотографов Алинари, Броджи, Соммера, Бонфиса, Себа, Штенгеля и др., приобретенные М.Т. Преображенским в середине

1880-х годов в течение его четырехгодичной командировки, когда он посетил Италию, Францию, Бельгию, Германию и другие страны. Материал по архитектуре средних веков, эпохи Возрождения и более поздней – Италии, Франции, Бельгии, Германии и др.: общие виды памятников, детали орнаментики, внутреннее убранство (мозаика, фреска) и монументальная скульптура. Численно выделяется серия снимков по Италии: представлены памятники 53 городов, в том числе Флоренции, Венеции, Орвьето. Материалы по Франции содержат снимки известных средневековых соборов в городах Лан, Ган, Руан, Шартр, Париж, Страсбург. Из германских памятников архитектуры имеются виды соборов Аахена, Кёльна, Ульма, Бамберга, старинных домов Нюрнберга, Гейдельберга и др. Бельгия представлена памятниками Брюгге, Антверпена и Брюсселя. Небольшое количество снимков по Сирии, Палестине и Константинополю. Серия снимков фотографа И.Ф. Барщевского по памятникам русского зодчества Москвы, Ярославля, Ростова, Суздаля, Киева и др.; снимки фотографа Ордэ по архитектуре Армении (Ани, Эчмиадзин и др.).

Литература по фонду М.Т. Преображенского

España. 1889. Испания // Edita: Fundacion C.V. MARQ, Museo Arqueológico de Alicante. 231 с. (Е.Н. Носов. Вступление на исп. яз. – с. 13–15, на рус. яз. – с. 166; Г.В. Длужневская. Испания в старых фотографиях – на исп. яз. – с. 27–49, на рус. яз. – с. 171–183).

Фонд 29. Репников Николай Иванович (1882–1940), археолог, сотрудник ИИМК АН СССР.

Дата поступления – 1919, 1940 г. Негативов – 57, отпечатков – 273. Съемка: 1907–1937 гг.

Негативная часть коллекции – снимки В.М. Машечкина 1915 г. русских живописных икон XV–XVIII вв. из частных собраний. Фотографии – материал по археологическим исследованиям фондообразователя в Крыму в 1907–1914 и 1927–1937 гг.: разведка 1907 г. (памятники в урочище Узень-баш, у деревень Скела, Гелин-кай, Шуры и др.); поездка в Крым и Мариуполь в 1914 г. (одежда мариупольских греков и др.); исследования 1927–1931 и 1937 г. в Эски-Кермене и окрестностях (Чуфут-Кале, Сюйрень). Кроме того, снимки работ Р.Х. Лепера в Мангупе (1912 г.), в Лаках (1914 г.) и др., а также снимки Бахчисарайского музея мусульманских надгробий в Чуфут-

Кале, Мангупе и Бахчисарае и снимки акварелей альбома А.С. Уварова с видами Мангупа, Эски-Кермена и Бахчисарая.

Фонд 30. Романов Константин Константинович (1882–1942), архитектор, художник, с 1919 г. – член-основатель Российской академии материальной культуры.

Дата поступления – 1949 г. Негативов – 1295, отпечатков – 2291.

Обширная коллекция (№ 1379), негативы которой датируются 1887–1936 гг., фотографии – 1882–1940 гг. Полная серия снимков Изборской крепости, Гремячей башни в Пскове. Исследования в Юрьеве Польском. Материалы фотофиксации древнерусских памятников Пскова и его окружи, а также значительные серии снимков крестьянских построек северных областей (Архангельская и Вологодская области, Карелия). Здесь же две серии фотографий других авторов, негативы к которым погибли: серия раскопок Н.Я. Марра в Гарни в 1909–1910 гг. и Н.И. Репникова в Старой Ладоге в 1913 г. В снимках представлены архитектура Кавказа, Средней Азии, Сербии, Греции, Турции и др.; раскопки в Херсонесе, Ольвии и других местах; этнографические сюжеты Ярославской и Тамбовской областей.

Литература по фонду Романова К.К.

Дружневская Г.В. Пушкиногорье в материалах фотоархива ИИМК РАН // Далекое прошлое Пушкиногорья. Выпуск 5. Археология. СПб., 2000. С. 48–55.

Медведева М.В. Научное наследие архитектора К.К. Романова в архиве Института истории материальной культуры // Материалы конференции «Новгород и Новгородская земля. История и археология». Вып. 19. Новгород, 2005. С. 317–324.

Медведева М.В. Деятельность архитектора К.К. Романова в области изучения и охраны памятников монументального зодчества в документах научного архива Института истории материальной культуры // Археологические вести. № 12. СПб., 2005. С. 291–301.

Фонд 31. Славцов Андрей Семенович (1849 – после 1903), художник.

Дата поступления – 1920 г. Негативов – 94, отпечатков – 292. Съемка: 1903 г.

Материалы по реставрационным работам 1903 г. в Зарзме (Грузия): съемка росписи церкви

данного монастыря, росписи Сафара и Чуле. Снимки фотографов, работавших на Кавказе: Д.И. Ермакова (памятники архитектуры и художественного ремесла из церквей Грузии и Армении), И. Александровича (виды Пятигорска, Кисловодска, Военно-Грузинской дороги), Л. Рогозинского (виды Дагестана). Имеется материал по Средней Азии: архитектурные памятники Самарканда, Мерва, Анау и др.

Фонд 32. Смирнов Яков Иванович (1869–1918), археолог, историк искусства.

Дата поступления – 1919 и 1933–1934 гг. Негативов – 110, отпечатков – 1181. Съемка: 1889–1914 гг.

Негативы – снимки фондообразователя 1889–1914 гг. во время поездок по России (Крым, Кавказ) и за границу в 1894–1897 гг. (Греция, Малая Азия, остров Кипр). По Крыму – снимки пещерных городов Инкермана, Чуфут-Кале, Тепе-Кермена, развалин Херсонеса, росписей керченских склепов, фиксация архитектурных фрагментов и скульптуры в Херсонесском музее и античных древностей в Керченском музее. По Кавказу – снимки соборов в Кутаиси, Гелати, церкви Цминда Самеба близ ст. Казбек, древностей Кавказского музея, миниатюр Менелогия XI–XII вв. Сионского собора в Тбилиси. Поездки на Кавказ 1909–1912 гг. были связаны с совместными работами с Н.Я. Марром в Ани (архитектурные памятники), Гарни (крепость, храм римского времени, ландшафтные снимки), на Гехамских горах (вишпы). Имеются также снимки пещерных церквей в Кала-диби (ущелье Милле-чая), лицевых изображений на столбах церкви в Агараке мозаики церкви в Цроми.

Заграничная поездка Я.И. Смирнова отражена серией снимков памятников Греции (снимки развалин Оропа, крепости в Филе, монастыря Луки Стирского в Фокиде, метеорских монастырей в Калабаке, церквей в Арте, Влахернского монастыря, мозаики Софийской и Георгиевской церквей в Салониках и др.). Малоазийская серия снимков представляет материал по каппадокийским церквям Бинбир-килисе, Чардаг, Чаули-килисе и пещерным храмам в долине Кереме. Фиксировались древности из музеев Будапешта, Вены (египетские ткани), Бухареста, Сплита, Афин, Спарты, Каира, Смирны, Кордовы, Таррагоны, Парижа, Лондона (византийские ткани, восточная бронза). Материалы к работам фондообразователя.

Фотографическая часть коллекции – снимки известных западноевропейских фотографов Али-

нари, Бонфиса, Дюма и др., приобретенные Я.И. Смирновым в 1894–1897 гг. (памятники монументального и прикладного искусства поздней античности и средневековья в странах Средиземноморского бассейна – Италия, Испания, Египет, о. Кипр, Сирия, Палестина).

Кроме того, серия снимков фотографа Д. И. Ермакова предметов художественного ремесла из монастырей Армении и Грузии, снимки восточного серебра из собраний Эрмитажа и Британского музея, предметов русского медного литья XVI–XIX вв.

Фонд 34. Спицын Александр Андреевич (1858–1931), археолог, действительный член ГАИМК.

Дата поступления – 1931 г. Негативов – 979, отпечатков – 3486. Съёмка: 1889–1915 гг.

Снимки 1911 и 1914 гг. к работе В.Я. Толмачева «Древности Восточного Урала» (вещевой материал из торфяников, курганов и с городищ Приуралья в районе озер Шигирского, Огневского, Исетского и др. и снятый в местных и столичных музеях – в Сысерти, Кыштыме и Верхней Нейве, Историческом музее в Москве и Музее Горного института в Петербурге). Полевые снимки В.Я. Толмачева по его поездке на Урал в 1914 г. (писаницы по рекам Нейва, Ирбит и др.). Снимки выставки древностей в Омске, кобанской бронзы из собрания А.А. Бобринского в Эрмитаже, древностей из Прибалтики и вещевого материала из раскопок В.И. Каменского в 1908 г. на Богородском и Чортовском городищах на р. Ветлуге. Снимки раскопок самого А.А. Спицына в 1910 г. курганов в Лужском уезде, Н.И. Репникова в 1909–1910 гг. городища Старой Ладого, С.И. Сергеева и М. Абрамова в 1898 и 1901 гг. Гнездовского могильника, Е.Н. Клетневой в 1909–1913 гг. в бассейне р. Вязьмы, Н.К. Минко в 1907–1908 гг. курганов в Челябинской области. Снимки многолетних раскопок Н.И. Веселовского на Кубани (1896–1915 гг.) и В.В. Соханева близ Геленджика в 1911–1912 гг. Снимки работ в Крыму: Н.И. Репникова (1907 г.), К.К. Костюшко-Валюжинича (1889–1891 гг.), Н.Н. Печенкина (1903 и 1910 гг.). Часть собрания представляют снимки по археологии Сибири (древности Минусинского, Красноярского и Тобольского музеев, снятые в 1890 г. Г.К. Гейкелем и И.Р. Аспелиным; археологические коллекции музеев Омска, Тюмени и др., снятые в 1911 г. Бекреевым; работы А.В. Адрианова в 1898 г. на р. Абакан и 1904 г. на р. Енисей – эстампажи писаниц; И.А. Кузнецова

– полевые работы в Минусинском округе в 1908–1911 гг.). Кроме того, материал по архитектуре Иркутска, в том числе снимок Триумфальных ворот с надписью «Дорога к Тихому океану», воздвигнутых в 1858 г. в память присоединения Амурского края к России (снимки 1911 г. студента Академии художеств Н. Исцеленова и фотографа И. Портнягина). Серия снимков Я.И. Смирнова по Греции и Малой Азии (1895 г.) и И.А. Шляпкина по Германии (1907 г.).

Литература по фонду Спицына А.А.

Длужневская Г.В., Медведева М.В. Научное наследие А.А. Спицына в фотоотделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН // История и практика археологических исследований. Материалы Международной научной конференции, посв. 150-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, проф. А.А. Спицына. СПб., 26–30 ноября 2008 г. СПб., Издательский Дом СПбГУ, 2008. С. 32–38.

Фонд 35. Султанов Николай Владимирович (1850–1908), архитектор.

Дата поступления – 1930 г. Негативов – 6, отпечатков – 581. Съёмка: 1900 г.

Снимки по русской церковной архитектуре (проекты, общие и внутренние виды храмов ряда российских городов и русских церквей в Германии) и художественному ремеслу (церковная утварь XVI–XVII вв.). Серия фотографий «Тверская старина» (предметы церковной утвари XVI–XVII вв. в собрании Тверского музея). Снимки храма Христа Спасителя; альбом, посвященный строительству памятника Императору Александру II в московском Кремле; интерьеры особняка Юсуповых в Большом Харитоньевском переулке в Москве. Этнографический материал (снимки фотографа Ордэ – типы народов Средней Азии, Кавказа, Ирана, и снимки 1897 г. поездки неустановленного автора на Алтай).

Фонд 36. Суслов Владимир Васильевич (1857–1922), академик архитектуры.

Дата поступления – 1919 г. Негативов – 671, отпечатков – 8. Съёмка: 1880–1919 гг.

Материал по северному деревянному зодчеству (Архангельская, Вологодская и Олонецкая губернии и др.), по крепостным сооружениям (Старая Ладога, Копорье, Смоленский кремль и др.), по Крыму (генуэзские памятники Судака и

Феодосии). Материалы по реставрации памятников в Пскове, Новгороде и Старой Ладого (кальки росписей собора Мирожского монастыря, стенописи Волотовской церкви, Георгиевской церкви в Старой Ладого), неполная серия снимков реставрации Софийского собора в Новгороде в 1896 г. (дополнения находятся в коллекции Русского музея в Санкт-Петербурге). Несколько снимков фондообразователя, сделанных им во время путешествия в Швецию в 1886 г. (орнаментированные прелки из собрания Стокгольмского музея).

Фонд 37. Сычев Николай Петрович (1883–1964), член РАИМК – ГАИМК, искусствовед, специалист в области древнерусской живописи; профессор.

В начале 1920-х годов заведующий Отделением древнерусского искусства, Художественного отдела Русского музея, председатель Комитета изучения древнерусской живописи, директор (1921–1926 гг.). Заведовал Разрядом древнерусского искусства в РАИМК – ГАИМК. Председатель III художественно-исторического отделения. В декабре 1919 г. был поставлен заведовать фотоархивом.

Дата поступления – 1960 г. Негативов – 766, отпечатков – 2141. Съемка: 1892–1960 гг.

Материалы по реставрации фресок церквей Новгорода, Владимира, Софийского собора в Киеве, собора Василия Блаженного в Москве, церквей Армении и Грузии; памятники архитектуры, главным образом церковной, России, Украины, Армении, Грузии, Греции, Сербии, Италии, Малой Азии. Последние в оригинальных фотографиях зарубежных мастеров фотоискусства. В искусствоведческом плане интересны материалы по русским церковным древностям, иконографии и др.

Литература по фонду Сычева Н.П.

Кызласова И.Л. Николай Петрович Сычев (1883–1964). М.: Изд. СканРус, 2006. 327 с.

Фонд 38. Фаберже Карл Густавович (1846–1920), владелец ювелирного торгового дома в Петербурге.

Коллекция поступила в 1930 г. из Минералогического музея АН СССР. Негативов – 2, отпечатков – 88. Съемка: 1890 гг.

Материал по храмовой и гражданской архитектуре Индии, пещерным храмам Эллары и на Элефантине. Несколько любительских снимков Порт-Саида (Египет).

Литература по фотодокументам из фонда Фаберже К.Г.

Длужневская Г.В. Фотодокументы из фонда К.Г. Фаберже: Индия, Таиланд, Мьянма, Шри-Ланка // Санкт-Петербург – Индия. История и современность. (Серия «СПб. и Мир»). СПб.: Изд. «Европейский Дом», 2009. С. 327–356.

Фонд 39. Фармаковский Борис Владимирович (1870–1928), археолог, историк античности, член-корреспондент Петербургской АН; действительный член ИАК; член и секретарь РАО. Член РАИМК – ГАИМК, заведующий разрядами археологии Скифии и Сарматии и греко-римского искусства. Хранитель Эрмитажа. Профессор ряда вузов Петербурга – Ленинграда.

Дата поступления – 1919 и 1928 г. Негативов – 702, отпечатков – 348. Съемка: 1905–1909 гг.

Коллекция негативов представляет собой путевые снимки во время поездок на Археологические конгрессы: в Афины (1905 г.), Каир (1909 г.); полевые снимки раскопок в Ольвии в 1905, 1907 гг. и вместе с Д.В. Милеевым в Киеве у Десятинной церкви в 1908 г. Коллекция также содержит снимки античных памятников Афин, античной скульптуры Афинского музея и Эрмитажа, ряд видовых снимков Константинополя.

Фонд 40. Чистяков Иван Федорович (1865–1935), фотограф Археологической комиссии с 1894 по 1918 г. и ГАИМК – ИИМК с 1919 по 1935 г.

Дата поступления – 1918, 1924 и 1935 гг. Негативов – 1415, отпечатков – 1251. Съемка: 1900–1918 гг.

В фонде отложились снимки, сделанные автором в 1900–1918 гг. непосредственно с памятников, среди которых детальная фиксация реставрационных работ Д.В. Милеева в Ипатьевском монастыре г. Костромы (1911–1912 гг.). Фотографии по русской миниатюре, археологии и искусству.

Литература по фотодокументам из фонда Чистякова И.Ф.

Длужневская Г.В. Фотографы Императорской Археологической комиссии // Археологические вести. № 14. М.: Наука, 2007. С. 245–258.

Фонд 41. Шилейко Владимир Казимирович (1891–1930), ассириолог.

Дата поступления – 1932 г. Негативов – 51. Съемка: до 1930 г.

Материал по древневавилонским и ассирийским печатям и клинописным табличкам, снимки керамики из Суз.

Фонд 50. Токарский Николай Михайлович (1892–1977), архитектор, бывш. директор Музея Академии Художеств.

Дата поступления – 1964 г. Негативов стереоскопических – 68. Съемка: 1934 г.

Поездка в Армению и снимки памятников Анберда, Цовинара, Двина.

Фонд 51. Леонтович Владимир Григорьевич (1881–1968), инженер, архитектор, реставратор.

Дата поступления – 1965 г. Негативов – 131. Съемка: 1912–1917 гг.

Снимки наружных и внутренних видов Вишневецкого замка XIII в. близ Кременца быв. Волынской губернии; памятников архитектуры Киева и его окрестностей; раскопки церкви Спаса на Берестове в Киеве; персоналия.

Фонд 52. Иванова Анна Павловна (1903–1963), археолог.

Дата поступления – 1966 г. Негативов – 262, отпечатков – 516. Съемка: 1933–1960 гг.

Снимки боспорских саркофагов, надгробий и древностей из музеев Крыма.

Фонд 54. Вздорнов Герольд Иванович (1936 г. рожд.), искусствовед.

Дата поступления – 1975 г. Негативов – 2010, отпечатков – 2402. Съемка: 1956–1970 гг.

Коллекция содержит снимки памятников церковной и гражданской архитектуры XVI–XIX вв. России, Украины, Кавказа, Югославии; снимки курганов в Керчи и близ нее.

Фонд 55. Смирнова Энгелина Сергеевна (1932 г. рожд.), искусствовед, сотрудник научно-исследовательского института искусствоведения в г. Москве.

Дата поступления – 1977 г. Негативов – 228, отпечатков – 238. Съемка: 1962–1965 гг.

Снимки памятников архитектуры Каргополя и разных районов Архангельской области.

Фонд 56. Раев Борис Аронович (1946 г. рожд.), археолог.

Дата поступления – 1980 г. Негативов – 417, отпечатков – 470. Съемка: 1969–1977 гг.

Материалы могильников, в основном эпохи бронзы, исследованных на территории Ростовской-на-Дону области.

Фонд 57. Раппопорт Павел Александрович (1913–1988), археолог, сотрудник ЛОИА АН СССР.

Дата поступления – 1982 г. Негативов – 88, отпечатков – 1468. Съемка: 1932–1984 гг.

Коллекция представляет снимки памятников архитектуры России, Белоруссии, Украины, Крыма, Абхазии, Эстонии.

Литература по фонду Раппопорта П.А.

Длужневская Г.В. Материалы П.А. Раппопорта в фотоархиве ИИМК РАН // Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции. Псков, 20–24 ноября 1995 года. Часть 3. Памятники церковной археологии России. СПб.–Псков, 1995. С. 73–76.

Фонд 59. Давыдова Антонина Владимировна (1920–2000), археолог, доцент кафедры археологии Ленинградского государственного университета, кандидат исторических наук.

Дата поступления – 1987 г. Негативов – 1052, отпечатков – 1060. Съемка: 1955–1974 гг.

Материалы раскопок Иволгинского комплекса (Большое и Малое городища, могильник). Коллекция отражает процесс раскопок, представлены снимки чертежей и находок из этих памятников в фотографиях и пересъемке авторских таблиц.

Литература по фонду Давыдовой А.В.

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Том I: Иволгинское городище. СПб.: фонд «АзиатИКА», 1995. 92 с., 188 табл.

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Том 2: Иволгинский могильник. СПб.: фонд «АзиатИКА», 1996. 176 с.

Фонд 60. Грязнов Михаил Петрович (1902–1984), историк-археолог, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РСФСР, лауреат Государственной премии СССР.

Дата поступления – 1987 г. Негативов – около 30000, отпечатков – около 30000. Съемка: 1929–1984 гг.

Материалы полевых исследований М.П. Грязнова и М.Н. Комаровой: Алтайская экспедиция 1929 г., Северо-Алтайская экспедиция 1947 и 1949 г., Новосибирская экспедиция 1953–1954 гг., Иркутская экспедиция 1959 года, Красноярская экспедиция 60–70-х годов и Аржанская 1971–1974 годов. Снимки чертежей исследованных объектов, находок из них. Материалы антропологических исследований алтайцев 20–30-х годов. Поездки в Среднюю Азию и Сибирь. Архитектура Петербурга 1970–1980-х годов.

Литература по фонду Грязнова М.П.

Длужневская Г.В., Лазаревская Н.А., Медведева М.В. Научное наследие Михаила Петровича Грязнова в фотоархиве ИИМК РАН // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции, посв. 100-летию со дня рожд. Михаила Петровича Грязнова. Кн. I. СПб.: Изд. Государственного Эрмитажа, 2002. С. 35–41.

Михаил Петрович Грязнов: исследователь древних культур Сибири и Центральной Азии. Архивные материалы и список. СПб.: Изд. «ЭлекСис», 2012. 80 с.

Рева Л.И. Новые материалы из личного архива М.П. Грязнова // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. Тезисы докладов научно-практической конференции. Красноярск, 1989. С. 69–70.

Фонд 61. Потоцкий Мстислав Николаевич (1920–1998), биолог, кандидат биологических наук; Потапова Ирина Алексеевна (1914–2002), преподаватель английского языка ка Санкт-Петербургского государственного университета.

Дата поступления – 1991 г. Отпечатков – 284, диапозитивов на стекле – 6. Съемка: конец XIX – 20-е годы XX века.

Серия фотооткрыток с видами Крыма, Львова, Санкт-Петербурга, Костромы, Торжка, Венеции и др.; фотографии 1920-х годов, сделанные на строительстве Волховской ГЭС. Этнографические сюжеты. Фотографии членов царской фамилии.

Негативы и контрольные снимки путешествия художника И.Я. Билибина по Египту, Сирии

и Палестине; съемка коллекций Каирского и Александрийского музеев и др.

В настоящее время обработана коллекция открыток (кол. 3328), включающая около 2500 ед. В основном открытки, приобретенные И.Я. Билибиным во время его поездок по Востоку.

Фонд 62. Медведев Игорь Борисович (1952 г. рожд.), архитектор.

Дата поступления – 1991 г. Отпечатков – 46. Съемка: 1906–1911 гг.

Коллекция пополняется CD-дисками. Осуществляется процесс научно-технической обработки (составление описей).

Снимки архитектурных памятников Тотьмы и Верхнего Устюга Вологодской губернии.

Фонд 64. Казас Михаил Михайлович (1934 г. рожд.), экономист, доцент и заведующий кафедрой Московского института коммунального хозяйства и строительства.

Дата поступления – 1991 г. Отпечатков – 175. Съемка: 1870–1925 гг.

Коллекция распадается на несколько серий: фотографии 1870-х годов памятников архитектуры Западной Европы; открытки, выпускавшиеся до 1917 г.; фотооткрытки и фотографии 1925 г. – архитектура г. Адрианополя и этнографические сюжеты по Турции и Западнему Китаю; фотографии 1896 г. – этнографические сюжеты, портреты жителей Тверской губернии.

Фонд 66. Грач Александр Данилович (1928–1981), археолог, кандидат исторических наук, основатель и начальник Саяно-Тувинской экспедиции (1965–1972 гг.), заслуженный деятель науки и культуры Республики Тыва.

Дата поступления – 1994 г. Негативов – 2550. Съемка: 1957–1962 гг.

Материалы археологических исследований в Западной и Южной Туве (каменные изваяния, наскальные изображения, процесс раскопок разновременных курганов). Материалы археологических раскопок в Ленинграде, в том числе могилы С.П. Крашенинникова, и подготовительные материалы к изданию книги «Археологические раскопки в Ленинграде».

Коллекция пополнилась материалами (отпечатки и негативы) 1950–1960-х годов, переданными в фотоархив из отдела МАЭ. К этому же фонду можно отнести негативы, поступившие от фотографа Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА

АН СССР В.А. Щурова. Количество их в силу ряда причин не подсчитано.

Фонд 67. Петухов Михаил Александрович (1928 г. рожд.), художник, архитектор.

Дата поступления – 1996 г. Негативов – 72, отпечатков – 15. Съемка: 1962–1990 гг.

Материалы поездок по Туве (рекогносцировочные работы по Саяно-Шушенской ГЭС в 1962 г. в составе отряда А.Д. Грача). Поездки по Алтаю (виды, снимки археологических памятников).

Фонд 68. Калинин Владимир Александрович (1945–2011), историк; Калинина Валентина Васильевна (1950 г. рожд.), инженер.

Дата поступления – 1996 г. Негативов – 240, отпечатков – 2500. Съемка: 1980–1990 гг. Материалы по современному состоянию архитектурных памятников в различных городах России (общие виды и интерьеры). Материалы по современным обрядам (крещение, свадьба и т.д.).

Фонд 69. Воробьев Тихон Ильич (1900 – 1966), военный историк.

Дата поступления – 1996 г. Отпечатков – 100, открыток – 1500. Съемка: 1940–1966 гг.

Этнологические материалы (открытки с этнографическими сюжетами). Виды городов СССР, Кавказа, Крыма и т. д. Открытки с картин Третьяковской галереи, Русского музея, временных выставок. Материалы по памятникам Гражданской и Отечественной войны и другие.

Литература по фонду Воробьева Т.И.

Васильева Ю. Личный архив Т.И. Воробьева // Мир истории: новые горизонты. Тезисы докладов студенческой научно-практической ежегодной конференции. Екатеринбург, 19 апреля 2001 г. Екатеринбург, 2001. С. 78–80.

Фонд 70. Арсентьев Сергей Александрович (1955 г. рожд.), фотограф.

Дата поступления – 1997 г. Негативов – около 300, фотографий – около 300. Съемка: 1982–1992 гг.

Материалы по Кронштадтской крепости и фортам. Виды города Санкт-Петербурга и других городов России.

Фонд 71. Мицкевич Михаил Антонович (1898–1956), художник, фотограф.

Дата поступления – 1997 г. Негативов – 6500, фотографий – 6500. Съемка: 1930–1950 гг.

Материалы по Ленинграду и Ленинградской области: виды города; внешние виды и виды экспозиций музеев, в том числе упраздненных к настоящему времени, институтов, училищ и т. п.; виды городов, сел, колхозов различных районов Ленинградской области. Снимки этнологического и очеркового характера.

Фонд 72. Фрид Семен Григорьевич (1915–1981), фотограф.

Дата поступления – 1997 г. Негативов – 950. Съемка: 1950–1980 гг.

Материалы по архитектуре Ленинграда. Снимки предметов декоративно-прикладного искусства, живописных полотен и скульптур из музеев Ленинграда. Пересъемка автографов русских художников и писателей.

Фонд 73. Чицова Людмила Владимировна (1947 г. рожд.), кандидат исторических наук, доцент Российской Гуманитарной академии, директор культурных программ Российского культурного центра в Будапеште (Венгрия).

Дата поступления – 1997 г. Негативов – 120, отпечатков – 150. Съемка: 1996–1997 гг.

Снимки историко-культурных и архитектурных памятников Венгрии, Австрии, Италии и др.

Фонд 74. Васильев Дмитрий Дмитриевич (1946 г. рожд.), кандидат исторических наук, академик АН Турции, заведующий отделом Института востоковедения РАН (Москва), вице-президент Всероссийского общества востоковедов.

Дата поступления – 1997 г. Негативов – около 100, отпечатков – около 100. Съемка: 1920 г., 1971–1997 гг.

Снимки и дневники С.А. Кондратьева по Монголии. Материалы по древнетюркской рунической письменности Енисея, Алтая, Монголии.

Фонд 75. Рудченко Виталий Михайлович (1943 г. рожд.), фотограф.

Материалы поступают с 1997 г. Негативов – около 500, отпечатков – около 500. Съемка: 1971–1997 гг.

Памятники архитектуры, преимущественно деревянной, различных российских городов.

Фонд 76. Генинг Владимир Федорович (1924–1993), археолог, доктор исторических наук.

Дата поступления – 1997 г. Съёмка: 1920 г., 1971–1997 гг.

Негативы, отпечатки и материалы к изданиям и полевые отчеты.

*Литература по фонду
«Художники Санкт-Петербурга»*

Мастерская. Сто двадцать мастерских художников Петербурга // Сост. и автор съёмки Т.В. Субботина. СПб., 2011.

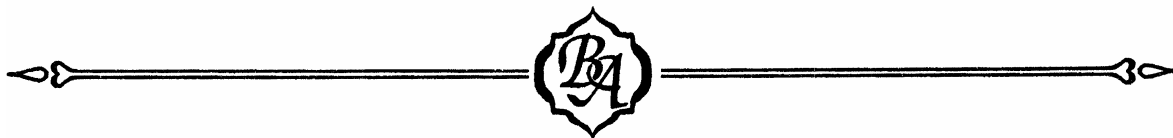
* * *

Фонд 77. Художники Санкт-Петербурга конца XX – начала XXI века (составитель Субботина Т.В., историк искусства (1945–2009))

Дата поступления – 2007 г. 10 CD. Съёмка: 1990–2007 гг.

Здесь приведена далеко не вся литература по фотоархиву (монографии, статьи, тезисы докладов и пр.) – всего, начиная с 1926 г., опубликовано 178 работ.

НАШИ АВТОРЫ

БЕЛЯКОВ Владимир Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: beliakov2007@yandex.ru, сайт www.belyakovv.com

БУХЕРТ Владимир Генрихович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Архива Российской академии наук. E-mail: buhert-1955@mail.ru

ВАСИЛЬЕВ Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: advasilyev@mail.ru

ДЛУЖНЕВСКАЯ Галина Вацлавовна – доктор исторических наук, заведующая научным архивом Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург). E-mail: dluzh@mail.ru

КАДЫРБАЕВ Александр Шайдатович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: kadyr_50@mail.ru

КАЗДАГЛИ Нежмеддин – кандидат исторических наук, доцент Высшего института языков, Университет Карфагена (Тунис). E-mail: nejme.kaz@hotmail.com

КОЗЛОВ Денис Юрьевич – кандидат исторических наук, заместитель начальника Института военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ. E-mail: kozloff-d@mail.ru

СМИРНОВ Александр Сергеевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН. E-mail: assmirnov@mail.ru

СУЛТОНОВ Уктамбек Абдулганиевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения Академии наук Республики Узбекистан (Ташкент). E-mail: usultonov@mail.ru

ТИХОНОВ Юрий Николаевич – доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета. E-mail: alfokdo@mail.ru

ФИЛИПОВА Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: filipova2006@yandex.ru

ХОХЛОВ Александр Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: orientalarchive@yandex.ru